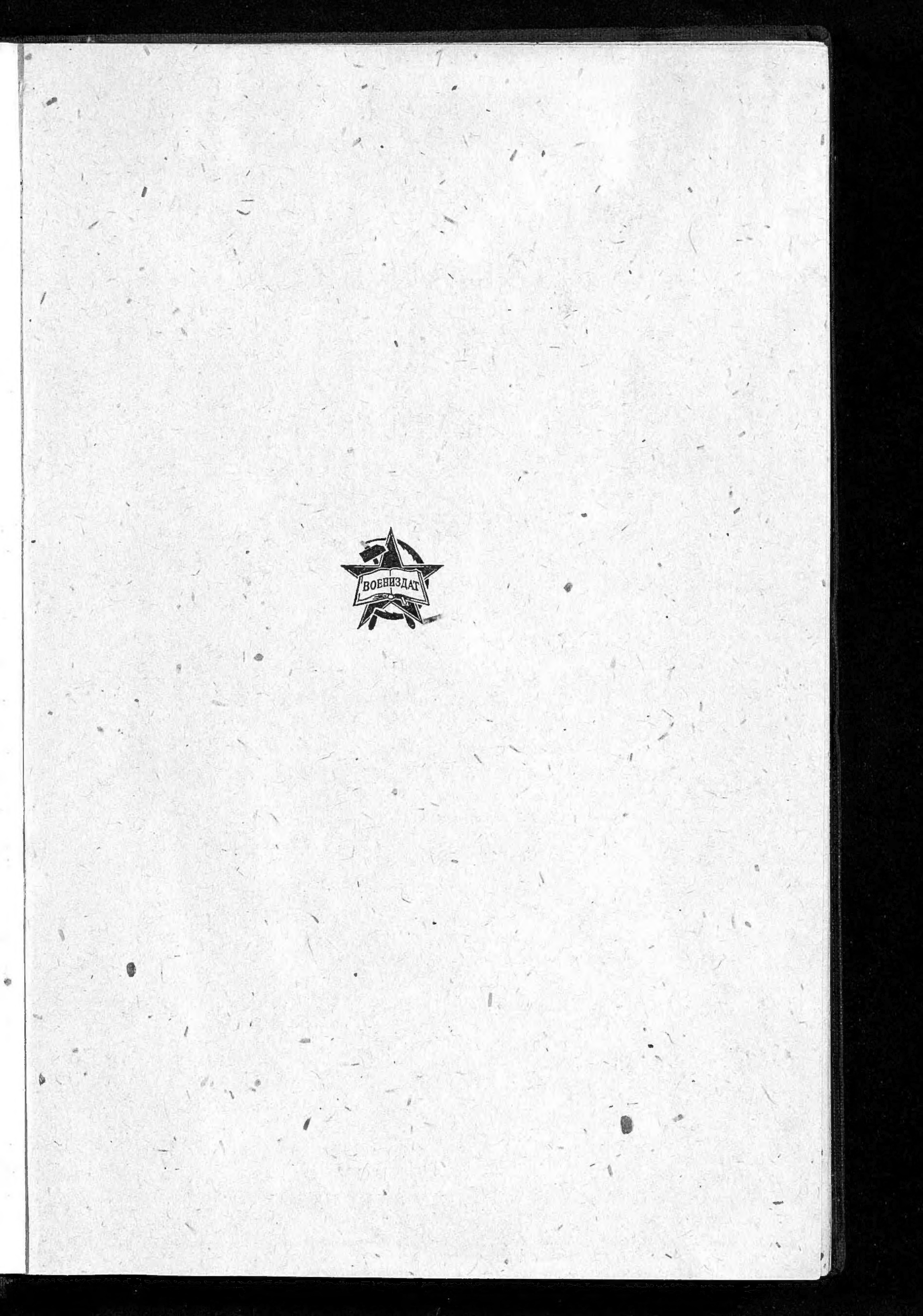
А. ВИЛЛАРИ

ВОЙНА НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ 1915–1918

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА – 1936


ВОЕНИЗДАТ

THE WAR ON THE ITALIAN FRONT

LUIGI VILLARI, M. C.

LONDON
COBDEN SANDERSON
1932

Л. ВИЛЛАРИ

ВОЙНА НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ 1915–1918 гг.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
майора И. Салитан

Предисловие, примечания и схемы составлены переводчиком

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА – 1936

Л. Виллари. „Война на итальянском фронте 1915 — 1918 гг.“. Перевод с английского майора И. Салитана, с предисловием и примечаниями переводчика.

Книга итальянского автора вместе с составленными переводчиком схемами может дать полное представление об общем ходе военных действий на итальянском театре мировой войны.

Книга предназначается для начсостава Красной армии всех родов войск.

К печати подготовили:
Редактор *В. Е. Белолипецкий*. Технический редактор *Е. Прозоровский*.
Корректор *Н. Ширяева*. Выпускающий *Ф. Виноградов*.

В набор сдано 21/V 1936 г. К печати подписано 4/X 1936 г. Формат бумаги 60×92.
6,5 бум. листа. 13 печ. листов. 18,5 авт. листа. 104.000 знаков в 1 бум. листе.
Цена книги 3 р. 70 к., переплет 1 р. 20 к.
Текст книги отпечатан на бумаге Камского Бумкомбината.
Г—35212. Огиз № 144. Заказ № 1900. Тираж 10.000 экз.

ЛОЦТ НКО СССР им. Клима Ворошилова (Ленинград, ул. Герцена, 1)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Не только военно-историческая литература на русском языке не имеет законченного труда о действиях на итальянском фронте во время мировой войны. Таких трудов почти нет и на иностранных языках. Даже труды участников войны, изданные в Италии, освещают преимущественно отдельные операции, либо отдельные периоды войны.

Книга Луиджи Виллари — одна из очень немногих книг, более или менее подробно освещающих войну на итальянском фронте.

Издана она в Лондоне в 1932 г. Редакция указывает, что это — первая книга на английском языке, дающая полное описание войны на итальянском фронте.

Автору книги, Луиджи Виллари, принадлежит ряд работ на исторические и политические темы. Во время войны автор служил в рядах итальянской армии и был представителем последней при британском и французском командованиях в Македонии. Английское издательство указывает, что автор использовал «не только официальные и прочие исторические документы об итальянской кампании, но и показания многих участников ее».

Виллари писал эту книгу для англичан. Об этом он в своем предисловии говорит: «Я не претендую на оригинальность моего труда и тем менее на сенсационные открытия. Я лишь рассказываю эту историю читателям англо-саксонских стран, и, если эта книга будет содействовать укреплению дружбы между Италией и англо-саксонскими народами, я буду считать свой труд не напрасным». Отсюда видно, что книга должна служить целям сближения Италии с англо-саксонскими странами, в первую очередь с Великобританией. И автор не скупится на реверансы в сторону Англии, умело обходя все острые углы во взаимоотношениях между итальянцами и англичанами во время войны.

Эта целеустановка автора наложила на книгу отпечаток тенденциозности, который читателю нужно учитывать. Нечего и говорить, что книга вся насквозь пронизана патриотическим духом, и автор ее намеренно возвышает и приукрашивает все успехи итальянской армии, пытаясь смягчить описание неудач.

Англичане не остаются в долгу. Книга снабжена предисловием английского дипломата Реннел Родда, бывшего 13 лет, в том числе все годы мировой войны, английским послом в Италии. Предисловие отмечает достоинства книги и в свою очередь дает похвальный отзыв о «великодушном и достойном любви народе» Италии.

Реннел Родд не желает прямо расценивать роль Италии в общей победе союзников. Он хочет решить задачу от обратного и выдвигает ряд гипотез: «Что было бы, если бы?..»

Книга дает достаточно фактического материала, чтобы признать важную роль Италии в войне. Италия все же сковала большие силы

центральных держав, отвлекла на себя силы с русского фронта, освободила для действий на западе французские войска с итальянской границы. Конечно, роль Италии не была решающей, потому что в наиболее важные периоды она не могла добиться успехов, а победа ее у Витторио Венето была достигнута уже тогда, когда участь германцев и австрийцев была решена.

Автор стремится доказать, что выход Италии из Тройственного союза и объявление в начале войны нейтралитета не являлись предательством по отношению к союзникам.

Оказывается, как всегда, в договорах имелись оговорочки, предусматривавшие обстановку, освобождавшую Италию от обязательного выступления на стороне союзников. Но одновременно автор признается, что итальянцы никогда не питали симпатии к Австро-Венгрии, что союз с нею был не более, чем «браком по расчету», что «ненависть к Австрии была издавна глубоко заложена в итальянском народе» и т. д.

И, наконец, самый сильный «аргумент» состоит в том, что к нарушению Тройственного союза побудили Италию сами союзники своим презрительным к ней отношением и упорным нежеланием Австрии итти на какие бы то ни было территориальные уступки в пользу Италии.

Автор старается отвести упреки в том, что Италия выжидала, чтобы примкнуть к тому, кто победит. Но в то же время, хотя и между строк, он признает, что Италия готова была присоединиться к тому, кто больше даст. И действительно, пробалансировав в течение 10 месяцев между двумя воюющими коалициями, после продолжительных переговоров, Италия все более склоняется на сторону Антанты, и 24 мая 1915 г., подписав в Лондоне договор, который должен был в конце войны обеспечить Италии территориальное расширение за счет Австрии и Турции, Италия объявила Австрии войну. Характерно, что Германии Италия официально войну не объявила, и дипломатические сношения с нею были сохранены до 27 августа 1916 г. Это был довольно странный период юридического мира и фактической войны, ибо германские войска принимали участие на стороне австрийцев в операциях на итальянском фронте.

Итоги войны Виллари оценивает пессимистически. Италия считает себя страной обиженной. На Версальской конференции ее обошли. Ее приобретения в результате войны «не окупают понесенных жертв». По этому поводу автор проливает немало слез на страницах своего труда. И излагая на сотнях страниц весь ход боевых действий на итальянском фронте, подчеркивая большое их значение для успеха действий англо-французов на западе и России на востоке, автор заканчивает книгу сравнительными цифрами жертв и приобретений Италии. Этот заключительный аккорд должен служить как бы апелляционной жалобой к общественному мнению Англии.

Автор описывает боевые действия в строгой хронологической последовательности; это облегчает пользование книгой и изучение ее материала. Бои велись на двух фронтах: на Изонцо — в Венецианской равнине и на севере — в горном районе Тироля.

Бои велись с большим напряжением и сопровождались большими потерями с обеих сторон. Всего было проведено 12 сражений на Изонцо,

большое сражение на Пьяве, большое сражение в районе Азьяго и сражение у Витторио Венето. Наиболее интересные, заслуживающие всестороннего изучения и поэтому наиболее подробно описываемые автором,— это сражение у Капоретто («двенадцатое Изонцо»), где итальянская армия понесла большое поражение, и сражение у Витторио Венето («вторая Пьяве»), где была окончательно разгромлена австрийская армия.

Виллари показывает, что Италия несомненно не была готова к большой войне ни в отношении материального обеспечения, ни в отношении боевой подготовки. С самых первых операций, где итальянцы пытаются проявлять активность и наступать, бросается в глаза ограниченность успехов и огромные потери.

В результате первого сражения на Изонцо, в конце июля 1915 г., «в отдельных местах, в особенности в Карсо, неприятельский фронт был оттеснен назад, но в целом противник держался прочно». Но уже в этом бою итальянцы теряют 15 000. И автор признает: «Теми наступательными средствами, которыми мы располагали в 1915 г., ничего больше сделать было нельзя». Второе Изонцо стоит итальянцам еще 34 000. Третье Изонцо съедает 113 000, а «наступление не оправдало надежд, и результаты его не соответствовали понесенным потерям». Такими выводами пестрят многие страницы книги. В итоге 1915 г. за 7 месяцев войны итальянцы, ничего не добившись, потеряли в общей сложности 289 000 человек. Австрийцы, как правило, во всех сражениях несут гораздо меньшие потери, чем итальянцы. Автор объясняет это двумя причинами: во-первых, недостатком у итальянцев вооружения и технических средств борьбы и, во-вторых, естественной неприступностью австрийских границ.

История повторяется и в 1916 г. Пять сражений на Изонцо, в которых итальянцы неизменно являются наступающей стороной, и два сражения в Трентино, где один раз наступают австрийцы и один раз итальянцы, вызывают огромные потери и не приводят к решающим результатам.

Здесь между прочим читатель встретится с довольно интересными рассуждениями автора о связи Трентинского наступления австрийцев с наступлением Брусилова на юго-западном русском фронте. Автор пытается рассеять «сказку» о том, что Брусилов своим наступлением отвлек на себя силы австрийцев с итальянского фронта и этим спас итальянцев. Автор утверждает обратное: что, наоборот, итальянцы помогли русским достигнуть успеха.

Решительное поражение итальянцы терпят в двенадцатом сражении на Изонцо, которое носит зловещее имя Капоретто. Неожиданный результат этого сражения настолько взволновал союзников, что сам Ллойд Джордж, Пенлеве, Фош и Робертсон спешно выехали в Италию. Автор пытается доказать, что под Капоретто итальянцы не были разгромлены, что имела место лишь неудача и кое-где организованный, а кое-где неорганизованный отход армии с Изонцо на Пьяве. Состояние итальянской армии перед Капоретто и весь ход этого сражения изложены довольно подробно, поэтому эти главы являются в книге наиболее ценными.

Автор пытается также опровергнуть «легенду о Фоше», спасшем Италию, и «легенду» о том, что наступление австро-германцев было задержано союзными войсками. Он говорит, что Кадорна сам принял решение обороняться на Пьяве и что итальянцы сами задержали наступавшие австро-германские войска.

Нужно отчасти согласиться с автором, что такого разгрома, который угрожал бы вывести Италию из войны, как это принято думать и как об этом пишут почти все авторы исторических работ по мировой войне, фактически не было. На это указывает и Лиддель-Гарт («Правда о войне», Воениз, 1933). Ллойд Джордж, описывая в «Военных мемуарах» свои впечатления о «катастрофе у Капоретто», больше говорит о растерянности главного командования и о хаосе, царившем в тылу отступавших войск. Отступавшие войска сохранили способность обороняться, и действительно, будучи постепенно приведены в порядок, они довольно прочно задерживаются на Пьяве. Но надо сказать, что полного разгрома не последовало потому, что сами центральные державы не ожидали такого поразительного успеха и не были подготовлены к глубокому наступлению, а организовать его спешно не сумели.

Встает невольно вопрос: почему итальянская армия была такой отсталой, не могла добиться успехов в борьбе с австрийцами, несла такие огромные потери и была подвержена панике, молва о которой за итальянцами тянется от Кустоццы и Лиссы, через Адую и Капоретто.

Для этого необходимо несколько более подробно ознакомиться с тем, что представляла собой в массе итальянская армия в этот период и каковы были в ней настроения.

Как бы автор ни тужился создать представление о повальном патриотическом угаре в массах итальянского народа, известно, что трудящиеся массы Италии не хотели войны.

Ленин в своей заметке «Империализм и социализм в Италии» (XVIII, 289—296) указывает, что в Италии к началу войны 40% населения было неграмотно, что в Италии неоднократно бывали холерные бунты. Недаром итальянский империализм прозвали «империализмом бедняков». Значительная часть итальянских трудящихся масс города и деревни находилась в сильнейшей нищете. Десятки и сотни тысяч рабочих бежали из Италии от голода и нужды в другие страны продавать свой труд. В 1910 г. из 36 млн. населения «отчаянная нищета» гонит в эмиграцию 5,5 млн. человек. Оставшиеся в Италии терпят нужду и голодают.

С такой «живой силой» Италия вступила в войну. Естественно, что погнать итальянский народ на войну было нелегко. Волнения в стране заставили Саландру заявить: «Порядок будет сохранен во что бы то ни стало», «Мы не могли помешать войне ливийской (триполитанской), еще менее сможем помешать войне с Австрией», и угрожать, что попытка всеобщей стачки против мобилизации приведет лишь к «бесполезной бойне».

Несмотря на эти неопровержимые факты, Виллари все же не стесняется говорить, что массы с воодушевлением пошли на войну.

А Ленин в конце 1915 г., т. е. когда Италия уже воевала, писал:

«Лгут те, кто говорит (Каутский в том числе), что «массы» пролетариев повернули к шовинизму: массы *не были* опрошены нигде (за исключением, может быть, Италии—9 месяцев споров до объявления войны! — и в Италии массы были *против* партии Биссолати). Массы были оглушены, забиты, разъединены, задавлены военным положением» (XVIII, изд. 3-е 343)*.

Революционное брожение в Италии началось давно, а в начале мировой войны приняло более резкие формы.

Летом 1915 г. Ленин говорил, что:

«Революционно социал-демократические элементы, несмотря ни на что, существуют во многих странах. Они существуют и в Германии, и в России, и в Скандинавии..., *и в Италии*... (подчеркнуто нами) (XVIII, 215).

«В Италии партия Биссолати и К°, чисто оппортунистическая, стала шовинистской. Интернационализм представлен *рабочей* партией. *Массы* рабочих за эту партию...» (XVIII, 270).

С самого начала войны в Италию, как и в другие страны, стала проникать антиимпериалистическая литература, агитирующая против войны.

«Особенно важно,—писал Ленин в декабре 1916 г.,—переиздание в Швейцарии воззваний, печатаемых тайно против правительства в Германии, Франции, Италии, перевод их на все 3 языка и распространение как среди швейцарского пролетариата, так и среди пролетариата всех соседних стран» (XIX, 342).

Все это расшатывало и без того слабую итальянскую армию.

Политико-моральное состояние тыла и армии никогда не было спокойным. Малейшие потрясения вызывали взрывы возмущения наиболее активных элементов. Автор вскользь об этом кое-где упоминает. Достигнутые ограниченные результаты вызвали повсюду в стране чувство досады и уныния. Безусловно это так.

Летом 1917 г. известия о февральской революции в России, о братании с немцами и австрийцами на востоке стали проникать и в итальянскую армию. Брожение в стране и в армии вынуждает правительство еще больше усилить репрессии.

Капоретто свершилось в октябре 1917 г. А еще 29 сентября 1917 г. Ленин писал:

«Усиливался протест против войны — увеличилось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии — вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революции* (разрядка Ленина. — *И. С.*) в мировом масштабе» (XXI, 235).

---

* Все цитаты приведены по 3-му изданию сочинений Ленина.

Незадолго до Капоретто были волнения в Турине, жестоко подавленные правительством.

Солдатские и рабочие массы Италии, несмотря на более позднее вступление в войну, начали проявлять большую усталость, в связи с последней волнения растут и ширятся.

10 ноября 1917 г., когда еще звучало эхо Капоретто, Ленин говорил:

«Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом. Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бойни» (XXII, 19).

Чтобы глубже разобраться в причинах Капоретто, все эти данные, которые автор не захотел вскрыть, нужно учитывать так же, как и силу 14-й германской армии Белова и страх итальянцев перед германцами, перед «непобедимыми готами», с которыми они в сражении при Капоретто впервые столкнулись.

Но вот кончилось Капоретто, итальянцы закрепились на Пьяве и начали приводить себя в порядок. До июня 1918 г. особых событий на фронте не произошло. 15 июня австрийцы перешли в наступление. Пять дней упорных атак не дают никаких результатов. Захват северных отрогов Монтелло и слабенькое форсирование Пьяве в ее низовьях вряд ли стоили тех потерь, которые были понесены австрийцами. Таким образом, это уже была по существу победа итальянцев, которая подготовила и Витторио Венето. Июньским боям автор посвящает целую главу.

Проходит 4 месяца, и итальянцы, ровно через год после Капоретто (даже специально подгоняя под годовщину день начала наступления), наносят австрийцам решительное поражение у Витторио Венето.

Всех интересующихся мировой войной всегда занимал вопрос: как это могло случиться, чтобы армия, которая казалась разгромленной (теперь мы видим, что она только понесла там поражение) при Капоретто, ожила и в течение года оправилась настолько, чтобы разгромить своего врага? В двух главах, которые автор называет «Оздоровление» («The Recovery») и «Восстановление армии» («The Reconstruction»), он пытается объяснить это. Он рассказывает, что было сделано в первой половине 1918 г. для воссоздания армии.

В некоторых речах и статьях, произнесенных Лениным за этот период, мы находим неоднократные высказывания о внутреннем положении Италии в первые 10 месяцев 1918 г., т. е. в период, предшествовавший Витторио Венето. Так, например, 22 октября 1918 г., т. е. за 2 дня до начала итальянского наступления, Ленин рассказывал, какую яростную агитацию за войну развила итальянская буржуазия, используя для этого свои излюбленные демагогические приемы, и как на это реагировали пролетарские массы:

«Мы прекрасно знаем, какое громадное пролетарское движение создалось и в других странах. Мы видели, как появился Гомперс в Италии и на деньги держав Согласия, при помощи всей итальянской буржуазии и социал-патриотов, объезжал все города Италии, проповедуя итальянским рабочим продолжать империалистическую войну» (XXIII, 229).

А в это время рабочие массы начинают питаться новыми сведениями о событиях в России, о диктатуре пролетариата, о создании Советской республики, о прекращении ею войны. Трудящиеся массы Италии начинают открыто симпатизировать Советской России. Это еще более активизирует революционные элементы и ширит движение за мир.

Что же остается делать итальянскому правительству и вождям интервенционистских партий для удушения революционных элементов в стране, для обеспечения возможности вести дальше так затянувшуюся войну и для борьбы с движением за мир? Репрессии, тюрьма, виселица, каторга — вот испытанные меры буржуазии.

«В Италии старый секретарь партии Ладзари, который в Циммервальде относился к большевикам с недоверием, сидит теперь в тюрьме за выражение сочувствия к нам» (XXIII, 131).

Это, однако, вызывает еще большее возмущение рабочего класса Италии, и он на репрессии военщины и правительства отвечает взрывом забастовок.

«В Италии и Австрии происходят массовые забастовки» (XXIII, 169), говорит Ленин 2 августа 1918 г.

Основной причиной этих забастовок было тяжелое материальное положение трудящихся масс.

Если зарплата итальянского рабочего к 1918 г. по сравнению с довоенным временем выросла только на 71%, то розничные цены поднялись на 198%. А учитывая нищенское положение итальянского рабочего до войны, мы увидим, что к 1918 г. положение его стало катастрофическим. Отсюда и волна забастовок и рост революционного движения.

Итальянское правительство прежде всего приняло все меры к максимальному обеспечению армии.

Армия снабжалась продовольствием гораздо лучше, чем тыл. Массовые реквизиции теплой одежды у населения (то, что автор называет добровольным пожертвованием всех и каждого, даже самого бедного!) дали армии удовлетворительную зимнюю экипировку. В периоды затишья солдаты даже вели сносную жизнь. Они не знали, что делалось в тылу, ибо между тылом и фронтом был создан кордон. Автор рассказывает, что была усилена цензура писем, прекратилась посылка на фронт газет с одновременной активизацией деятельности разного рода увеселений для солдат, наподобие «Case del coldato». Лучшие артистические силы Италии были мобилизованы и разъезжали по фронту, пытаясь своими концертами поднять дух солдат. Некоторую минорность приносили лишь возвращавшиеся из отпуска солдаты, которые рассказывали об ужасах, творящихся в тылу. Но сначала таких солдат изолировали, а затем и вообще прекратили отпуска с фронта.

Автор говорит о необычайно возросшей силе итальянской армии к осени 1918 г. Несомненно армия выросла, оправилась, вооружилась. Но причина победы у Витторио Венето все же не в силе итальянцев, а в *слабости австрийцев*. Чтобы повысить заслуги Италии в общей победе Антанты и в разгроме военной мощи центральных держав, автор напрягает усилия, стараясь убедить читателя, что к осени 1918 г. австрийцы еще были сильны.

Уже в июле 1918 г., сразу же после июньской неудачи в Трентино, Ленин, выступая на митинге в Лефортовском районе, говорил, что в Германии и Австрии снова прокатилась волна забастовок (XXIII, 144). Тогда же, в июле 1918 г., Ленин считал положение Австро-Венгрии катастрофическим:

«...После ряда наступлений во Франции, где Германия уложила сотни тысяч своих солдат, создалось известное равновесие сил, и прямой угрозы германские штыки не представляют. Кроме того, империалисты Согласия учитывают ту разруху, то катастрофическое состояние, которое наступило в Австро-Венгрии» (XXIII, 111).

Разгромленные в августе германцы уже агонизировали, и их сопротивление на отдельных участках было просто инерцией, которая могла еще продолжаться, но исход которой был предрешен и без какого-либо воздействия Италии. Может быть, разгром Австро-Венгрии и ускорил конец, но он был бы неизбежен даже, если бы Витторио Венето и не произошло.

Тем не менее нельзя пройти мимо прямо-таки огромных производственных успехов итальянского тыла, без которых, конечно, разгром австрийцев был бы немыслим.

Италия после Капоретто, за 10 месяцев 1918 г., сильно подняла свою военную промышленность, и к сражению у Витторио Венето она уже не ощущала такой острой нужды, как в начале войны.

Вот некоторые сравнительные цифры того, что Италия имела:

	К началу войны	В ноябре 1918 г.
Легких орудий	1 500	6 000 *
Тяжелых орудий . . .	200	5 000
Минометов	—	8 000 **
Пулеметов ручных . .	—	10 000
Пулеметов станковых .	—	30 000
Автомобилей грузовых	1 600	26 000
Автомобилей легковых	450	2 500
Самолетов	143	2 600***
Снарядов легких . . .	3 000 000	15 800 000
Снарядов тяжелых . . .	300 000	5 300 000
Патронов	—	500 000 000

За время войны итальянская военная промышленность произвела:

90 000 *т* взрывчатых веществ (из них 42 000 *т* в 1917 г. и 16 000 *т* за 10 месяцев 1918 г.).

25 000 *т* бездымного пороха (из них 10 125 *т* за 10 месяцев 1918 г.);
70 000 000 снаряженных снарядов;
100 000 000 неснаряженных снарядов;
123 000 000 трубок к снарядам;
3 600 000 000 патронов;

---

* Вспомним, что итальянская армия в 1917 г. у Капоретто потеряла почти всю свою артиллерию.

** Минометы предназначались главным образом для прорыва проволочных заграждений.

*** Включая учебные.

2 400 000 винтовок;
31 000 станковых пулеметов;
70 000 ручных пулеметов;
5 500 авиационных пулеметов;
6 480 орудийных снарядов (почти все в 1918 г.);
12 031 самолетов (из них 6 523 за 10 месяцев 1918 г.);
24 400 авиационных моторов (из них 14 820 за 10 месяцев 1918 г.).

Такой приток вооружения на фронт при изолированности фронта от тыла внес и некоторое успокоение и укрепление морального состояния, что при успехе после первого же нажима у Витторио Венето способствовало и окончательной победе.

Виллари не показывает нам, *как* велись бои. Он лишь рассказывает, что происходило на фронтах. Вследствие этого никаких тактических уроков книга не дает. Но для оперативных размышлений и выводов, для восполнения пробелов в истории войны она дает обильный материал.

Нельзя, например, пройти мимо важнейших данных, представляющих лишнее доказательство тому, насколько вредно отсутствие единого командования на фронте в коалиционной войне.

Весьма выпукло автор показывает исключительные трудности горной войны, с которыми пришлось итальянцам встретиться.

Автор показывает эпизоды, когда люди сражались по пояс в грязи, тонули в окопах и т. д. Из описания автора можно усмотреть, что тактику горной войны австрийцы несомненно знали лучше, чем итальянцы. В то время как итальянцы стремились атаковать отдельные горы до самых вершин, австрийцы обходят горы и сгоняют итальянцев с вершин ураганным артогнем. Впоследствии и итальянцы тоже научились так действовать. Автор показывает, как успешные действия альпийцев были парализованы сведением их в крупные соединения. Альпийцы отлично сражаются небольшими отрядами, не более батальона, но в составе дивизии они беспомощны и несут лишь бесцельные потери. Они способны на любые трудные и рискованные предприятия, но совершенно не могут вести фронтальную атаку. Итальянское командование учло это, но уже слишком поздно.

Несмотря на ряд явных передержек у автора, явную тенденциозность в изложении материала и пр., книга Виллари все же представляет значительный интерес. На русском языке это пока *первая* книга, в которой подробно излагается история войны 1914—1918 гг. на итальянском фронте.

* * *

В книге помещено несколько фотографий, которыми автор хотел иллюстрировать местность, на которой велись бои, условия ведения горной войны и те трудности, которые создавала войскам горная местность. Однако, приведенные автором фотографии не вполне удачны. Поэтому мы дополнили их позаимствованными нами из других источников интересными фотографиями, которые более наглядно иллюстрируют описание боев и показывают те тяжелые условия, в которых велась война на итальянском фронте.

В оригинале книги было всего пять схем. Все они были настолько лаконичны и такого плохого качества, что ничего абсолютно не выражали. Между тем читать эту книгу без схем невозможно. Поэтому нам пришлось изъять все авторские схемы и составить новые на материале данной книги и ряда других русских и иностранных источников. Надеемся, что в таком виде схемы лучше выполнят свое назначение.

Примечания, поясняющие некоторые события и собственные имена, упоминаемые автором, помещены в конце книги и в тексте ссылки на них отмечены цифрами в отличие от примечаний автора, которые обозначены звездочками и помещены в конце страницы.

И. Салитан

ПРЕДИСЛОВИЕ
(для англичан)

Написанный моим другом Луиджи Виллари труд о военных действиях в Италии в 1915 — 1918 гг., наконец-то, дает возможность английским читателям понять исключительные трудности ведения войны на альпийском фронте. Пожалуй, трудно найти более подходящего человека, который мог бы так, как это сделал автор этого труда, рассказать англичанам про итальянцев и наоборот. Автор имеет то преимущество, что он на редкость хорошо знает оба эти языка, а кроме того, обстоятельства дали ему возможность изучить самые тонкие стороны характера, нравов и обычаев обоих народов, так существенно различных и в то же время столь готовых, как неоднократно показывает нам опыт, воздать друг другу должное. Этот труд, материал для которого почерпнут из авторитетных источников, является ценным по двум причинам. Во-первых, потому, что на английском языке до сего времени еще не издано такой книги, которая давала бы полную и законченную картину о войне в Италии. И, во-вторых, потому, что до тех пор, пока Капоретто не привело к необходимости активного взаимодействия между союзными войсками, наш (английский. — *И. С.*) народ, беспрерывно следивший за судьбой своих собственных армий на западном фронте, мог уделять относительно мало внимания тщательному изучению той трудной кампании, которую вел наш союзник.

Договоры [1], оформившие объединение Италии, дали ей северные равнины и подножия Альп, но оставили это новое королевство под постоянной угрозой со стороны командующих горных высот, находящихся в руках его векового врага. История всех жертв, понесенных при захвате и удержании некоторых важных для Италии в стратегическом отношении районов горного хребта, история ожесточенной борьбы на оголенных и диких скалах Карсо и, наконец, история 11 сражений на Изонцо — очень мало известны большинству англичан. Равным образом, вряд ли они когда-либо имели возможность подумать над тем, что означало для жителей южной Италии, непривычных к суровому альпийскому климату, привыкать к новым условиям жизни на самой границе снежной линии гор и даже выше нее. Когда в декабре 1917 г. несколько британских дивизий прибыло в Италию и смогло увидеть район боевых действий, вся армия уже отступила на линию реки Пьяве, в район, гораздо более благоприятный для боевых действий и фактически относительно более удобный по сравнению с территорией, на которой протекали первые фазы войны. И к тому же, после того, как последняя атака австрийцев на новую линию фронта была остановлена и затем отбита, прошел длительный период времени сравнительного затишья, прежде чем Италия перешла в октябре 1918 г.

в наступление, которое привело к решительной победе у Витторио Венето и к перемирию.

Событиям, предшествовавшим вступлению Италии в мировую войну и получившим уже подробное освещение в других трудах, автор уделил мало места, всего лишь одну главу. Собственно говоря, он не выходит из рамок описания лишь военного участия Италии в общей борьбе союзников. Он редко уклоняется от чисто военных вопросов, но если он это делает, то для того, чтобы, например, в отдельных местах сказать об одном из возникших в те тяжелые годы серьезнейших затруднений, заключавшемся в ненадежности и всяческих задержках в регулярном ввозе угля и прочих припасов, необходимых Италии, целиком зависевшей от импорта, и в то время, когда, в силу различных обстоятельств, эта страна сделалась такой же островной страной, как и Англия. Подвиги, совершенные при выполнении инженерных работ по прокладке дорог и воздушных проволочных линий связи в высоких ущельях, до того известных лишь редкому населению альпийских долин, может полностью оценить лишь тот, кто видел эти замечательные сооружения, и даже книга Виллари мало поможет читателю создать себе ясное представление о всех тех препятствиях, которые пришлось преодолеть. Но о длительной и отважной борьбе против армии, причислявшейся к самым сильным и наилучше подготовленным в Европе, об упорстве, с которым атаки на казавшиеся неприступными позиции возобновлялись и велись, а позиции, будучи утеряны, захватывались снова, об удивительном восстановлении положения в разбитой и отступающей армии и о последнем победном наступлении—читатели прочтут с интересом и восхищением. Я также думаю, что они высоко оценят откровенность, с которой автор вскрывает допущенные ошибки и просчеты, и его неизменное стремление быть беспристрастным. Он всячески избегает спорных вопросов. В то же время в краткой заключительной главе, где автор подытоживает относительные потери трех главнейших союзных европейских держав, он не прочь—этого не станет, по всей вероятности, отрицать и сам автор—попытаться деликатно подчеркнуть, что в известных кругах не получили должной оценки те огромные усилия, которые проявила самая молодая и бедная из этих держав.

При изучении великих исторических событий в их исторической перспективе существенную помощь нам может оказать введение в анализ тех или иных гипотез. Если бы Италия не выступила на стороне союзников и сразу же не приковала бы к себе около 20 австро-венгерских дивизий; если бы она, после выхода из войны России, не сдерживала на Изонцо и на Пьяве почти всю военную мощь Австро-Венгрии—от 50 до 60 дивизий; если бы Германия и Австрия получили возможность перебросить всю эту огромную массу войск на западный фронт,—могли ли бы союзники устоять хотя бы лишь против одной численности врага? То, что Италия ценою жизни 14 процентов своих мобилизованных сынов стойко держалась в добрые и тяжелые времена и, наконец, нанесла под Витторио Венето поражение такой мощной боевой махине, является нашим долгом, еще неоплаченным этому великодушному и достойному любви народу.

Реннель Родд [2]

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что подробная история различных войн прошлого требовала для своего составления многих десятилетий и что много вопросов, относящихся к войнам, которые велись столетия тому назад, является еще и поныне предметом дискуссии среди историков.

Мировая война не составит исключения из этого правила. Большинство фактов недружелюбия между народами, которые совместно воевали и несли жертвы во имя великого общего дела, нужно поистине отнести за счет незнания и непонимания всего того, что сделано отдельными участниками в этой войне.

Это особенно можно отнести к той роли, которую играла Италия, и ко всему, что она сделала для достижения общей победы. Все, что Италия сделала, было не только важным, но и существенно необходимым, ибо без ее выступления на стороне Антанты последняя встретилась бы с гораздо большими трудностями и ей потребовалось бы гораздо больше времени, чтобы выиграть войну, если даже допустить, что при тех условиях победа вообще могла быть достигнута. И все же заслуги Италии в значительной степени игнорируются другими странами—ее союзниками в войне, хотя —что довольно парадоксально— она теперь более надлежащим образом и по справедливости оценена своими бывшими противниками, некоторые видные военные авторы которых, видимо, поняли ту важную роль, которую сыграла Италия лучше, чем авторы союзных стран.

В силу различных политических трений, возникших со времени перемирия между Францией и Италией, большинство французских военных историков считает своим долгом систематически игнорировать заслуги Италии, а в некоторых случаях умышленно умалять и искажать их, хотя имеются, конечно, и отдельные честные исключения.

Даже главные германские труды о войне, как уже переведенные на английский язык, так и намеченные к переводу, вполне естественно, касаются западного фронта, представляющего больший интерес для англо-саксонских читателей.

В то же время итальянская литература о войне является для огромного большинства английских читателей книгой за семью печатями не только потому, что среди этих читателей сравнительно мало знающих итальянский язык, но еще и потому, что почти ни одна итальянская книга о войне, даже такой важный труд, как мемуары покойного маршала Кадорны, не переведена на английский язык. Равным образом и различные германские и австрийские книги о войне на итальянском фронте не изданы на английском языке.

Кроме того, в Англии не отдают себе отчета в том, что роль итальянских частей на других фронтах вне Италии была очень значительна,

и об их действиях известно гораздо меньше, чем о действиях британских или французских войск в Италии.

Ценные в других отношениях мемуары покойного фельдмаршала Генри Вильсона содержат в отношении Италии такие полные злобы и неосведомленности строки, что их можно простить лишь в предположении, что они писались необдуманно.

Имеются и другие английские книги, косвенно затрагивающие войну в Италии, которые являются просто комичными, как, например, книга Уикгема Стида[3] «За тридцать лет» (Wickham Steed, «Through Thirty Years» или Кемпбелла Стюарта[4] «Тайна дома Крю», но эти книги, конечно, никак не должны приниматься всерьез.

Ко всему сказанному можно добавить, что война в Италии богата многими свойственными лишь ей особенностями, которые резко отличают ее от войны на прочих фронтах. История этой войны может показаться несколько несвязной и непонятной, но это объясняется чрезвычайно пересеченной местностью, на которой велись бои, вследствие чего операции раздроблялись на бесчисленное количество мелких боев на отдельных участках, отрезанных друг от друга. Общая линия фронта становится как будто неясной и неопределенной, за исключением немногих крупных сражений, каковыми являются сражения у Горицы, Капоретто, на Пьяве и у Витторио Венето. Эти-то особенные свойства местности и сделали задачу Италии такой невероятно трудной. На протяжении первых 29 месяцев войны, за исключением весьма короткой, узкой полосы на крайнем южном фланге, бои велись почти исключительно в горах, обычно на высоте 1 000 *м* над уровнем моря, во многих случаях свыше 2 000 *м*, а в отдельных местах и свыше 3 000 *м*. После Капоретто общее протяжение фронта сократилось с 640 до 440 *км*, но и тогда большая часть фронта проходила в горах, а остальная часть — вдоль непроходимой вброд реки.

Учитывая все это, я предположил, что для читателя представит определенный интерес излагаемая ниже краткая история войны, отмечающая роль Италии в борьбе за общее дело. Я не претендую на оригинальность моего труда и тем менее на сенсационные открытия. Я лишь рассказываю эту историю читателям англо-саксонских стран, и если эта книга будет содействовать укреплению дружбы между Италией и англо-саксонскими народами, я буду считать свой труд не напрасным.

Я сознательно не касаюсь операций на море, которые могли бы заполнить еще целый том, и ограничиваюсь лишь разбором отдельных эпизодов, имевших прямую связь с операциями на суше.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(схема 1)

В самом начале войны в нее оказались вовлеченными: Сербия, Черногория, Бельгия, Россия, Франция, Великобритания и Япония — с одной стороны, и Германия и Австрия—с другой. Италия, Турция, Болгария, Румыния, Греция, США и различные мелкие государства, позже также втянутые в войну, тогда еще сохраняли нейтралитет, а несколько других держав оставались нейтральными до самого конца войны. Одной из нейтральных держав, на которой в августе 1914 г. немедленно было сосредоточено самое пристальное внимание и которую обе воюющие стороны горячо стремились обеспечить себе в качестве союзника, была Италия.

Причины такого внимания к Италии очевидны. Италия была самым большим и самым важным из европейских нейтральных государств, имела самую мощную армию и единственный морской флот, еще не втянутый в войну, и по своему географическому положению могла развернуть боевые действия как в восточном, так и в западном направлениях; поэтому, если бы она решила принять участие в войне, ее выступление могло сильно увеличить шансы на военный успех той или другой из сторон.

В начале войны трудно было установить, какой из воюющих сторон больше симпатизировал итальянский народ. В течение 30 лет Италия совместно с Австро-Венгрией и Германией была участницей Тройственного союза [5] и имела также много причин для политических трений с Францией; фактически вступление Италии в Тройственный союз было продиктовано главным образом обострением отношений с Францией. К тому же Италия значительно улучшила торговые сношения с Германией, особенно после возникновения таможенной войны с Францией в конце XIX в. Италия не имела также особого желания спокойно смотреть на продвижение союзника Франции — России — в сторону Средиземного моря, а возможно, и в сторону Адриатики.

Но к Австро-Венгрии итальянцы никогда не питали симпатий, и союз с нею в этих условиях был даже более, чем союз с Германией, «лишь mariage de convenance» («брак по расчету»). Объединение Италии было достигнуто лишь после трех войн против Австрии; ненависть к Австрии была издавна глубоко заложена в итальянском народе, и Австрия продолжала тиранически господствовать в нескольких провинциях с высококультурным итальянским населением или же с населением, хотя и смешанным (итальянцы и южные славяне), но по существу принадлежащим к латинской и итальянской культуре. Несмотря на союз, Австрия все же продолжала представлять собой угрозу без-

опасности Италии, продолжала вооружаться против нее, укреплять границы Трентино и Венеции Джулии[6] и покрывать пограничный район сетью стратегических шоссейных и железных дорог. Власти натравливали германское и славянское население пограничных провинций против местных итальянцев и даже делали недвусмысленные намеки на то, что владычество Австрии, возможно, расширится за пределы тогдашних границ. Крайний клерикализм Габсбургов и австро-венгерского правительства служил другим поводом к итало-австрийским трениям, а австрийские набожные фанатики были склонны рассматривать Италию как кощунственную державу, так как она вырвала Рим из-под власти пап. Император Франц-Иосиф ни разу не посетил короля Умберто в его собственной столице в ответ на визит итальянского короля в Вену, дабы этим официальным признанием права Италии на Вечный город не вызвать неудовольствия папы. Эрцгерцог Франц-Фердинанд всегда питал к Италии сильнейшую ненависть. Многие руководящие военные деятели Австро-Венгрии испытывали явное нетерпение в своем желании напасть на Италию, а генерал (впоследствии фельдмаршал) Конрад фон Гетцендорф неоднократно предлагал начать «превентивную войну» против нее, и если император и наследник престола не соглашались на это, то скорее потому, что они считали это несвоевременным, чем из чувства симпатии к Италии.

Сверх того, центральные державы своим методом подготовки и объявления войны определенно нарушили условия союза с Италией, поскольку они преднамеренно совершили агрессивный акт, подготовили военные действия против Сербии и собирались оккупировать часть Балкан, не согласовав этого вопроса с Италией. Наконец, имелся дополнительный договор, согласно которому Италия не обязана была выступить на войну на стороне союзников, если Англия очутится в противном лагере, а именно такая обстановка и создалась. Независимо от договорных обязательств, дружба с Великобританией была для Италии в такой же мере традиционной, как и антипатия к Австрии.

По всем этим причинам Италия имела юридическое и моральное право свободного выбора: выступить ли на войну на стороне своих союзников по Тройственному союзу, оставаться ли нейтральной или предпринять иные действия, которые она сочтет необходимыми для защиты своих интересов и для осуществления своих национальных устремлений *.

Была, однако, группа людей, которая стояла за участие в войне на стороне союзников по Тройственному союзу, и хотя этих людей было не так уж много, но они были не без влияния благодаря своему положению. Часть офицеров в армии (меньше во флоте) и небольшое число политических деятелей и дипломатов, людей, выросших в атмосфере Тройственного союза, не могли себе представить Италию вне и независимо от него. Так думали такие люди, как, например, сенатор Боллати, бывший тогда итальянским послом в Берлине, а в прошлом постоянный товарищ министра иностранных дел, затем другой бывший

* Даже князь Бюлов в своих мемуарах отвергает обвинение Италии в том что она якобы изменила своим союзникам, не выступив с ними на войну в августе 1914 г.

товарищ того же министра Фузинато, которого предательский, по его мнению, выход Италии из Тройственного союза довел до умопомешательства и самоубийства; к ним, в меньшей степени, примыкал покойный герцог Аворна, бывший тогда послом в Вене *.

Даже среди националистов были такие, которые не представляли себе никакой иной линии поведения, кроме выступления на стороне центральных держав.

Общественное мнение в своей большей части, независимо от партийной принадлежности, чувствовало инстинктивное отвращение при одной мысли о выступлении на стороне центральных держав, вследствие того, что мотивы, побудившие эти державы вызвать мировую бойню [1], казались сами по себе предосудительными и агрессивными, а также и потому, что историческая традиция Италии и ее вековая вражда с Австрией не могли быть так легко забыты.

Если бы люди, стоявшие тогда во главе правительства, были такими убежденными сторонниками Тройственного союза, как сенатор Боллати, они, вероятно, убедили бы страну в необходимости выступления на стороне центральных держав, хотя этим они также вызвали бы еще более глубокий раскол общественного мнения, нежели тот, который фактически получился. Но кабинет состоял не из сторонников Тройственного союза. Премьер Саландра и его коллеги, особенно маркиз ди Сан Джулиано, Орландо и Фердинандо Мартини, с самого начала полагали, что политика поддержки Тройственного союза противоречит интересам всей нации и чувствам огромного большинства итальянского народа.

При такой обстановке провозглашение объявленного правительством нейтралитета Италии было воспринято всей страной с чувством глубокого облегчения. Когда 4 августа Великобритания объявила Германии войну**, чувство облегчения усилилось в тысячу раз, хотя общественность тогда еще не знала об оговорке в пакте Тройственного союза относительно вступления в войну Великобритании.

В странах Антанты нейтралитет Италии вызвал, конечно, большой энтузиазм. Французский министр иностранных дел Делькассе в интервью, опубликованном в номере газеты «Corriere della Sera» от 27 августа 1914 г., заявил, что союзные страны не будут противиться итальянским устремлениям.

3 декабря Саландра заявил в палате депутатов, что Италия «должна отстаивать свои жизненные интересы, добиваться достижения своих справедливых целеустремлений и не только сохранить свое положение великой державы, но и принять меры против относительного ослабления Италии в результате возможного расширения территорий соседних держав». Это было совершенно явным намеком на соответствующий параграф договора держав Тройственного союза, в котором Италии предоставлялось право на компенсацию в случае, если бы Австрия рас-

---

* По справедливости необходимо сказать, что Аворна добросовестно выполнял полученные им инструкции как по форме, так и по духу, даже если эти инструкции не совпадали с его личными взглядами.

** Непосредственно перед объявлением Англией войны тогдашний советник германского посольства в Риме уверял автора, что сохранение Италией нейтралитета обеспечит также нейтралитет и Англии.

ширила свои владения на Балканах, и выраженная здесь мысль легла в основу последующих переговоров Италии с центральными державами. «Поэтому наш нейтралитет, — добавил Саландра, — должен быть не бессильным, а грозно вооруженным и готовым ко всяким возможным случайностям».

Решение Италии сохранить нейтралитет имело действительно огромное значение для стран Антанты; оно было первым вкладом Италии в общую победу. Это ясно видно из анализа военного положения Франции в то время. Если большая часть французской армии сосредоточивалась на северо-восточной и восточной границах, то все же 200 000—300 000 бойцов и много батарей находилось на итальянской границе и на побережье Средиземного моря на случай возможного нападения Италии совместно с центральными державами. Однако, как только Италия объявила о своем нейтралитете, эти силы были сняты и переброшены для усиления армий, развернутых против Германии. Если бы Италия объявила войну Франции или даже заняла бы двусмысленную позицию, эти войска не только должны были бы остаться на итальянской границе, но Франции, при угрозе ее коммуникациям со своими северо-африканскими колониями, было бы очень трудно перебросить свои многочисленные цветные войска на усиление своей армии. Войска на германской и бельгийской границах, фактически державшиеся с таким огромным трудом против напора германской лавины и вынужденные уступить вторгшемуся противнику значительную часть территории, могли бы быть полностью уничтожены; но не будем вдаваться в излишние догадки о том, что «могло бы быть», а укажем лишь на тот несомненный факт, что нейтралитет Италии был чрезвычайно важным фактором, способствовавшим выигрышу сражения на Марне, и, следовательно, всей войны *.

Тем, что Италия объявила нейтралитет, снимался вопрос, который каждый задавал себе: выступит ли она на стороне Антанты или на стороне центральных держав, или останется нейтральной; выбор для подавляющего большинства итальянцев теперь остался лишь между первым и последним. Формирование добровольческих отрядов, которые шли воевать на стороне французов, свидетельствует о том, что симпатии общественного мнения были преимущественно на стороне Антанты даже в тех кругах, которые все еще неблагожелательно относились к участию Италии в войне. В начале ноября 1914 г. получил первое боевое крещение в Аргоннах итальянский легион в составе 4 батальонов. Ни один итальянец не пошел добровольцем сражаться за Германию или за Австрию.

За весь период итальянского нейтралитета, постепенно становившегося все более благоприятным для Антанты, приближая момент выступления Италии на ее стороне, Австро-Венгрии, армии которой были вначале сосредоточены на русском и сербском фронтах, пришлось посылать на итальянскую границу все больше и больше дивизий, кото-

---

* Князь Бюлов утверждает в своих мемуарах, что «объявление Италией нейтралитета дало Франции огромное преимущество, выразившееся в том, что позволило ей оттянуть с южных Альп все войска, развернутые на итальянской границе, и бросить их против Германии. Это подготовило обстановку для Марнского сражения» (Итальянское издание, т. II, стр. 171).

рые в противном случае могли пойти на усиление армий, сражающихся против России и Сербии, или даже присоединиться к германцам во Франции. Здесь снова уместен вопрос: каково могло бы быть общее течение хода войны, если бы эти австро-венгерские войска не были сосредоточены в районе Юлийских Альп и в Трентино?

В годы, предшествовавшие войне, Германия и Австрия склонны были считать Италию не особенно ценным союзником Тройственного союза, бесспорно полезным, в особенности после заключения франко-русского союза, но все же второстепенного качества, слабым в моральном и военном отношении и не особенно надежным *. Саландра в своем труде об итальянском нейтралитете ** пишет, что зловещий фон Гольштейн [8], защищая заключение Тройственного союза, сказал австрийскому послу: «Дело вовсе не в прочном и долговременном союзе, а в том, что мы покупаем здесь наемную вспомогательную военную силу, подобную средневековым ландскнехтам» [9]. Германские и австрийские политические и военные деятели никогда даже не пытались скрывать свое презрительное отношение к Италии и к ее армии и флоту.

Однако, как только обнаружилось, что война становится неизбежной, германское правительство, обеспокоенное возможной враждебностью Италии, начало настаивать на том, чтобы Австрия во что бы то ни стало урегулировала с Италией все спорные вопросы относительно компенсаций, на которые Италия имела право согласно договору Тройственного союза. 27 июля, когда положение сделалось чрезвычайно напряженным, германский посол в Вене от имени императора Вильгельма и фон Ягова [10] умолял графа Берхтольда [11] «бога ради (um Gottes Willen) урегулировать спор с Италией», который ставил под угрозу весь военный план Германии. Говорят, что Берхтольд якобы ответил на это, что Германия может обеспечить мир с Францией, возвратив ей Эльзас-Лотарингию.

В то время как австрийское правительство абсолютно возражало против того, чтобы дать Италии какое бы то ни было удовлетворение как до фактического начала войны, так и после, в период итальянского нейтралитета, некоторые из виднейших военных деятелей Австро-Венгрии, столкнувшись лицом к лицу с кризисом, сразу поняли, что Италия может сделаться угрозой для самого существования их государства. Фельдмаршал Конрад неоднократно настаивал на необходимости превентивной войны против Италии, когда она была слаба, так как в противном случае она нападет на Австрию, как только почувствует себя достаточно сильной для этого. Идеи Конрада, с точки зрения его личных воззрений и в атмосфере предвоенного периода, были вполне логичны, так как Италия действительно представляла собой опасность для Австро-венгерской империи.

Объявление Италией нейтралитета произвело в Германии и Австрии глубокое и потрясающее впечатление, и обе эти державы решили, что если они выиграют войну,—а в этом они были совершенно уверены,— они заставят Италию дорого заплатить за ее отпадение от Тройственно-

---

* Pribram, Les traités politique secrets de l'Autriche-Hongrie, 1897—1914. Le secret de la Triple Alliance, Paris, 1923.

** «La neutralità italiana», стр. 90.

го союза. В Вене это известие сначала вызвало почти панику; стали широко распространяться слухи об угрозе нападения Италии, так что Конрад послал в Берлин доклад о катастрофическом положении (s.o.s. messages), умоляя Германию о помощи, а германскому делегату для связи при австро-венгерском главном командовании, генералу Фрейтаг фон Лорингофен, пришлось успокаивать Конрада и обещать поддержку Германии, если Италия действительно нападет на Австрию.

Германия еще лучше Австрии понимала опасность враждебности Италии к центральным державам и немедленно принялась работать над тем, чтобы оказать давление на Италию с целью убедить ее отказаться от нейтралитета и выступить вместе со своими прежними союзниками; позднее, когда такие действия Италии стали казаться явно невозможными, Германия начала добиваться того, чтобы Италия, по крайней мере, не выступила на стороне Антанты, а сохранила свой нейтралитет до конца войны. Давление это было двоякое: с одной стороны, Германия пыталась привлечь Италию, предлагая ей взятки за то, что она будет делать все, что ей продиктует Германия; однако, взятки эти были за счет других держав: Ницца, Савойя, Корсика и Тунис должны были быть отняты у Франции, а Австрию нужно было побудить отдать Трентино и, возможно, Истрию (ни разу не заходила речь о Триесте, который был не только единственным крупным морским портом Австрии, но на который и Германия смотрела в некотором смысле как на свой собственный, как на свое окно в Средиземное море); с другой стороны, путем довольно прозрачно завуалированных (thinly veiled) угроз тем, какова будет судьба Италии, если она, по крайней мере, не сохранит своего благожелательного нейтралитета. Одна из этих угроз, как рассказывает Саландра, заключалась в том, что сильная партия центра якобы «принудит» германское правительство принять меры к реставрации в той или иной форме светской власти Ватикана. Следует добавить, что сам Ватикан никогда не принимал участия в подобного рода интригах.

Угрожая Италии, Германия обнаружила свое обычное непонимание чужой психологии, ибо ее угрозы лишь раздражали общественное мнение в целом и укрепляли антигерманские настроения в антантофильских кругах. Упорно распространявшиеся за границей слухи о том, что крупные силы германской армии не введены в дело и содержатся в готовности напасть на Италию, если она осмелится проявить себя враждебно по отношению к центральным державам, и о том, что жестокости, проявленные германцами в Бельгии и во Франции, померкнут перед теми репрессиями, которые германцы еще покажут, если они вторгнутся в Италию, вызвали эффект, как раз обратный тому, на который рассчитывала Германия.

Давление, которое Германия оказывала на Австрию, чтобы побудить ее сделать Италии некоторые уступки, было основано на условиях Тройственного союза. Впоследствии, под давлением Германии и учитывая ход событий, Австрия неохотно дала несколько обещаний, полных всяких оговорок; она намекнула только, что, может быть, она и уступит небольшую часть того, чего добивалась Италия, но и то лишь после окончания войны. В то же время Австро-Венгрия, как это явствует из утверждения покойного графа Тиссы [12], решила, что после

войны она нарушит все обещания, которые она была бы вынуждена дать Италии, и откажется от передачи ей тех территорий, которые она обязалась бы ей отдать *.

Саландра и барон Соннино отказались рассматривать германские предложения, сделанные за счет Франции, но они не могли так легко отвергнуть уступки, предложенные Австрией. Они чувствовали, что им не будет оправдания, если они ввергнут страну в ужасы войны, пока еще не потеряны все надежды на завершение независимости Италии иными путями.

Несмотря на нежелание Австрии сделать какие бы то ни было уступки итальянским требованиям, даже в официальных кругах существовало общее убеждение, что если Италия присоединится к Антанте, то Австро-Венгрия будет обречена. Так как движение за выступление Италии на стороне Антанты стало разрастаться все шире, Германия послала в Италию в качестве чрезвычайного посла князя Бюлова **, а Австрия послала с такими же полномочиями барона Маккио для замены им дерзкого и надменного Мерей фон Капосмера [13] и чтобы сделать последнюю попытку удержать Италию от выступления. В марте 1915 г. Австрия сделала Италии первое более или менее определенное предложение; она была готова уступить Италии Трентино вплоть до линии, проходящей непосредственно к северу от Триента, взамен благожелательного нейтралитета Италии, предоставления Австрии полной свободы действий на Балканах и при условии, что Италия не будет требовать больше никаких добавочных территорий, какие бы дальнейшие приобретения Австрия ни сделала. Италия отклонила это предложение, как совершенно неприемлемое, так как в нем не делалось никаких уступок в Венецианской области. 10 мая барон Буриан *** расширил первоначальное предложение Австрии, включив в него полностью Трентино и доведя уступаемую территорию до языковой границы на востоке, включая Кормонс, но без Горицы; Триест должен был сделаться вольным городом, а остров Пелагоза должен был отойти к Италии; последние два предложения, в случае их принятия, должны были быть реализованы немедленно, в то время как территории в Трентино и Венецианской области должны были быть переданы лишь по окончании войны ****.

Эти обещания, даже если бы они были честно исполнены, — а мы теперь уже знаем, что Австрия не имела намерения их исполнить, — были бы лишь частичным и неполным решением вопроса; ряд серьезных проблем, касающихся итало-австрийской границы, и вопросов ирредентизма остался бы неразрешенным и явился бы источником споров в будущем. Истинная причина наличия скрытых задних мыслей у австрийских государственных и военных деятелей, о чем говорило их

* Это подтверждает и последний австро-венгерский посланник в Италии барон Маккио, который говорит о временном характере намеченных уступок.

** Его выбрали ввиду его аристократических связей в Италии, так как его жена была дочерью донны Лауры Мингетти от ее первого мужа князя Кампореаля.

*** В январе 1915 г. он сменил графа Берхтольда на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии.

**** Австрийская „Красная книга", № 178.

нежелание договориться с Италией, заключалась в том, что они хотели сохранить границы, с которых австрийским армиям удобно было бы вторгнуться в Италию в любой момент, тогда как Италия требовала для себя такой границы, которая не благоприятствовала бы вторжению ни с той, ни с другой стороны.

Тем временем Италия вела и с Антантой* переговоры относительно возможных условий, на которых Италия согласилась бы выступить на ее стороне, и когда Австрия выступила с вышеуказанным предложением, а с другой стороной было уже заключено соглашение в форме Лондонского договора 26 апреля 1915 г., попытки Джиолитти добиться отставки Саландры и принятия австрийского предложения провалились перед лицом взрыва национального негодования, нашедшего в значительной части свое выражение на страницах органа Бенито Муссолини «Popolo d'Italia», и 24 мая Италия вступила в войну.

Условия, которые выдвинула Италия и которых она добилась от Антанты, как цены за свое выступление, заслуживают внимательного изучения, так как в дальнейшем им суждено было оказать сильнейшее влияние на ход последующих событий как во время войны, так и после нее, в особенности ввиду неоднократных попыток прочих участников Лондонского соглашения отказаться от взятых на себя обязательств. В первую очередь Италия добивалась завершения своего национального объединения путем аннексии областей, населенных полностью или преимущественно итальянцами или народами с определенно итальянскими традициями и культурой и находившихся еще под австрийским игом, а именно: Трентино, Триеста, Горицы-Градиски, Истрии и Далмации. Во-вторых, для Италии было совершенно необходимо добиться удовлетворительных границ, которые было бы легко оборонять; Италия не искала удобных случаев для нападения на своих соседей, но она определенно решила уничтожить в корне угрозу австрийской агрессии, нашедшую себе выражение в «несправедливых границах», установленных в 1866 г.[14]. Поэтому, кроме Трентино, она требовала Адидже Альто, чтобы расширить свою границу до водораздела Бреннер, и кроме чисто итальянских областей, лежавших за ее тогдашней северо-восточной границей, еще весь район до самого гребня Юлийских Альп, включая некоторые славянские и смешанные итало-славянские районы. На эти и некоторые другие притязания Италии — относительно Албании, Ближнего Востока и африканских колоний, — сущность которых я сейчас не разбираю, были согласны Великобритания, Франция и Россия; исключение составляла лишь Далмация, большинство населения которой, конечно, не столь значительное, как это утверждали австрийское правительство и юго-славяне, составляли хорваты и сербы, а Россия, как покровительница всех славянских племен, противилась включению их в состав Италии **. Одно время Россия действительно неблагосклонно относилась к выступлению Италии, так как она стре-

* Эти переговоры начались, как свидетельствует Саландра, еще до того, как Австрия сделала какое-либо предложение, в период, когда Австро-Венгрия в течение многих месяцев вела двойственную игру (shilly—shalling).

** Сначала Сазонов действительно предлагал Италии всю Далмацию, так сильно он стремился заручиться ее обещанием вступить в войну, но позднее он взял это предложение обратно (см. Salandra, L'Jntervento).

милась сохранить территорию к востоку от Адриатического моря для своих протеже и совершенно не понимала и не видела необходимости этого выступления, хотя она сама и нуждалась в нем более, чем кто-либо другой из союзников. Наконец, был достигнут предварительный компромисс, в силу которого северная Далмация, включая города Зару и Себенико, должна была отойти к Италии, а южная — к Сербии и Черногории. Фиуме не был включен в итальянскую сферу, а передавался Хорватии; это условие показывает, что в то время не думали о полном уничтожении Австро-Венгерской империи, так как предполагалось, что эта держава будет продолжать существовать, хотя и лишится некоторых своих окраин, включая Триест и Истрию, и будет нуждаться в выходе к морю, которым мог бы послужить Фиуме; этим объясняется наличие в договоре пункта, которым предусматривалось присоединение Фиуме не к Югославии, которой тогда еще не существовало и о которой никто еще не думал, а к Хорватии, которая, как предполагалось, останется в составе Австро-Венгрии.

Итальянское правительство допустило ошибку, не включив в число условий вступления в войну финансовую поддержку. Хотя Италия и была беднее остальных главных союзных держав, единственным финансовым условием, которое она выдвинула, было содействие британского правительства размещению на лондонской бирже итальянского займа в 50 миллионов фунтов стерлингов, сущих пустяков для такой войны. Впоследствии Италия получила еще некоторую поддержку, когда стало очевидным, что без нее Антанта не в состоянии вести войну; Италия раньше, чем некоторые другие воевавшие страны, начала регулярно выплачивать свой долг кредиторам, которые, в особенности США, неизмеримо богаче Италии, хотя займы были заключены для закупки военного имущества и прочих предметов снабжения в предоставивших займы странах и по ростовщическим ценам *.

На таких-то условиях Италия дала согласие вступить в борьбу за общее дело всеми своими наземными, морскими и воздушными силами.

---

* По американским источникам известно, что американские поставщики и фабриканты, снабжавшие Италию военными припасами, и прочими товарами, получали прибыль до 80%.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ИТАЛИИ

(схемы 1 и 2)

Рассказывают, что в период нейтралитета Италии один французский дипломат сказал, что Италия якобы «volera au secours du vainqueur» («бросится на помощь победителю»). Была ли эта злобная ложь действительно произнесена или нет, однако, нет сомнений, что она выражает мысли группы людей во Франции и в других странах и показывает, насколько неправильно понималась многими кругами вся политика и действия Италии и как эта политика повсюду искажалась с самого начала мировой войны. Несмотря на последующее участие Италии в войне и на огромные жертвы, которые она принесла для достижения общей победы, цитированная выше фраза сохранилась, как невысказываемая мысль, у значительной части европейского общества, которая была убеждена в том, что с 1 августа 1914 г. по 24 мая 1915 г. Италия занимала выжидательное положение, и прежде чем решиться на какие-либо действия наблюдала, какая сторона выиграет. Д. Отрив в «Revue des deux Mondes» (май 1925 г.), в статье, посвященной войне 1866 г., высказывает, хотя и в менее грубой форме, более или менее подобный взгляд, утверждая, что «la victoiré, des autres assurait à l'Italie un bénéfice considérable, comme le fait s'était déjà produit, comme il devait se reproduire un demi siècle plus tard» («чужая победа обеспечивала Италии значительную выгоду, что бывало уже в прошлом и что должно было повториться полвека спустя»).

Было ясно, что, каково бы ни было решение, которое Италии пришлось бы в конце концов принять, она должна была с самого начала войны взвесить возможности своего выступления и принять необходимые мероприятия для защиты своих собственных интересов и своей безопасности.

Итальянская армия подверглась суровым испытаниям во время войны в Ливии [15], где была израсходована значительная часть ее запасов и имущества, а тогдашний премьер-министр и фактический диктатор Италии Джованни Джиолитти не позаботился о восстановлении запасов.

Когда Саландра сделался премьер-министром, он выяснил состояние военных запасов и пришел в ужас от обнаруженных недостатков.

Число солдат, находившихся под ружьем в августе 1914 г., было больше, чем обычно, в связи с обстоятельствами, которые в Италии предшествовали началу мировой войны. В то время был установлен двухлетний срок обязательной военной службы, и поэтому нормально в рядах армии всегда было два призывных возраста*. Но в тот мо-

---

* Лицами призывного возраста считаются лица, которым в данном году исполнилось 20 лет.

мент, кроме состоявших в армии призывов родившихся в 1893 и 1894 гг., под знаменами еще находились и родившиеся в 1891 и 1892 гг., которые должны были быть уволены, но были задержаны ввиду продолжавшегося сопротивления арабских племен в Ливии, даже после того, как в октябре 1912 г. с Турцией был заключен мир, а также ввиду революционной вспышки в июне предыдущего года и угрозы беспорядков со стороны крайних партий. Таким образом, численность армии составляла 14 000 офицеров и 284 000 рядовых. После начала войны были также призваны обратно под знамена родившиеся в 1889 и 1890 гг., что привело к наличию в армии шести призывов вместо нормальных двух.

Хотя в течение 1906—1914 гг. в армии и были проведены кое-какие усовершенствования, однако, они никоим образом не могли еще считаться завершенными; огромное количество молодежи призывных возрастов было освобождено от военной службы, и так называемая третья категория, освобожденная по закону от обязательной двухлетней военной службы, хотя и должна была, как предполагалось, пройти краткую военную подготовку, но таковой не получила, так что, в случае всеобщей мобилизации, можно было рассчитывать лишь на тринадцать призывных возрастов. Офицеров и унтер-офицеров было недостаточно, а подготовкой офицеров запасов * пренебрегали. Полевая артиллерия была в процессе реорганизации и частично была еще вооружена орудиями устарелых систем; тяжелых и средних орудий было мало, запасы снарядов были скудны. Пехота имела всего лишь один пулеметный взвод на полк, а воздушные силы и моторизованный транспорт только зарождались. Обмундирования и всех прочих видов снабжения было недостаточно. Нехватало также и гужевого транспорта.

Немедленно вслед за объявлением нейтралитета военный министр принялся за реорганизацию армии, пополнение военных складов и перевооружение артиллерии, дабы итальянский нейтралитет был, как говорилось в правительственном сообщении, «бдительным и вооруженным».

Теперь рассмотрим, какова была военная обстановка, когда Италия 24 мая 1915 г. вступила в войну. После сражений на Марне и во Фландрии война на западном фронте фактически застыла в грандиозной системе окопов на всем протяжении северо-восточной Франции и в северо-западном углу Бельгии от Ламанша до Вогезов. Маршал Жоффр остановил наступление германцев на Париж и на порты Ламанша, но, не чувствуя себя в состоянии предпринять энергичное контрнаступление против вторгшегося противника, он перешел к методу, который назвал «подгрызание», или войной на истощение противника путем ряда небольших операций в ограниченных районах и с ограниченными целями, как, например, операции в Пикардии, в Артуа и в Шампани, проведенные в конце осени 1914 г. Но эти операции оказались очень дорогостоящими, и если цели их были ограниченными,

* Люди с высшим образованием, которые несли свою обычную военную службу, после испытаний производились в офицерский чин, служили офицерами в течение 3 месяцев и затем возвращались на гражданскую службу, где и служили до призыва под знамена.

то результаты оказались еще более ограниченными и в итоге союзники оказались настолько же истощенными, насколько и германцы.

На восточном фронте, после больших сражений у Танненберга, Мазурских озер и под Львовом, бои продолжались непрерывно всю зиму. Русским удалось отразить второе наступление Гинденбурга на Варшаву, а в марте 1915 г. они пытались перейти через Карпаты; к концу этого месяца они захватили большую крепость Перемышль и угрожали Кракову и перевалам, ведущим в Венгрию — к одному из самых важных и уязвимых районов на всей территории центральных держав.

Но если зима окончилась не так уж неблагоприятно для Антанты, то в начале весны обстановка резко изменилась к худшему. На западе германцам в апреле удалось сильными атаками с широким применением отравляющих веществ в значительной степени уменьшить выступ около Ипра, в то время как наступление французов в Артуа, начатое 9 мая, дало лишь скудные результаты ценой больших потерь. Гораздо более серьезным было положение на восточном фронте. Гинденбург, начавший наступление в северо-восточном направлении, овладел Либавой и только на 50 *км* не дошел до Риги. 1 мая 5 австро-германских армий атаковали русских в Галиции между Тарновом и Коломыей, а знаменитая фаланга Макензена совершила прорыв между Горлицей и Тарновом; севернее эрцгерцог Иосиф форсировал реку Дунаец, а южнее австрийская армия генерала Бем-Эрмолли отбросила русских от карпатских перевалов. Русские армии были оттеснены назад за реку Сан, а Макензен, переправившись 15 мая через эту реку, снова вступил в Ярослав, а затем в Перемышль.

Сербы после ряда блестящих побед над австрийцами впали в состояние инертности.

Дарданельская экспедиция, которая была блестяще задумана Уинстоном Черчилем, но гораздо хуже проведена как на море, так и на суше, совершенно провалилась; отказ от ее продолжения становился неизбежным, и о нем уже начинали говорить. В Болгарии король Фердинанд и его премьер-министр Радославов, остававшиеся глухими к просьбам дипломатических представителей союзников и к призывам о расовой солидарности, готовились связать свою судьбу с центральными державами.

В Греции господствовали германофильские или, во всяком случае, нейтральные тенденции, а король и генеральный штаб были неблагоприятно расположены к союзникам и не доверяли им. Румыния занимала еще весьма неопределенную позицию.

Таким образом, общая обстановка в апреле — мае 1915 г. сложилась для Антанты весьма неблагоприятно, и, казалось, не было никаких перспектив достигнуть победы в ближайшем будущем. В Италии и других странах многие полагали, что центральные державы выйдут победителями, в то время как прочие надеялись, в лучшем случае, на «ничейный» исход войны. Людей, убежденных в конечной победе Антанты, было немного. В этот-то момент Италия, наконец, решила выступить на стороне Антанты. Ей пришлось преодолеть много серьезных препятствий, прежде чем она смогла выступить. Прежде всего были сильные нейтралистские настроения у многих руководящих политических деятелей, начиная с Джиолитти, который, хотя и был не

у дел, но оставался еще наиболее влиятельной политической фигурой в Италии и пользовался поддержкой большинства в палате и в сенате, какова бы ни была избранная им политика. Затем можно было наблюдать некоторую нерешительность у многих итальянцев, которые, хотя и понимали, что именно Австрия нарушила условия Тройственного союза, но колебались, прежде чем решиться выступить против своих бывших союзников; следует еще учесть существовавшую в то время численно небольшую, но энергичную, активную и влиятельную германофильскую группировку. А главное заключалось в том, что весной 1915 г. итальянский народ, в отличие от народов воюющих стран в августе 1914 г., полностью узнал, что означают ужасы войны не только для действующей армии, но для всего народа, и понял, что если даже война окончится победой Антанты, то этого отнюдь нельзя будет добиться в течение нескольких недель.

Как мы уже отметили, объявление Италией нейтралитета имело серьезные последствия. Французский генеральный штаб сразу же оценил это, а французский посол в Риме признал недавно, что объявление нейтралитета дало возможность главному командованию перебросить на западный фронт находившиеся тогда на юге Франции 6 дивизий генерала Д'Амад. Германский генерал Фалькенгайн пишет, что нейтралитет Италии послужил причиной серьезных колебаний Австрии и Германии относительно возможности переброски австрийских войск с итальянской границы, и действительно, вместо снятия этих войск Конрад впоследствии решил усилить их дополнительными частями в ущерб развитию операций на русском и сербском фронтах.

Некоторые круги заявляли, что ввиду недостаточной военной подготовки Италии весной 1915 г. ее выступление вместо того, чтобы быть решающим фактором, как этого ожидали, не оказало союзникам ощутимой помощи. Фактически же, как бы ни было ценно для союзников выступление Италии, нельзя было и ожидать, что оно обеспечит немедленную победу. Но оно с самого начала содействовало восстановлению равновесия между двумя воюющими группами, которое в то время было сильно нарушено в пользу центральных держав, и помешало последним развить сокрушительное наступление крупными массами на одном из союзных фронтов и, может быть, добиться победоносного прорыва.

В первый период войны австрийские позиции в Трентино и Юлийских Альпах были заняты слабыми частями, но по мере того, как вероятность выступления Италии возрастала, эти позиции постепенно укреплялись, так что в мае 1915 г. они фактически были уже далеко не беззащитны и заняты не случайно собранными частями. Критики стратегии генерала Кадорны даже в Италии иногда утверждают, что если бы он в самом начале итало-австрийской войны энергично перешел в наступление, он без труда проник бы далеко в глубь неприятельской территории, а, возможно, достиг бы и полной победы, ускорив, таким образом, конец войны на всех фронтах. Тщательное изучение фактов и документов не подтверждает этого взгляда.

Конрад в письме генерал-адъютанту барону Больфрас от 21 мая, т .е. за 3 дня до объявления Италией войны, писал: «Вероломство Ита-

лии принесло плоды, которые я предвидел уже много лет и цветочки которых я давно уже хотел уничтожить. В то время мы могли довольно легко справиться с этой задачей; чтобы выполнить ее сейчас, мы уже нуждаемся в посторонней помощи. Вы легко можете представить себе, как больно мне сознавать необходимость этой помощи. Мы должны учитывать, что главной целью наступления Италии будет долина Изонцо. Следовательно, все оборонительные меры приняты соответственно этому». Конрад говорил правду: действительно, в течение многих месяцев проводилась тщательная подготовка к обороне фронта на Изонцо, в то время как фронт в Трентино, который еще легче оборонять, благодаря его естественным особенностям, был за много лет до войны превращен в огромную крепость: каждая гора и каждая важная командующая высота ощетинились пушками и были защищены сложными фортификационными сооружениями с броневыми укрытиями; множество военных дорог разветвлялось по всем направлениям, служа продолжением железнодорожных линий, шедших из глубины страны.

С самого начала мировой войны, за 10 месяцев до выступления Италии, австро-венгерское главное командование уже учитывало «необходимость тщательного изучения обороны юго-западных границ империи и соответствующего их оборудования». Генералу фон Рор [16] было поручено командование всеми войсками в этом районе и предписано провести все необходимые мероприятия. Сначала он имел в своем распоряжении немного войск и невысокого качества, состоявших главным образом из маршевых частей, ландверных батальонов, добровольцев и рабочих частей, сформированных из военнопленных. Но он приложил огромные усилия для приведения в порядок этих войск и поставил перед собой задачу наилучшим образом использовать тот материал, которым он располагал.

Что же касается оборонительных работ, выполненных в течение 10 месяцев итальянского нейтралитета, то о них красноречиво говорят австрийские официальные документы: в скалах было вырублено несколько сот пещер (в одном только Трентино их было 300), были в полной степени приспособлены и использованы естественные пещеры, которых очень много на Карсо, были вырыты десятки километров окопов, прикрытых широкими полосами проволочных заграждений, зачастую в 12 *м* глубиной, были сооружены блокгаузы, построены новые грунтовые и железные дороги,—словом, было сделано все, чтобы создать полную и стройную систему обороны, не имеющую себе равных по своему характеру, поскольку она была тщательно подготовлена на основе опыта, приобретенного за последние месяцы на других фронтах, и поскольку работы производились без помехи со стороны противника.

На самой реке Изонцо организация обороны несколько задержалась, так как австро-венгерское главное командование сначала не решило, где должны были проходить линии сопротивления. Действительно, существовал один план, по которому итальянцев следовало допустить и даже заманить до Лайбаха в Карниоле, где они должны были быть атакованы во фланг и тыл и совершенно уничтожены силами, сосредоточенными в долинах Савы и Дравы в составе 3 корпусов, которым должны были быть приданы 10 германских дивизий. Но от этого плана

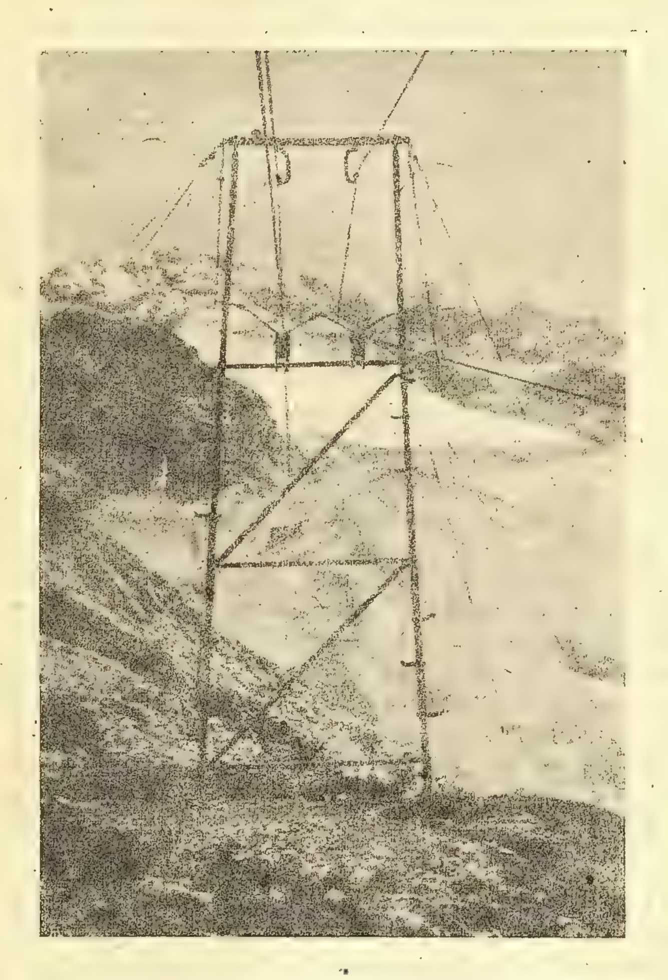


Рис. 1. Подвесная канатная дорога в горах.

пришлось отказаться, так как тогдашний начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн отказался предоставить германские войска, являвшиеся необходимым условием его выполнения, потому что он скептически относился к успеху этого плана, а также потому, что он не соглашался на неопределенный период приковать к месту такие крупные германские силы. Кроме того, как он сам это утверждал, до тех пор, пока Италия не объявит войну Германии, он считал бессмысленным прерывать проходившие через Италию пути сообщения Германии с внешним миром *. В действительности же эти пути были перерезаны еще тогда, когда Италия формально не была в состоянии войны с Германией; но Фалькенгайн, подобно другим германским руководящим государственным деятелям, все еще надеялся, что можно будет договориться о продлении торговых сношений с Италией и транзита через нее.

Поэтому Конраду пришлось изменить первоначальные планы, и 21 апреля он отдал приказ: «закрыть переправы через Изонцо южнее Тольмино и оборудовать укрепления по западному краю Карсо».

К концу этого месяца оборонительные работы на участке Изонцо были в спешном порядке выполнены, и к середине мая генерал, командующий территориальным районом Граца, и генерал фон Рор имели возможность утверждать, что вся линия обороны значительно усилена. Генерал Лукашич, на которого было возложено выполнение работ на плато Карсо, свидетельствует о большой энергии и быстроте, с которыми эти работы были выполнены **. Эрцгерцог Евгений считал Саботино неприступным, а начальник штаба фельдмаршала Бороевича генерал Краус, писал, что «с самых первых дней войны вместо поспешной и частичной оккупации и, следовательно, создания некрепкого фронта, первая линия обороны была создана упорной волей к стойкому сопротивлению, и гарнизон этой линии обороны был полон решимости не отдавать врагу ни одного вершка» ***.

На альпийском участке работы велись на очень большой высоте, часто в глубоком снегу, среди льдов и метелей, на краю бездонных пропастей и глубоких ущелий, где один неосторожный шаг угрожал падением на сотню метров, где вершины и позиции на гребнях могли удерживаться против целых бригад горстью людей с несколькими пулеметами и где камни, брошенные с большой высоты, были так же смертельны, как шрапнель или гранаты. Участок Карсо был голой пустыней, усеянной острыми, как ножи, камнями, которые рвали в клочья даже крепкую обувь и калечили ноги самым закаленным альпинистам; там убойность снаряда усиливалась в десять раз кусками скал, которые при разрыве снаряда разлетались вместе с острыми стальными осколками. Там не было воды, ее приходилось подвозить зимой в бочонках на вьючных мулах. Правда, австрийцы терпели такие же лишения, о чем эрцгерцог Иосиф рассказывает в своем мрачном описании «ада Добердо», но они, по крайней мере, пользовались тем

* Falkenhayn, Die Oberste Heeresleitung, стр. 82.
** Lukachich, The Defence of Doberdo, Budapest 1918.
*** A. Krauss, The First Defence of the Isonzo, in Schrwarte «Der grosse Krieg».

преимуществом, что имели более высокие и лучше защищенные позиции.

В первый период операции на всех прочих фронтах носили характер маневренной войны. Только на австро-итальянском фронте противник имел возможность навязать наступающему самый благоприятный для себя способ боевых действий. С самых первых недель войны итальянской армии пришлось столкнуться с беспощадной, смертельной и изматывающей все силы беспросветной войной на измор.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

(схема 2)

Итало-австрийская граница, установленная в 1866 г., была неблагоприятна для Италии почти на всем своем протяжении в 600 *км*. От горы Ортлер до моря она проходила в виде огромной латинской буквы S. Трентино образовывал выступ в сторону итальянской территории, а Фриуль — выступ в сторону австрийской территории; однако, первый был опаснее для Италии, чем последний для Австрии. За исключением последних 30 *км*, начиная от пункта, где Изонцо выходит на равнину восточного Фриуля и течет вниз к морю, вся граница проходит по гористой местности. На крайнем западном участке, находящемся на больших высотах горных групп Ортлера и Адамелло, крупные операции были невозможны. На участках озера Гарда, Валь Лагарина (долина реки Адидже) и Валларса местность более доступна, но все же и эти участки гористы. Далее к востоку главные высоты находились на итальянской территории до самой долины Валь д'Арса, но австрийцы создали внутри своих границ на плато Фольгария и Лавароне мощную систему оборонительных укреплений. Этот район имел исключительную важность для Италии, так как если бы противнику удалось прорваться через итальянскую оборонительную линию, он мог бы спуститься на богатую Венецианскую равнину, угрожать важным промышленным центрам страны и отрезать армии в Фриуле от их баз. Поэтому Италия построила в этой зоне сильные укрепления. Опасность вторжения по этим путям со стороны Трентино была осознана уже свыше сотни лет назад, когда Евгений Богарне [17] воевал с австрийцами в Фриуле во многих районах, где итальянцам пришлось воевать теперь. Но он тогда опирался на Наполеона, войска которого, вместе с баварцами, его союзниками, нейтрализовали какую бы то ни было возможность движения австрийцев через Тироль. Теперь же, напротив, австрийцы имели полную свободу движений, а Бавария уже являлась не враждебной страной, а была для них источником пополнений и снабжения. Если выступ у Трентино представлял опасность для Италии, то прорыв здесь итальянцев имел бы для Австрии менее серьезные последствия. За первой линией обороны имелись другие; все они проходили по горным районам, где одна цепь высоких гор тянулась за другой, и, как бы глубоко итальянцы ни проникли, они не нашли бы здесь никаких жизненных центров в пределах досягаемости.

Долина Вальсугана представляла еще один открытый путь для вторжения на Венецианскую равнину со стороны Триента и поэтому была сильно укреплена как Австрией, так и Италией.

Рис. 2. Хижина в скалах на Кадорских Альпах.

Участок Кадоре (Кадорских Альп) проходил снова в высоких Альпах, с горными проходами и долинами, лежащими на высоте от 2 000 до 3 000 *м* над уровнем моря, среди отвесных скалистых стен и причудливых неприступных пиков. Все лучшие тактические позиции были гораздо доступнее со стороны Австрии, чем со стороны Италии. Австрийцы могли снабжаться по шоссе и железной дороге в широкой долине Пустерталь, тянущейся параллельно фронту от Францесфесте (на железнодорожной линии Бреннер—Триент) до Виллаха (на линии Тарвиз—Вена), который, как и Бреннер, был связан с Зальцбургом и Мюнхеном железной дорогой через Глюкнер.

В Карнии (Карнийские Альпы) граница проходила по гребню хребта, но и здесь склоны гор на австрийской стороне были более отлоги, чем на итальянской, и также вполне доступны через долину Гайльталь, очень удачно проходившую параллельно границе.

От восточного края Карнии граница шла в общем на юг, к морю. Мощный горный массив, имеющий своей высшей точкой Монте Неро*, господствовал над долиной верхнего Изонцо с восточной стороны, причем граница проходила к западу от реки. Здесь до войны не было устроено никаких укреплений, но с августа 1914 г. австрийцы создали мощный предмостный плацдарм у Толмино на левом берегу с передовыми укреплениями у Санта Мария и Санта Лючия на правом берегу. Дальше к югу начинается плато Байнзицца, западный край которого почти отвесно спускается к Изонцо, а восточный простирается до леса Тернова.

Следующим предмостным плацдармом была Горица — небольшой красивый городок на возвышенностях к востоку от реки, бывший в прошлом местом важных исторических событий, а в более позднее время—излюбленным курортом пожилых австрийцев, особенно отставных офицеров и правительственных чиновников. Благодаря обрывистым холмам, окружавшим город, он представлял собою отличную оборонительную позицию, и австрийцы создали во всем этом районе мощный укрепленный лагерь. На севере он был защищен тремя «святыми» горами: Монте Санто, Сан Габриеле и Сан Даниеле [18] (те, которые впоследствии воевали на них, считали их отнюдь не святыми!), на юге — хребтом Карсо, а на западе и северозападе, за рекой,—горным массивом Подгора-Саботино, начинавшимся сразу же над рекой, где она выходит из ущелья Плава. Между возвышенностями Саботино и Подгора находятся высоты Ославия и Пеума, а к югу от Подгора находятся Кальварио (высота 144) и высота 240 над селением Лючинико, лежащим против Горицы. Здесь до войны не было долговременных укреплений, но с августа 1914 г. была создана тщательно разработанная система окопов и полевых укреплений самого трудно доступного типа, защищенная широкой полосой проволочных заграждений.

К югу от Горицы начинается цепь Карсо, одна из самых диких и причудливых горных систем мира — совершенно безжизненная пустыня с острыми, как бритва, скалами, на которой совершенно нет

---

* Славяне называют Монте Неро «Krn», т. е. корона, но ввиду сходства этого сокращенного слова с «Crn» (черный), итальянцы перевели название горы — Неро (Монте Неро—Черная Гора).

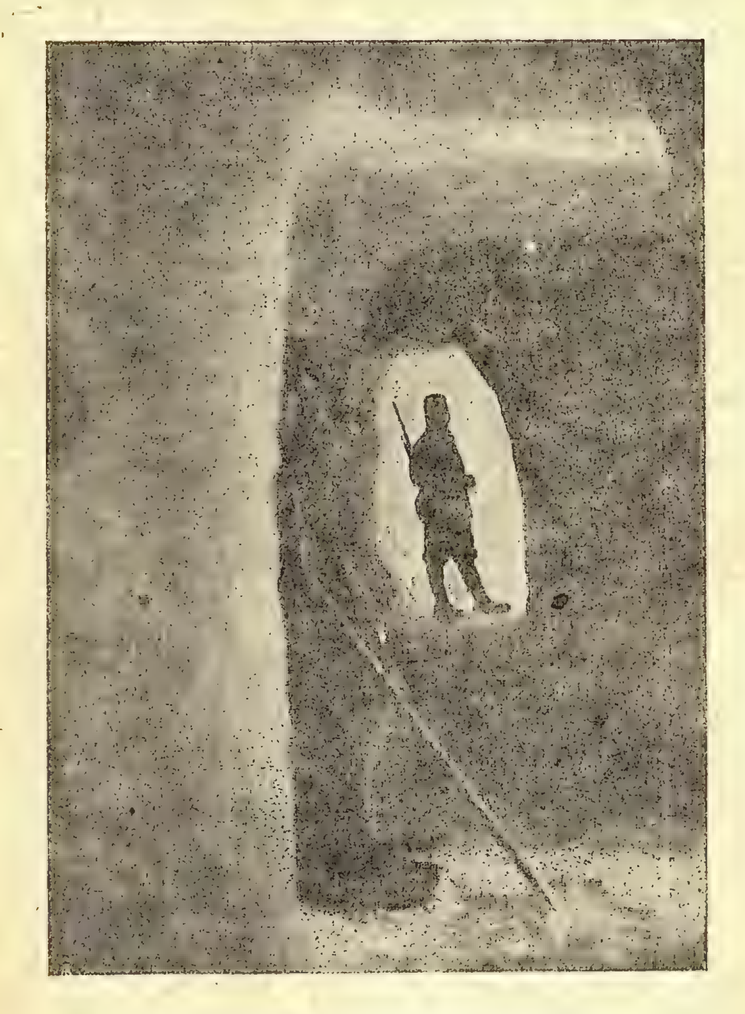


Рис. 3. Туннель в горном проходе Ортлер.

горных ручьев или каких-либо источников воды, пустыня в большей своей части бесплодная и лишенная растительности, за исключением случайных котловин, представляющих собой маленькие клочки земли, на которых неприхотливые и трудолюбивые местные крестьяне добывают себе скудное пропитание. Кое-где встречаются небольшие участки леса. С Карсо течет несколько рек, которые местами теряются, пряча свое русло под почвой, с тем, чтобы в нескольких милях от моря появиться снова, уже более полноводными. Другие реки, протекающие далее к западу параллельно Изонцо, пересекают долину Фриуля.

Равнины Венеции и Фриуля покрыты сетью хороших дорог, но сеть железных дорог на итальянской стороне меньше развита, чем на австрийской. Одна магистраль поднимается по долине реки Адидже от Вероны, другая пересекает равнину от Вероны на Венецию и у Местре разделяется на две ветки, из которых одна идет на северо-восток, на Удине и Тарвизио (Тарвиз), а другая — прямо на восток, на Червиньяно и Триест. Две второстепенные линии проходят от Венеции на Кадоре и в долину Вальсугана, с несколькими ветками и соединительными линиями. Все эти железные дороги, за исключением линий Верона — Венеция и Венеция — Казарса, были одноколейными. За время войны было построено несколько новых линий, в частности, линии Виченца — Тревизо и Удине — Пальманова, а на нескольких старых линиях была построена вторая колея.

Итальянский оперативный план предусматривал оборонительные действия на фронте Трентино, где на австрийской стороне для итальянцев не было важных целей для захвата, и наступательные операции на Изонцо, за которой были такие важные цели, как Триест и Лайбах. Кроме того, как отмечает Кадорна *, так как итало-австрийская кампания была частью общей войны, было желательно развивать операции в таком направлении, которое давало возможность взаимодействовать с союзниками, как это достигалось на фронте Изонцо в отношении русских и сербов. В то же время, ввиду возможности австрийского наступления из Трентино, необходимо было так вести операцию в Юлийских Альпах, чтобы быть в состоянии быстро перебросить войска с востока на запад, как только возникнет опасность этого наступления.

Поэтому план Кадорны предусматривал общее наступление на юлийском фронте и стратегическую оборону в Трентино с тактическим наступлением, с целью исправить итальянские позиции на Кадоре и по возможности отрезать сообщения противника в долине Пустерталь и затем выйти в долины Риенц и реки Драве.

Сообразно с этими задачами итальянская армия была распределена следующим образом (схема 3):

1-я армия (генерал Брузати) — в составе 3-го и 5-го корпусов и 15-й дивизии 8-го корпуса — развернулась вдоль горной цепи от швейцарской границы до озера Гарда;

4-я армия (генерал Нава) — в составе 9-го и 1-го корпусов — развернулась от озера Гарда, через Кадоре, до верхнего течения Пьяве;

---

* «La Guerra alla fronti italiana», т. I, стр. 89.

Карнийская группа (генерал Леквио) — в составе 12-го корпуса и 16 батальонов альпийских стрелков—растянулась вдоль гребня Карнийских Альп, по которому проходила граница;

2-я армия (генерал Фругони) — в составе 4-го, 2-го и 6-го корпусов—развернулась вдоль Юлийских Альп от Монте Маджоре до дороги Кормонс—Горица;

3-я армия (генерал Цуккари, впоследствии замененный герцогом Аоста) — в составе 10-го, 11-го и 7-го корпусов — занимала фронт в остальной части Юлийских Альп до моря.

Кроме этих сил, в распоряжении итальянского верховного командования * оставался еще резерв, состоящий из 12-го и 14-го корпусов, по 3 дивизии каждый, расположенных между Дезенцано и Вероной, и штаб 8-го корпуса с оставшейся у него 16-й дивизией, расположенный в Бассано. Этот резерв должен был обеспечивать фронт Трентино и оставаться на месте, пока итальянцы в этом районе не создадут себе более удобного фронта, а затем он должен был быть переброшен на юлийский фронт и принять участие в наступлении на этом участке.

Таким образом, из 35 дивизий, входивших в состав итальянской армии в начале войны, 14 были развернуты на 500-*км* фронте между Стельвию и Карния, 14 были сосредоточены на фронте 90 *км* в Юлийских Альпах и 7 оставались в резерве. Такое расположение было установлено в августе 1914 г., ввиду возможности выступления против Австрии, и фактически осуществлено в мае 1915 г.

Верховное командование находилось в Удине, а интендантство — в Тревизо.

24 мая, в день объявления войны Италией, численность итальянской армии составляла 22 800 офицеров и 843 000 солдат; значительная часть их проходила еще боевую подготовку внутри страны, будучи расквартирована вдоль основных магистралей, или была прикомандирована к различным службам.

Номинально главнокомандующим армией считался король. Фактически же он вовсе не командовал и никогда не вмешивался в руководство военными операциями или в деятельность верховного командования. Фактическое командование армией было передано начальнику генерального штаба, генералу (впоследствии маршалу) графу Луиджи Кадорна, сыну генерала Рафаэля Кадорна, который отличился в войнах за объединение Италии и известен в истории главным образом как командующий итальянскими частями, вступившими в Рим в 1870 г. Генерал Луиджи Кадорна был преемником генерала Поллис, умершего 1 июля 1914 г., накануне самого начала мировой войны. Действия Кадорны подверглись широкой критике в связи с Капоретто, и после этого события ему был более или менее справедливо приписан ряд других ошибок. Однако, несомненно он был отлично подготовлен в военном отношении и являлся первоклассным организатором, и хотя бы за одно это страна ему многим обязана, так как он фактически воссоздал армию между июлем 1914 г. и маем 1915 г.

---

* В последующем изложении «верховное командование» будет применяться в отношении Италии и «главное командование» в отношении Австрии.

Его главным недостатком было то, что он не умел поддерживать постоянную связь с командным составом и войсками и понимать психологию солдат, чтобы знать, что с ними можно сделать и каким образом ими лучше руководить. За этот отрыв главного командования от армии некоторые генералы его штаба были более ответственны, но и с него, как с главнокомандующего, естественно, нельзя снять вину.

Генерал Кадорна рассчитывал на внезапное наступление за пределы государственных границ и на захват более благоприятного фронта, как только война будет объявлена. Но когда Джиолитти повел решительную борьбу против правительства Саландры в надежде добиться его отставки и сохранить нейтралитет Италии, то во Франции был опубликован договор от 26 апреля 1915 г. Для этого французские правящие круги прибегли к часто практикуемой ими «бестактности журналиста», чтобы этим помешать Италии в последнюю минуту пойти напопятный. Но эта «бестактность» устранила не отпадение Италии, которого не допустил бы сам итальянский народ, а элемент внезапности военного выступления Италии; Австрия, уверенная теперь в том, что Италия собирается вступить в войну, сосредоточила все свои свободные войска на юлийском фронте и в Трентино. Кроме того, бездействие Сербии дало Австрии возможность сократить численность своей армии на реке Саве и на нижнем течении реки Дуная до 48 000 человек и использовать против Италии почти все свои силы, находившиеся в то время на сербском фронте.

Италия испытывала огромный недостаток в тяжелой артиллерии. Имевшаяся тяжелая артиллерия была распределена следующим образом: в 1-й армии — 6 батарей 280-*мм* пушек и 1 батарея 210-*мм* гаубиц; в 4-й армии — 12 пушечных и 5 гаубичных батарей; в Карнийской группе — 2 батареи; во 2-й и 3-й армиях — 12 батарей артиллерии средних калибров, 4 батареи стальных и 7 батарей чугунных 149-*мм* пушек [19].

Первоначальный план операций предусматривал переход через границу 2-й и 3-й армий, наступление до реки Изонцо и захват переправ через нее, причем 12-й корпус должен был действовать в направлении на перевал Предил. Общая идея операции заключалась в том, что левый фланг (2-я армия) продвинется через Изонцо, захватит Капоретто и горный массив Монте Неро — Слеме — Мрзли, в то время как правый фланг (3-я армия) должен был наступать медленнее и захватить мосты у Пьерис, чтобы устранить угрозу флангового наступления из горной местности, лежащей на обоих берегах среднего течения реки Изонцо. Предполагалось, что переправа через Изонцо, в ее верхнем течении, будет сравнительно легкой и что овладение плато Байнзицца далее к востоку автоматически приведет к падению укрепленного района Горицы и позиций на Карсо. В действительности операции развернулись иначе, так как в районе Тольмино было встречено сильное сопротивление и пришлось атаковать в первую очередь на фронте Горица — Карсо.

От первоначального австрийского плана — очистить весь район Изонцо и дать возможность итальянцам продвинуться до самого Лайбаха, а затем атаковать их с обоих флангов войсками, в составе которых должны были быть и германцы, — австрийцам пришлось, как мы

уже видели, отказаться. Вместо этого было решено очистить только равнину к западу от Изонцо и несколько выдавшихся вперед позиций в крайней южной части Трентино, одновременно организовав оборону на более удобных позициях горного района, на двух предмостных плацдармах у Тольмино и Горицы и их передовых позициях на правом берегу Изонцо.

Мы видели, что австрийцы имели достаточно времени, чтобы оборудовать границу оборонительными сооружениями. Чтобы представить себе характер и трудность задачи, стоявшей перед итальянской армией, очень важно принять во внимание фактическую численность австрийских войск, на которые была возложена оборона юго-западных границ государства. К 30 батальонам, подчиненным в течение зимы генералу Рору, было добавлено много новых частей, так что к концу апреля,— т. е. несколько недель до объявления Италией войны, он смог сформировать из них 5 дивизий, получивших номера от 90 до 94. Таким образом, на этом фронте австрийцы располагали в общем 125 батальонами и 70 батареями. К середине мая здесь появилась также 57-я дивизия под командованием генерала фон Гойгингера, и еще 3 армейских корпуса (6-й, 15-й и 16-й) формировались внутри страны и были затем спешно переброшены на фронт, как только было решено удерживать линию Изонцо вместо отхода на Лайбах. Вдоль нижнего течения реки была развернута 5-я армия генерала Бороевича в составе вновь сформированных 15-го и 16-го корпусов и 93-й и 94-й дивизий. Командование Тирольской группой было возложено на генерала Данкля, а генерал Рор остался командующим в Каринтии. 21 мая, за три дня до объявления Италией войны, 3 корпуса начали свое движение; 24 мая уже были на позициях одна дивизия 15-го корпуса и одна 16-го, а в конце месяца и все остальные части.

К началу войны с Италией австрийские силы были распределены следующим образом:

Тирольская группа (генерал Данкль) — в составе 2 дивизий, нескольких батальонов ландштурма [20], 3 эскадронов конницы и 9 тяжелых батарей (не считая дивизионной артиллерии);

Каринтийская группа (генерал Рор) — в составе 1 дивизии и 15 батальонов ландверных тирольских частей [21]; через несколько дней после объявления войны этой группе был передан также переброшенный с русского фронта 7-й корпус эрцгерцога Иосифа.

5-я армия (генерал Бороевич) — в составе 3 дивизий и 2 армейских корпусов, по 3 дивизии в каждом; эти корпуса были переброшены с Балканского фронта.

Хотя Италия и Германия до следующего года официально не вступали в войну, тем не менее германцы послали в Тироль в помощь австрийцам свой баварский альпийский корпус *. Таким образом, силы противника на итальянском фронте, включая и части тех 3 австрийских корпусов, которые находились еще в пути, исчислялись всего в 20 дивизий, число которых быстро возросло до 25 с общим составом в 234 батальона пехоты, 21 эскадрон конницы и 155 батарей, из них

* В сущности, дивизию усиленного состав.—*Ред.*

79 батальонов, 5 эскадронов и 71 батарея входили в состав 20 дивизий, действовавших в Юлийских Альпах или на Изонцо.

Против австрийцев была выставлена итальянская армия общим составом в 35 дивизий. Однако, австрийцы имели гораздо больше артиллерии, в особенности тяжелой, а также пулеметов и прочих современных боевых средств. Кроме того, они имели то огромное преимущество, что занимали гораздо более выгодные позиции, которые за 10 месяцев, предшествовавших выступлению Италии, были тщательно подготовлены и укреплены, и на этих позициях они решили обороняться.

В ночь с 23 на 24 мая итальянцы начали наступление вдоль всей границы, чтобы по возможности немедленно захватить некоторые позиции, господствовавшие над подступами, ведущими к жизненным районам неприятельской территории. Если эффект внезапности и был несколько ослаблен опубликованием Лондонского договора, тем не менее он не был полностью сведен к нулю, так как австрийцы никак не думали, что итальянцы перейдут в наступление до полного окончания своей мобилизации, и, кроме того, они полагали, что эта задержка даст им время выждать, пока Галиция будет окончательно очищена от русских, чтобы перебросить больше войск с этого фронта на итальянский. Таким образом, с первых же дней итальянцы смогли на всем фронте, и в особенности в районе 1-й армии, захватить ряд пунктов (схема 4), включая горный проход Тонале в долине Валь Камоника, Понте Каффаро в долине Валь Джудикария, Монте Бальдо и склоны горы Монте Альтиссимо непосредственно к востоку от озера Гарда, Монте Корно и Монте Фоппиано (к северу от Монте Лессини), Монте Пазубио и Монте Баффелан (командующие на Валларса) и Пьян делле Фугацце. Впоследствии, во время австрийского наступления в мае 1916 г., гора Пазубио сыграла исключительно важную роль. На Кадоре были захвачены горные проходы, лежавшие на границе и за ней.

В верхнем течении Изонцо были также заняты лежащие к востоку от реки — Капоретто, высоты Монте Козляк, Монте Плека и Монте Либуссина и далее к югу—хребет между Юдриа и Изонцо (схема 5). В города Кормонс, Верза и Червиньяно, лежащие к западу от реки, итальянцы вступили, не встретив никакого сопротивления. В нижнем течении Изонцо группа в составе 1-й кав. дивизии и некоторых других частей под начальством генерала Верчеллана должна была захватить переправы через реку, но ей не удалось во-время выполнить возложенную на нее задачу. Задержка отчасти объясняется ложными слухами, умышленно распространявшимися австрийцами, будто все дороги и мосты минированы. Когда конница двинулась вперед, мост у Пьерис действительно был взорван, но прочие препятствия, о которых носились слухи, оказались плодом фантазии. Командующему группой были приписаны еще некоторые промахи, и он был смещен.

27 мая верховное командование отдало приказ о дальнейшем наступлении, и 1-й армии удалось овладеть новыми позициями в районе между долиной Валь Лагарина и плато Азьяго, в некоторых случаях после горячих стычек. На Кадоре (4-я армия) были захвачены Кортина д'Ампеццо и горные проходы Тре Крочи, Федайя а также Сан Пеллегрино и Валлес. В Карнии было несколько незначительных стычек,

борьба разгорелась около Фрейкофель, который, перейдя несколько раз из рук в руки, был, наконец, захвачен и удержан итальянцами.

Самой важной операцией на верхнем Изонцо была атака на Монте Неро, к востоку от реки. Горные массивы Слеме и Мрзли, к югу от Монте Неро, были в первый раз атакованы между 28 мая и 4 июня, но безуспешно. В этих боях особенно отличился 12-й полк берсальеров [22], но он потерял 400 человек, не считая многих, провалившихся в пропасти. Командир полка полковник де Росси был тяжело ранен, а командиры обоих батальонов были убиты. Бригада Модена потеряла 37 офицеров и 1 200 солдат; очень серьезные потери понесла и бригада Салерно. Массив Мрзли, несмотря на повторные атаки, так и не удалось захватить, и он до сражения у Капоретто продолжал оставаться для итальянцев угрозой в этом районе. Массив Слеме был ареной жарких схваток; 2 июня бойцам альпийского батальона Чивидале удалось вскарабкаться почти вплотную к позициям противника, но они были отброшены назад лавиной камней, которые обрушивали на них обороняющиеся. Однако, все контратаки австрийцев на позиции, уже захваченные итальянцами, были отбиты.

Неделю спустя командующий альпийскими частями во 2-й армии генерал Этна решил сделать попытку захватить гору Монте Неро, самую высокую позицию на этом участке. Он дал следующие указания: «Действовать небольшими частями, впереди них должны двигаться группы отборных людей; наступать отдельными партиями от укрытия к укрытию, принять самые решительные меры к поддержанию связи, не допускать ни малейшего шума, не отвечать на огонь противника; проникнуться решимостью победить во что бы то ни стало; действовать энергично, штыками».

Наступление началось в ночь на 16 июня; 35-я рота альпийских стрелков батальона Суза под командой капитана Витторио Варезе, двинувшись с Монте Врата, подкралась в совершенной тишине, ворвалась в неприятельские окопы на пике 2138 и после яростного боя захватила оборонявшихся в плен. После этого рота захватила следующую позицию на пике 2133. В полночь 84-я рота батальона Эксиллес перешла в стремительную атаку по крутому и узкому хребту Козляк, с целью овладеть самой вершиной Монте Неро, и после короткой, но отчаянной стычки ей удалось овладеть самым высоким в этом массиве пиком 2246; в это время подоспела 31-я рота, которая сломила сопротивление еще державшихся последних частей противника. Прочие альпийские части захватили в плен целый батальон венгерцев, посланный для усиления обороны. Австрийцы еще несколько раз ходили в контратаку на Монте Неро, но всякий раз их контратаки успешно отражались, и позиция осталась за итальянцами до самого сражения у Капоретто. Таким образом, итальянцы овладели верховьями реки Изонцо, что и являлось одной из главных целей первого наступления.

Однако, мощные предмостные позиции у Тольмино и Горицы с важными передовыми позициями на западном берегу оставались еще в руках противника, и было ясно, что австрийцы приложат все усилия, чтобы сохранить командование над рекой от Тольмино к югу. Итальянцы решили попытаться овладеть средним и нижним течениями реки,

развернув общее наступление на участке от Плавы (южнее Тольмино) до моря. У Плавы Изонцо течет через узкое ущелье, над которым возвышаются обрывистые утесы, усиленные на левом берегу мощными оборонительными сооружениями. 2-й корпус под начальством генерала Рейзоли должен был попытаться переправиться у Плавы через реку и наступать с демонстративной целью на Саботино (на правом берегу реки к северу от Горицы), в то время как 6-й корпус генерала Руелле должен был форсировать реку к югу от Ославия и захватить собственно Горицу. 11-й и 7-й корпуса должны были форсировать реку еще ниже и закрепиться на ее левом берегу, южнее Горицы.

Позиции у Плавы и Саботино оказались чрезвычайно сильными, и первая попытка переправиться у Плавы, предпринятая 8 июня, окончилась неудачей, так как понтонный мост, который начали наводить саперы, был разрушен огнем противника. В ночь на 10 июня отряду в 200 человек из бригады Равенна удалось на лодках переправиться через реку и в укрытии от огня удержаться в течение всего дня. В следующую ночь два батальона переправились через реку и атаковали нависшую над рекой высоту 383. Несмотря на сильный огонь, им удалось добраться до вершины, но противник отбросил их контратаками, и они закрепились чуть пониже вершины. После этого через реку были переправлены еще подкрепления, и в течение целой недели эта смертоносная высота снова и снова атаковывалась, за один только день 12 июня было произведено семь атак, а противник поливал атакующих убийственным пулеметным огнем и засыпал ручными гранатами. Наконец, 17 июня частям 3-й дивизии удалось захватить эту позицию; как признает сам генерал Бороевич в своем донесении *, эти части «атаковали с величайшим порывом и храбростью, так что даже австрийские части вынуждены были высоко оценить их действия». Обе стороны понесли в этих боях большие потери; итальянцы потеряли 93 офицера и около 2 000 солдат; у австрийцев только одна 1-я горная бригада потеряла 2 300 человек. Тем не менее обстановка складывалась отнюдь не благоприятно для итальянцев; захваченный у противника плацдарм на левому берегу реки был чрезвычайно ограничен и переполнен войсками, поэтому совершенно необходимо было расширить занятое пространство.

Атаки 6-го корпуса на Подгора (8 и 9 июня), хотя и были произведены с большим увлечением, однако, не сломили сопротивления противника, и 10 июня верховное командование приостановило операции.

3-я армия оказалась несколько более счастливой, ибо, потерпев неудачу в попытке переправиться у Градиска, она захватила Монфальконе ниже по течению. Гренадерская бригада захватила и удержала за собой участок между замком Монфальконе (выше города) и Арис. Кроме того, к востоку от реки было захвачено еще несколько других позиций, но фактически никакого продвижения вперед на хребте Карсо не произошло. К 16 июня закончилась первая решительная наступательная операция, которая, как гласит итальянская официальная история войны, характерна «контрастом между стремлением достичь дальних целей путем маневренных действий и реальными условиями, ко-

* Это донесение не опубликовано.

торые требовали ведения войны на истощение. Эта обстановка не была неожиданной, но выработка соответствующих ей тактических приемов была возможна лишь на основе длительного опыта. Опыт этого периода определил характер и приемы боевых действий на весь период 1915 г.: укрепленный барьер, который противник с большим мастерством и лихорадочной поспешностью подготовил против нашего вторжения, потребовал целого ряда попыток захватить укрепленные позиции, начиная с первого сражения на Изонцо 23 июня» *.

После десятидневного перерыва, потребовавшегося для окончания мобилизации и подвоза на фронт свежих частей, новая серия атак была произведена между Тольмино и морем. Бои на участке Тольмино — Подгора продолжались несколько дней, и несмотря на то, что войска сражались со свойственным им упорством, им не удалось сломить мощную оборону противника. У Плавы переполнение войсками небольшого клочка занятого плацдарма достигло такой степени, что командование 2-й армией приказало оттянуть большую часть войск обратно на правый берег, оставив на противоположном берегу лишь небольшие силы, необходимые для удержания купленной такой дорогой ценой предмостной позиции. Сопровождавшиеся очень большими потерями атака на Подгора, Ославия и Пеума (23—26 июня) и жестокая атака на Саботино 29—30 июня не привели ни к каким результатам. То же самое произошло и 5 июля, когда была снова атакована Подгора, и хотя некоторым подразделениям и удалось прорваться через мощную оборону, но они были скошены ураганным огнем, а остатки вытеснены обратно.

На фронте Карсо 11-й корпус 24 июня достиг некоторых успехов, но, подвергшись артиллерийскому обстрелу из Добердо, Амиано, Флондар и Дуино, он не смог выбить противника из занятых им сильных позиций на гребне хребта от Сан Микеле и Сей Бузи до моря. Наступление было возобновлено 3 июля, когда 11-й и 10-й корпуса захватили у противника некоторые позиции между Кастельнуово и Сей Бузи, отразили неприятельские контратаки и захватили 400 пленных. Следующий день был отмечен дальнейшими успехами, когда была захвачена обширная система окопов между Сан Микеле и Сан Мартино; однако, позиции, занятые 31-м полком и бригадой Реджина, были затем снова потеряны. 7 июля наступление было остановлено, причем итальянцы заняли линию, проходившую все еще ниже гребня этого неприступного хребта и всегда открытую для огня с расположенных выше и более удобных позиций противника (высоты 170, 92 и 89, селения Вермельяно и Сельц и склоны Сей Бузи), и судостроительную верфь Адриа в Монфальконе; последний пункт был особенно полезен, так как корпус корабля, строившегося на этих верфях, представлял собой ценный наблюдательный пункт.

В отдельных местах, в особенности в Карсо, австрийский фронт был оттеснен назад, но в целом противник держался прочно. С теми наступательными средствами, которыми мы располагали в 1915 г., ни-

* Ministero della Guerra, «L'esercito italiano nella grande Guerra», т. II, стр. 148. Всего издано лишь два тома этого весьма важного труда, которые охватывают операции до конца 1915 г.

чего больше сделать было нельзя. Грозные проволочные заграждения оказались совершенно неодолимыми для тех средств, которые тогда применяли атакующие.

В этом первом сражении на Изонцо итальянцы потеряли 1 900 убитыми (в том числе 110 офицеров), 11 500 ранеными, 1 500 пленными и пропавшими без вести. Потери у австрийцев были меньше и составляли в общем 10 400 чел.

Примерно, через 10 дней сражение возобновилось и вылилось в операцию, известную под названием «Второе сражение на Изонцо» (схема 6). Как и первое, оно было предпринято с целью захвата последующих позиций в районе Монте Неро — верхнее течение Изонцо и для овладения Подгора, против Горицы, и гребнем Карсо. На участке Монте Неро пункты Монте Россо, Лемез и Смогар были по нескольку раз атакованы, захвачены и снова оставлены, но самые вершины остались в руках противника (18—19 июля). То же самое случилось и на Подгора. На участке Карсо единственным достигнутым успехом было овладение краем плато Добердо, что хотя и не имело само по себе большого значения, но позволило итальянской артиллерии занять более выгодные позиции для дальнейших действий.

В этом втором сражении на Изонцо итальянцы потеряли 340 офицеров убитыми и 860 ранеными, 5 400 солдат убитыми и 26 580 ранеными, а также 466 пропавшими без вести, в то время как противник потерял около 47 000 человек.

В течение августа и сентября на итальянском фронте было некоторое затишье, если не считать нескольких незначительных столкновений, как, например, бой 4-го корпуса, которому удалось захватить весь бассейн Плеццо (верхнее Изонцо), зато атаки на Монте Ромбон, Яворчек и Липник на том же участке, а также на передовые позиции тет-де-пона Толмино у Санта Мария и Санта Лючия были отбиты.

В течение летних месяцев общее положение Антанты сделалось более серьезным, особенно на русском фронте, после падения крупных русских крепостей, а франко-британское наступление в Артуа и в Шампани, хотя и сопровождалось захватом в плен до 30 000 германцев, закончилось очень незначительным продвижением вперед и сильным изнурением войск непрерывными боями. В этих условиях на итальянское верховное командование было оказано сильное давление, чтобы побудить его возобновить наступление. Генерал Кадорна согласился исполнить просьбы союзников и 1 октября отдал приказ о новом наступлении («Третье сражение на Изонцо»), с нанесением главного удара на позиции у Горицы, которые должны были быть атакованы как с севера, так и с юга. Войска отдохнули, получили пополнение людьми, пополнились артиллерией и прочей материальной частью, хотя далеко недостаточно, и смогли усилить свои позиции. Но совершенно неожиданно разразилась эпидемия холеры, которая началась после занятия окопов, захваченных у австрийских частей, пришедших с русского фронта; санитарная служба итальянской армии не была подготовлена к этой эпидемии, так как ожидались любые болезни, кроме холеры. Пришлось снимать с фронта и изолировать целые части. Однако, эти трудности были энергично преодолены, и эпидемия вскоре была прекращена. Другое затруднение представила по-

Рис. 4. Подъем на наблюдательный пункт на горе Кристалло.

года. Фриуль является одной из самых дождливых областей в Европе, и осенние дожди до крайности затруднили здесь всякие передвижения; вздувшаяся река Изонцо отрезала на несколько дней подвоз к частям, находившимся на восточном берегу реки, много людей утонуло в залитых водою окопах.

В этом третьем сражении на Изонцо (схема 7) итальянцы имели значительное численное превосходство (273 батальона против 140), но его оказалось недостаточным, чтобы восполнить недостаток в артиллерии и прочих технических средствах борьбы, чтобы подавить оборону противника, в особенности, чтобы преодолеть широкие полосы проволочных заграждений. Для устройства проходов через эти заграждения итальянцы имели только садовые ножницы; впоследствии, с заготовкой и широким введением в армию минометов, сделалось возможным справляться с этими препятствиями.

Снарядов для артиллерии также было недостаточно, лишь небольшая помощь пришла из союзных стран, которые сами страдали от такого же недостатка, несмотря на их гораздо более развитую промышленность.

Сражение продолжалось с 18 октября до 4 ноября, его можно разделить на два периода: с 18 по 24 октября и с 28 октября по 4 ноября.

Целью этого нового наступления было овладение укрепленным районом Горицы. Наступление должно было начаться атаками на фланги, против выступов у Плавы и на Карсо, чтобы охватить Горицу с обеих сторон; одновременно должны были вестись второстепенные действия между Саботино и Подгора. Во втором периоде операции наступление должно было быть предпринято и на центральном участке между Саботино и Руббия, с форсированием Изонцо ниже Горицы. В действительности, наступление, начавшееся по стройному плану, превратилось в серию разрозненных атак, в результате которых атакующим частям удалось в отдельных местах вторгнуться в расположение противника, но прорвать его фронт, как и в предыдущих операциях, не удалось *.

В районе Плавы была сделана попытка расширить невыносимо стесненные позиции итальянцев. Позиции противника подверглись сильной бомбардировке и затем были атакованы 22—24 октября, однако, пехота нашла позиции почти неповрежденными, так как итальянская артиллерия оказалась несоответствующей такой задаче. Много орудий было устарелого типа, и немало снарядов не взорвалось. В итоге не было достигнуто никакого успеха.

26 октября были захвачены итальянцами селения Глобна и Загора, но так как господствующая высота 383 оставалась еще в руках противника, то захваченные итальянцами наиболее передовые позиции нельзя было удерживать и их пришлось оставить.

К северу от Горицы 4-я дивизия снова атаковала Саботино, но после незначительного продвижения вынуждена была отступить на исходные

* Ministero della Guerra, «L'esercito italiano nella grande Guerra», т. II, стр. 417 и след.

позиции, потеряв 3 000 человек. Многие позиции на Карсо, включая четыре высоты: Сан Микеле, Сан Мартино, Сей Бузи и известную Тринчеа делле Фраске, по нескольку раз захватывались и отдавались обратно, отдельные мелкие пункты остались в руках итальянцев, но в общем положении никаких реальных улучшений достигнуто не было.

28 октября, после перерыва, продолжавшегося несколько дней, наступление возобновилось, и Загора (близ Плавы) была еще раз захвачена и на этот раз удержана. Но попытка захватить высоту 383 снова потерпела неудачу. Сильные дожди и грязь сделали жизнь солдат настоящим адом. Бои на Саботино и Подгора были столь же безрезультатны. На участке Плеццо-Тольмино частями бригады Салерно был захвачен важный окоп на Мрзли, однако, войска оказались не в состоянии выйти из бассейна Плеццо и захватить всю линию Мрзли—Водиль, равно как 37-й дивизии не удалось форсировать реку Изонцо между Ауцца и Канале. 12 ноября бригады Ломбардия и Анкона достигли Ославии, но не смогли удержать ее. 17 ноября Ославия и высота 188 были снова атакованы и после трехдневного боя взяты; почти тотчас же Ославия была вновь потеряна, но высота 188 удержана, и бригада Казале штурмовала Кальварио на Подгора. Здесь обстановка несколько улучшилась, но усталость войск и недостаточный подвоз боеприпасов вызвали необходимость приостановить операции.

На Карсо с 10 по 12 ноября происходили жестокие бои, и знаменитая бригада Сассари отличилась здесь своей храбростью. У Тринчеа делле Фраске команды добровольцев перерезали проволоку, и следовавшие за ними войска прорвались в расположение противника; 14 ноября они захватили также Тринчеа деи Рацци. Все контратаки австрийцев были успешно отражены, и захваченные позиции были удержаны. Однако, потери были очень большие: храбрая Сардинская бригада потеряла 14 офицеров убитыми (в том числе командира бригады генерала Берарди) и 44 ранеными; 218 солдат убитыми, 1 212 ранеными, 33 пропавшими без вести; кроме этого, 1 000 человек заболело. Дальнейшие боевые действия носили случайный характер и продолжались до конца ноября, но в этой жестокой и непрестанной борьбе войска совершенно измотались и не могли уже больше ничего сделать. Общее число потерь в сражении достигло 113 000 человек; противник потерял несколько меньше (90 000 человек). Наступление не оправдало надежд, и результаты его далеко не соответствовали понесенным потерям.

В горном районе в течение всего этого периода также велись упорные бои в чрезвычайно неблагоприятных условиях. В западном районе (1-я армия) было захвачено несколько горных проходов и выгодных пунктов, в центре итальянцы несколько продвинулись вперед по направлению к плато Фольгария и Лавароне и вверх по долине Вальсугана до потока Масо. Но важнейшие бои разыгрались на Кадоре (схема 8). 10 августа 45-й пех. полк захватил высоту Чима Буа, а альпийские стрелки овладели столь известными альпинистам пиками Тофана к западу от Кортина д'Ампеццо. Однако, главное внимание было уделено занятой противником конусообразной горе Коль ди Лана, которая господствовала над верхней долиной Кордеволе на итальянской терри-

тории. Части 18-й дивизии произвели несколько атак на самый пик горы и на высоты впереди него, известные под названием Панеттоне и Капелло ди Наполеоне. Неоднократно эти части достигали отдельных вершин, но всякий раз снова отражались убийственным огнем с других окружавших гору высот, находившихся еще в руках австрийцев. К востоку от Кортина велись ожесточенные бои на другой излюбленной альпинистами горе Кристалло, и здесь итальянцам удалось захватить у противника всю гору. Попытка итальянцев проникнуть в лежащую к северо-востоку от Кортина долину Секстен, дающую выход в долину Пустерталь, не удалась, и итальянцы потеряли здесь 1 000 человек убитыми и ранеными и 500 пропавшими без вести.

К этому времени погода стала значительно ухудшаться, и в высокогорных районах выпало много снега. Участились случаи обмораживания, а соответственные предупредительные мероприятия для борьбы с ними в широком масштабе не были еще выработаны. Положение в районе Кадоре в целом было неудовлетворительное; несмотря на большие потери, были достигнуты весьма незначительные успехи, и кроме одного-двух участков нигде не были захвачены командующие позиции. А главное, Коль ди Лана представляла сильную угрозу. Генерал Нава, который командовал 4-й армией, действовавшей в этом районе, не справился со своей задачей и 25 сентября был заменен генералом графом Николис ди Робилант. Новый командующий армией решил еще раз до того, как наступит зима и сделает всякие дальнейшие операции невозможными, попытаться захватить у австрийцев эту зловещую гору. При этом он выполнял указания верховного командования—предпринять в этом районе демонстративные действия, чтобы ослабить нажим на итальянцев на Изонцо. 18—25 октября 2-я дивизия атаковала на участках Фораме, Раухкофель и Кристалло, но, не считая захвата нескольких незначительных пунктов, не имела большого успеха, хотя войска и проявили исключительное мужество в чрезвычайно тяжелых условиях. 9-й корпус начал общее наступление против австрийских позиций в верхнем течении Кордеволе и в долине Валь Парола и добился несколько более удовлетворительных результатов. 20 октября 17-я дивизия захватила гору Чима Лагацуои и полностью завершила овладение горой Чима Фальцарего. В остальной части этого участка произошел ряд отдельных незначительных стычек, насыщенных драматическими эпизодами и примерами личной отваги и инициативы, на больших высотах, зачастую в таких местах, куда обычно добирались лишь опытные альпинисты, не обремененные оружием; однако, эти бои велись без общего плана.

На Коль ди Лана наступал другой внук знаменитого Джузеппе — генерал Пеппино Гарибальди, командовавший отрядом в составе 2 батальонов 59-го полка и 1 батальона 51-го полка. Прежде всего он 23 октября повел решительное наступление на Панеттоне и Капелло ди Наполеоне; после боя, длившегося несколько дней, он 28 октября взял приступом Капелло ди Наполеоне и 30 октября овладел Монтиколо непосредственно к западу от Панеттоне. 7 ноября батальон 60-го полка, также входивший в состав отряда Гарибальди, повел энергичную атаку на главную позицию Коль ди Лана и после напряженного боя достиг вершины горы и захватил в плен уцелевшие еще

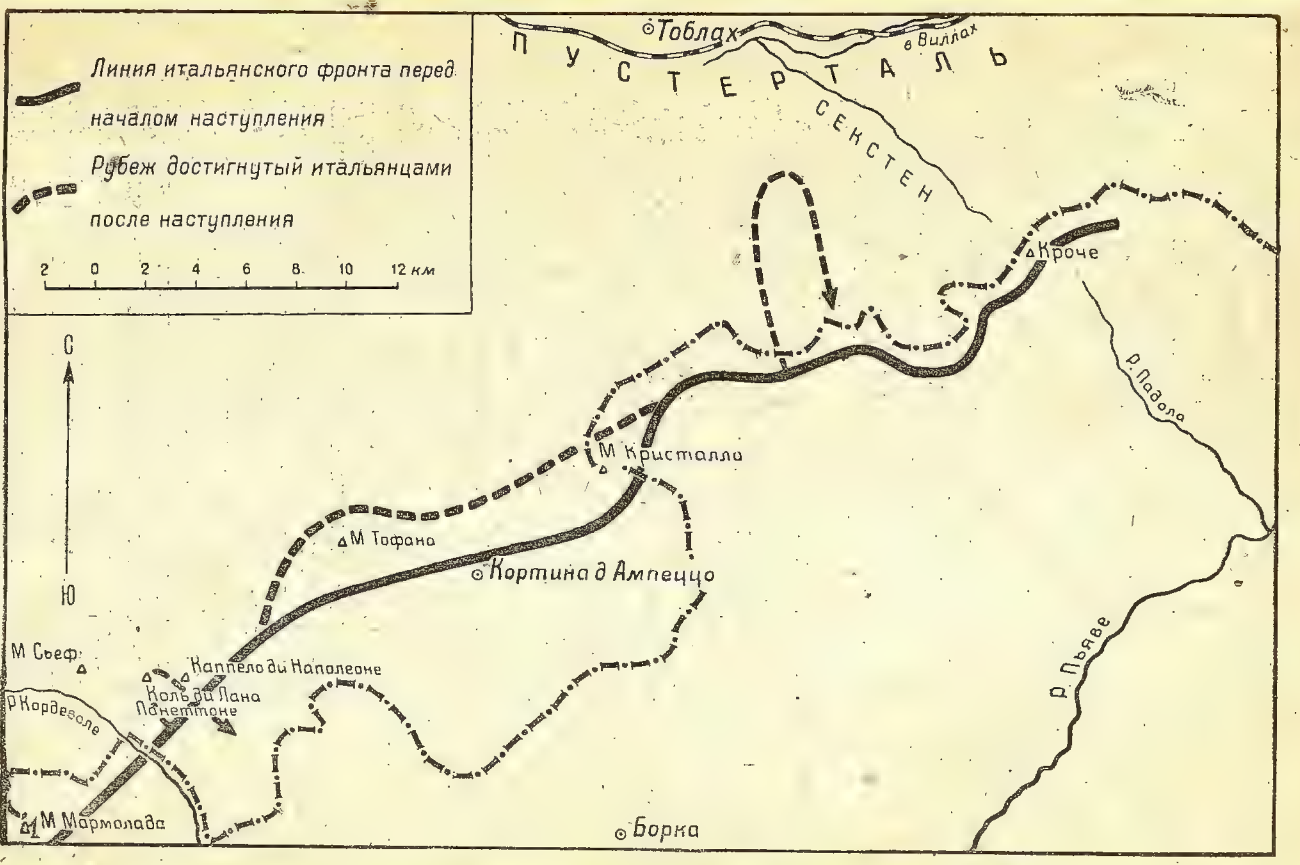


Схема 8. Боевые действия в горном районе Кадоре в октябре 1915 г.

остатки гарнизона, занимавшего эту позицию; но на следующую ночь с соседних высот, еще удерживаемых австрийцами, по итальянским частям, расположившимся на захваченной вершине, был открыт ужасающий огонь, который сделал дальнейшее удержание ее невозможным. Итальянцы были вынуждены отойти и окопаться чуть пониже вершины, где они и задержались, в то время как австрийцы снова заняли вершину. Окончательно вытеснить их с нее удалось только в апреле следующего года.

Это был последний значительный бой перед наступлением зимы. В общем, положение на Кадоре в результате последнего наступления было улучшено. Войска показали сильную выносливость на больших высотах, и не только альпийские части, укомплектованные жителями горных районов Италии, которые, естественно, чувствовали себя, как дома, но и солдаты из других областей Италии, включая уроженцев Калабрии и Сицилии [25], быстро приспособились к этим совершенно непривычным для них условиям и сделались отличными альпинистами.

На Карнийском участке не произошло почти никаких изменений, но в сентябре Карнийская группа своими действиями способствовала занятию котловины Плеццо.

Итоги кампании 1915 г. оказались весьма ограниченными. Только 1-й армии, несмотря на ее ограниченные средства, удалось выполнить возложенные на нее задачи, но эти задачи имели второстепенное значение. Она срезала угол у выступа в Трентино и овладела рядом высот, господствующих над подступами к противнику: долиной Валь Даоне ди Ледро, лощиной Лоппио и т. д. 4-я армия заняла большую часть горы Коль ди Лана, верхнюю часть долины Кордеволе до самого Керцо, горную группу Тофана, Кристалло, котловину Кортина д'Ампеццо и некоторые пункты между горным перевалом Ролле и Сан-Пеллегрино, перерезав, таким образом, знаменитое Доломитовое шоссе, идущее более или менее параллельно границе. 2-й и 3-й армиям, чьи операции в проведенной кампании являлись главными, удалось овладеть горным массивом Монте Неро и Монте Полоник и получить, таким образом, господствующее положение над котловиной Капоретто. Котловина Плеццо и гора Яворчек были также захвачены, но, так как вершина горы Ромбон удерживалась еще австрийцами, то обладание ими было непрочно. Совершенно никаких успехов не было достигнуто на участке Тольмино, и, хотя предмостная позиция у Плавы была несколько расширена, все же она была слишком ограничена, чтобы дать занявшим ее войскам возможность развернуться. В районе Горицы ценою больших потерь были захвачены Ославия и высота 188, но и здесь захват этих пунктов был непрочным. На Карсо части 3-й армии закрепились почти у самого гребня горного хребта Сан Микеле—Сей Бузи, но их положение не было обеспечено, поскольку противник удерживал еще Горицкий укрепленный район и мог угрожать им с севера. Все захваченные позиции, даже если им фактически ничто уже не угрожало, были доступны для обстрела и находились все время под непрерывным огнем противника; ежедневные потери от артиллерийского и меткого ружейного огня продолжали оставаться весьма значительными, не говоря уже об огромном количестве случаев заболевания, обмораживания и т. д.

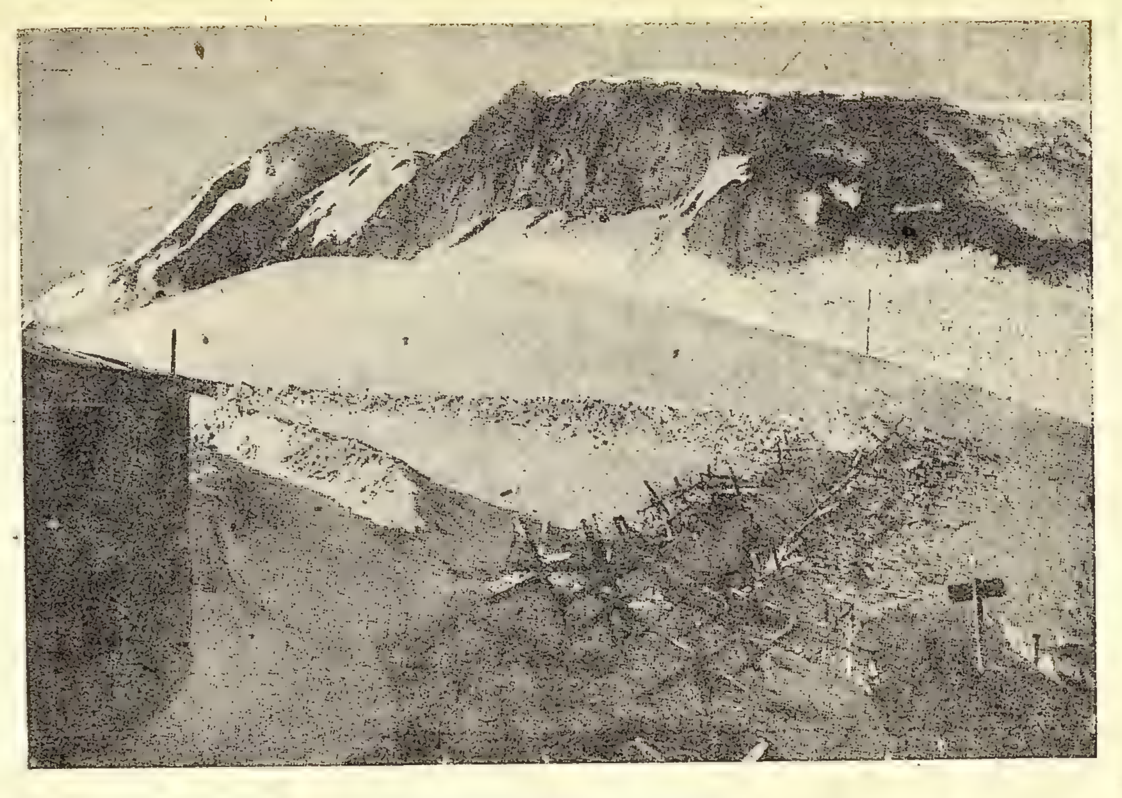


Рис. 5. Гора Коль ди Лана.

Всего итальянцы к концу года потеряли 66 000 убитыми, 190 000 ранеными и 22 500 пленными. Австрийцы понесли гораздо меньшие потери, что и понятно, так как они оборонялись на превосходно защищенных позициях; австрийцы потеряли 38 000 убитыми, 97 000 ранеными и 30 000 пленными.

Такие недостаточные результаты первых 7 месяцев войны объясняются различными причинами. Во-первых, итальянцы, как мы видели выше, не имели достаточного количества тяжелой артиллерии, пулеметов, ручных гранат, самолетов и прочих технических средств борьбы, которыми были богато оснащены австрийцы. Во-вторых, австрийские позиции давали врагу огромные естественные выгоды в топографическом отношении и были отлично подготовлены для обороны. Следует еще учесть то обстоятельство, что в течение многих лет мирного времени, предшествовавших войне (за исключением периода Ливийской кампании, которая велась в совершенно других условиях), итальянские войска не получали достаточной подготовки, равно как и высшее командование не имело опыта в применении крупных масс артиллерии или в руководстве наступательной операцией в условиях, о которых раньше и не думали. Наконец, между союзными армиями отсутствовало то полное единство плана и действий, которое Кадорна с самого начала отстаивал и которое было осуществлено лишь после большого германского наступления в марте 1918 г. Некоторые авторитетные лица, например генерал Сегато, считают, что Кадорне следовало бы лучше сосредоточить усилия на Кадорском и Карнийском участках, прежде чем атаковать на фронте Юлийских Альп. Но другие того мнения, что большое наступление в горах не только потребовало бы бесконечно больше сил и материальной части, чем те, которыми армия тогда располагала, но в случае успеха это наступление равно не привело бы к овладению какими-либо жизненными центрами, базами или коммуникационными линиями противника.

Ограниченность достигнутых результатов вызвала повсюду в стране чувство досады и уныния, но солдаты-фронтовики не пали духом и, несмотря на перенесенные лишения, сохранили уверенность в том, что нужно еще немного усилий, чтобы прорвать фронт противника и достичь окончательной победы. Кроме того, эти кажущиеся безрезультатными атаки на самом деле сковали до 25 лучших австрийских дивизий и крупные массы тяжелой артиллерии, которые в противном случае были бы применены на других фронтах, где они могли решить войну в пользу центральных держав.

За первый период войны морских операций большой важности не производилось. С открытием военных действий австрийский флот совершил набег на итальянское побережье и бомбардировал Анкону и несколько других городов. 7 июля итальянский крейсер «*Амальфи*» был подорван подводной лодкой в северной части Адриатического моря и затонул, но большая часть экипажа была спасена итальянским миноносцем. Вслед затем 18 июля во время внезапного нападения на побережье Далмации был подорван торпедой и погиб крейсер «*Гарибальди*». В результате набега австрийцев на Дураццо, совершенного крейсером «*Гельголанд*»» и 5 эскадренными миноносцами, вышедшими 28 де-

кабря из Каттаро, были потоплены стоявшие на якоре итальянский пароход и несколько парусных судов. Однако, австрийские корабли были отогнаны, один из австрийских эскадренных миноносцев был потоплен миной, а сам «*Гельголанд*» был серьезно поврежден итальянскими легкими военными кораблями, вышедшими из Бриндизи. В остальное время австрийский флот не выходил из своих хорошо защищенных портов [24].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИЗОНЦО — АЗЬЯГО

Наступление зимы поставило перед итальянской армией ряд новых проблем, которые на этом фронте было труднее разрешать, чем на других фронтах, ввиду горного характера большей части этого театра. Операции крупного масштаба, в силу необходимости, были приостановлены, и на фронте было затишье, но погода создала совершенно невыносимые условия для массы солдат, находившихся под проливным дождем и леденящим ветром в окопах на Изонцо и Карсо и среди снежных полей и скалистых пустынь высоких Альп.

Сначала было много напрасных лишений и страданий. Война такого масштаба до сего времени Италией еще ни разу не велась, и правила и нормы для такой войны могли быть выработаны лишь на основании горького опыта.

Прежде всего необходимо было дать армии пополнение, чтобы заполнить уже сильно поредевшие ряды войск. В конце ноября были призваны и направлены на военную подготовку родившиеся в 1896 г. (молодежь 19-летнего возраста), а в начале следующего года начали призываться старшие возрасты территориальной милиции для формирования рабочих батальонов и этапных частей. Италия сделала одну серьезную ошибку, которую допустили и все остальные правительства воюющих государств. Вместо того, чтобы людей, освобожденных от действительной службы потому, что они были нужны на снарядных и прочих военных заводах, считать военнослужащими, подлежащими воинской дисциплине, но временно откомандированными на работу, их считали обыкновенными вольнонаемными рабочими и платили им большое жалование. И все же, именно среди рабочих мятежные идеи нашли наибольшую поддержку и в конце концов способствовали разложению войск и поражению у Капоретто.

Увеличение личного состава армии дало возможность сформировать новые части. Так, к апрелю 1916 г. было сформировано 4 новых двухдивизионных армейских корпуса в составе 34 пех. полков, 4 берсальерских и 18 батальонов альпийских стрелков, 71 батальона территориальной милиции, 75 местных рот и 560 рабочих отрядов. Вооружение армии также увеличилось, особенно в части снабжения ее пулеметами. Число пулеметных взводов выросло с 350 в мае 1915 г. до 1 000 с лишним, не считая 11 конно-пулеметных эскадронов и 6 автопулеметных взводов. Большое количество разорвавшихся орудий (половина всех имевшихся тяжелых орудий) было заменено новыми, и были приняты меры во избежание повторения в будущем подобных случаев, число которых после этого действительно очень сократилось. Кроме 16 новых полевых батарей, было создано 40 батарей средних

калибров, 14 горных, 400 осадных и 36 вьючных батарей, а также, впервые, 38 зенитных батарей. Много 149-*мм* стальных пушек было снято с фортов Тальяменто и вместе с несколькими береговыми батареями и морскими орудиями переброшено на фронт. Производство снарядов возросло до 30 000 в день для полевой артиллерии и 3 000 для тяжелой артиллерии. По всей стране все возникали новые заводы по производству вооружения и снарядов, что требовало немалых усилий от страны, в которой тяжелая промышленность только начинала развиваться и ни в какой степени не могла сравниваться с более старой, обширной и более совершенной промышленной организацией других союзников или центральных держав.

Большие успехи были также сделаны в развитии воздушных сил. В начале войны итальянская авиация была только в зародыше, и в первый год она могла немногое сделать, вследствие несовершенства самолетов и чересчур большого разнообразия их типов; поэтому она была безусловно слабее авиации противника[25]. Тем не менее, итальянские летчики показали большую отвагу и изобретательность и совершили ряд замечательных подвигов. После бомбардировки австрийцами Милана, Римини, Анконы и Венеции итальянские самолеты отомстили им бомбардировкой Лайбаха. Повидимому, генерал Кадорна недостаточно оценивал возможности воздушных сил, и, во всяком случае, сперва смотрел на них лишь как на одно из многочисленных средств для добывания сведений о передвижениях противника.

На протяжении зимних месяцев ни разу не прекращалась артиллерийская перестрелка и, кроме того, имело место множество атак мелкими партиями; альпийские стрелки совершили на лыжах много дерзких поисков в расположение противника по снежным полям на высоких Альпах. К западу от реки Адидже было проведено несколько более важных операций, в результате которых частями 1-й армии были захвачены некоторые позиции на склоне Лоппио (между Адидже и Гарда). 26 марта австрийцы внезапной атакой захватили высоту Паль Пикколо в Карнии, но после четырех контратак итальянцы отняли ее обратно. Последней атакой командовал берсальерский офицер лейтенант Микеле Витали, который при помощи лестницы первым вскарабкался на скалу, но был убит, как только достиг ее вершины; в этом бою было убито или ранено еще 32 офицера и 656 солдат.

На фронте Изонцо не было важных операций до 14 января, когда австрийцы, сосредоточив крупные силы, атаковали и захватили итальянские позиции между Ославия и высотой 188; итальянцы взяли было эти позиции обратно, но 10 дней спустя австрийцы снова овладели Ославией и седловиной, отделяющей ее от высоты 188. Затем итальянцы снова вырвали у противника Ославию и седловину, но так как высота 188 оставалась занятой австрийцами, верховное командование отдало приказ об отходе всей линии от Пеумы до Ославии. В конце января передовые позиции у подошвы Санта Лючия (Тольминский плацдарм) были также оставлены, но не под давлением противника. До сего времени операции различных союзных армий проводились без всякого стремления к организованной взаимной увязке. Как выше уже отмечено, генерал Кадорна первый высказался за необходимость со-

зыва межсоюзного военного совещания, и первое такое совещание, созванное по его инициативе, состоялось 7 июля 1915 г. в Шантильи. «Мермэ» в своей книге «Le Commandement unique» ошибочно приписывает эту идею французскому премьер-министру Вивиани и военному министру Мильерану. На втором совещании в декабре 1915 г., когда итальянское командование было представлено помощником начальника генерального штаба генералом Порро, было достигнуто соглашение в том, что 1) так как решительных результатов в войне можно достичь лишь на главных театрах войны (французско-британском, русском и итальянском), необходимо стремиться к согласованным действиям на всех этих фронтах; 2) все усилия должны быть направлены к тому, чтобы различные операции были обеспечены максимальной мощью как с точки зрения живой силы, так и в отношении материальных средств; 3) они должны следовать достаточно быстро одна за другой, чтобы противник не мог перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой, и 4) чтобы при установлении точных дат различных операций учитывались метерологические условия и политические соображения.

Однако, наступательные планы союзников как во Франции, так и в Италии были в значительной степени расстроены двумя большими событиями—германским наступлением на Верден и австрийским наступлением в Трентино. Тем не менее в 1916 г. Италия по мере возможности выполнила свои обязательства перед союзниками.

Как только 7 февраля 1916 г. германские пушки открыли огонь по Вердёну, генерал Кадорна, в соответствии с принятыми в Шантильи решениями, отдал приказ двум армиям, занимавшим фронт на Изонцо, возобновить свои наступательные действия. Единственной целью этой операции было не допустить «переброски неприятельских сил на другие театры военных действий» и ослабить нажим противника на Вердён. Это «Пятое сражение на Изонцо» длилось с 11 по 29 марта. В состав 2-й армии входили: 4-й, 8-й и 2-й корпуса и 2 альпийские группы; в состав 3-й армии: 6-й, 11-й, 13-й и 7-й корпуса.

11 марта артиллерия открыла огонь по всему фронту от Плеццо до моря, однако, густой снегопад и дождь задержали наступление 2-й армии, а ее артиллерийский огонь оказался недействительным. В северной части фронта противник сам атаковал в нескольких пунктах и оттеснил итальянцев с некоторых позиций у Санта Мария и на Мрзли, но в секторе Ромбон его атаки были отбиты. 13 марта 21-я дивизия перешла в наступление на фронте 3-й армии на одну из четырех вершин горы Сан-Микеле и после упорного боя захватила у противника некоторые окопы. Однако, несколько южнее 22-й дивизии не удалось достичь более или менее устойчивых успехов, а ужасающий артиллерийский обстрел химическими снарядами привел к необходимости оставить и позиции, захваченные 21-й дивизией. Бои велись также на участках Ославия, Пеума, Подгора и Графенберг (на правом берегу реки, против Горицы); обе стороны понесли тяжелые потери, но не достигли решительных результатов. В конце месяца части 7-го корпуса на крайнем правом фланге 3-й армии до-

* Объединенное командование, т. I, стр. 123.

стигли некоторых успехов у Сельц и смогли сохранить захваченное пространство, несмотря на контратаки противника.

В Доломитах велись бои исключительно своеобразного характера. В конце марта небольшой отряд 23-го пех. полка под командой капитана Бозио по глубокому снегу поднялся по крутому скату Раухкое Стрелки, перевязавшись между собой веревками, вскарабкались по скалистой стене, напали на гарнизон противника и уничтожили его. Отряд окопался чуть пониже вершины (1 979 *м* над уровнем моря) и, несмотря на ряд контратак противника, продержался там несколько дней, пока состав отряда не уменьшился с 208 до 59 человек в результате жестокого обстрела тяжелой артиллерией, от которого на отряд сыпалась лавина огромных камней. 6 апреля небольшая группа уцелевших бойцов была атакована подавляюще превосходными силами и оттеснена с горы. В тот же день отряд 51-го полка захватил Пунта Сераута в горной группе Мармолада (на высоте 2 961 *м*) и 14 апреля снова отдал ее противнику; но через несколько дней другому отряду этого же полка под командой капитана Менотти Гарибальди * удалось продвинуться на более высокую вершину Пиццо Сераута (3 035 м), оттуда спуститься на Пунта и захватить ее гарнизон. В районе 1-го корпуса проведенная под командованием генерала Вентури внезапная атака с трех сторон на горный проход Пассо делле Сентинелле возле Чима Ундичи увенчалась полным успехом при очень незначительных потерях.

Но главной операцией в Кадоре была атака на грозную Коль ди Лана. Так как другие приемы успеха не имели, лейтенантом дон Джелазио Каэтани ** была заложена огромная мина, подготовка которой заняла значительное время, и, когда было установлено, что противник ведет контрмину, итальянская мина была взорвана в ночь с 17 на 18 апреля. Последовал страшный взрыв, вершина горы взлетела на воздух, похоронив под обломками человек 100, после чего еще 160 человек были захвачены в плен итальянцами, немедленно атаковавшими воронку. Эта операция освободила верхнюю долину Кордеволе от угрозы со стороны противника; кроме того, надеялись, что она сделает возможным захват еще одной беспокойной позиции — Монте Сьеф; такая попытка была теперь сделана частями 17-й и 18-й дивизий, но после упорного боя, в котором пало 2 000 человек, удалось захватить лишь Монтуколо, один из отрогов горы Сьеф. Условия погоды не позволили продолжать операцию. В Вальсугане и в долине Валь ди Ледро (западнее озера Гарда) были проведены мелкие операции с различным успехом.

Другая наступательная операция, не имевшая решающего значения, но также носившая своеобразный характер, была проведена 5-й дивизией под командованием генерала Кавачиокки в горной группе Адамелло. Целью этой операции было захватить хребет Монте Фума — Люббиа Альта, являющийся подступом к началу долин Валь Фума и Валь ди Дженова. Боевые действия велись на высоте 3 000 *м* над уровнем

---

* Брат генерала Пеппино Гарибальди.

** Дон Джелазио Каэтани, брат герцога Сермонета, был известным горным инженером в США; после войны был назначен послом в Вашингтон.

моря, среди обширных снежных полей и глетчеров; наступление началось 12 апреля. Хребет Лоббиа Альта—Дозон ди Дженова был захвачен альпийскими батальонами после короткой, но ожесточенной стычки во время метели. В этот день итальянцам не удалось достичь вершины Монте Фума (3 418 *м*); они захватили ее лишь 17 апреля. Затем другой отряд альпийских стрелков в ночь с 20 на 21 апреля атаковал позиции противника на линии Кроццон ди Фаргорида—Пассо (проход) ди Кавенто. Кроццон ди Ларес и горный проход Ларес были захвачены на рассвете, а проход Кавенто—после полудня. Противник удерживал проход Фаргорида с огромным упорством и, хотя альпийским стрелкам и удалось захватить передовой редут, но все их усилия разбились о главную позицию, и атакующие части понесли большие потери. На 30 апреля партии альпийских юнкеров удалось взять трудно доступный, покрытый льдом гребень Кроццон ди Фаргорида, а через несколько дней были захвачены также Кроццон и проход Пассо дель Дьяволо, что сделало для противника удержание проходов Фаргорида и Топете невозможным, и поэтому он вынужден был оставить оба эти прохода, а также и всю верхнюю часть долины Валь ди Дженова вплоть до хребта, отделяющего ее от долины Валь Пресене. От этих действий нельзя было ожидать решительных результатов из-за естественных препятствий, отсутствия дорог, что не позволяло итальянцам развернуть здесь более крупные силы. Однако, эта операция была единственным в своем роде испытанием выносливости и неукротимого мужества в условиях, даже и не снившихся на каком-либо другом фронте. Кроме того, полезным следствием этой операции было то, что она предупредила всякие попытки противника вторгнуться в Италию с этой стороны.

В течение всей зимы в штаб 1-й армии и в штаб верховного командования поступали донесения о подготовке противником большого наступления в центре Трентино. Такое наступление всегда было мечтой фельдмаршала Конрада не только с начала войны, но за много лет до нее, когда он был командиром дивизии в Инсбруке. Сосредоточение внимания итальянцев на Изонцо в первое время препятствовало его попыткам осуществить этот план. Он видел в этом наступлении наиболее верный путь к полному сокрушению Италии. Если бы австрийцам удалось только прорваться через сравнительно слабый горный барьер на участке между долиной Адидже и плато Сетте Комуни и спуститься к Тьене, Бассано и Виченце на Венецианскую равнину, то на их пути уже не было бы больше естественных препятствий, преграждавших движение к морю и в самое сердце Италии, а итальянские армии, сражавшиеся на Изонцо, были бы отрезаны от своих баз и принуждены сдаться в плен. Как только зимой 1915/16 г. активность итальянцев на Изонцо прекратилась, Конрад снова возвратился к своему старому плану. Для проведения его в жизнь Конраду нужно было около 18 дивизий, и так как он такими силами в то время не располагал, то он обратился к генералу Фалькенгайну с просьбой послать в Галицию 9 германских дивизий для смены 9 австрийских, которые он намеревался перебросить в Трентино. Однако, Фалькенгайн отнесся скептически к успеху этого плана, который, по его мнению,

потребовал бы по меньшей мере 25 дивизий, каковых Конрад никоим образом не мог выделить, и поэтому он попытался отговорить своего австрийского коллегу от попытки проведения его плана в жизнь. Он даже попросил его послать для усиления германцев под Верденом часть тяжелой артиллерии, которой у Австрии было особенно много. Но Конрад не согласился с этим; он отказался послать орудия под Верден и приступил к сосредоточению в Тироле и в Трентино всех свободных войск и артиллерии. Войска были сгруппированы в две армии: 11-ю—под начальством генерала Данкля и 3-ю—под начальством генерала Кёвеш фон Кёвешгаза. Обе армии были объединены под общим командованием эрцгерцога Евгения, а одним из корпусов командовал будущий австрийский император эрцгерцог Карл.

В общей сложности в этом районе было сосредоточено около 200 батальонов с 2 000 орудий, включая 3 чудовищных 420-*мм* орудия и 273 других тяжелых орудий последних и наиболее усовершенствованных типов. Общий план предусматривал вторжение на равнину, а ближайшей целью был захват Тьене и Бассано.

Генерала Кадорну упрекают в том, что он не предвидел этого наступления и не предпринял соответствующих мер для противодействия ему, несмотря на полученное им большое число донесений о сосредоточении австрийцев в районе Боцен—Триент. Однако, он знал, что Австрии угрожает наступление русских на севере и что австрийцам это также известно; поэтому он отказывался верить, что они будут действовать настолько опрометчиво, чтобы подвергнуть риску свой северный фронт, оттянув из Галиции войска для наступления на итальянцев в Трентино. Такие его выводы были вполне логичными, поскольку австрийцы на самом деле допустили стратегическую ошибку, как это показали дальнейшие события. Но тут возникает вопрос, не лучше ли было бы учесть возможность принятия Австрией и такого неправильного решения. Кроме того, Кадорна был сильно занят подготовкой нового наступления на р. Изонцо, которую он все время продолжал считать действительно важным фронтом и сосредоточивал на этой реке все свои наличные силы, имея в виду овладеть укрепленным районом Горицы. Это и заставило его несколько пренебречь участком Трентино. Но справедливость требует упомянуть и о том, что он не полностью пренебрегал планами обороны этого фронта и что ответственность за неполное осуществление этих планов ложится на некоторых его подчиненных. В своих мемуарах он утверждает, что, согласно его директиве, задача 1-й армии была исключительно оборонительная и что ее командующий (генерал Брузати) должен был, избрав наиболее удобную линию главного сопротивления, как можно сильнее укрепить ее, выдвинув вперед прикрывающие части, единственной задачей которых было задерживать противника, в случае если он перейдет в наступление. Необходимо было также создать вторую, третью и даже четвертую линии обороны, на которые части могли бы последовательно отходить, если бы оказались не в состоянии выдержать натиск противника на первую линию обороны. Вместо этого генерал Брузати под влиянием предвзятой мысли, что и его армии придется в конце концов перейти в наступление, вы-

двинул свои силы вперед там, где это только оказалось возможным, и занял выдвинутые вперед позиции, которые были выгодны для дальнейшего наступления, но менее удобны для обороны. В ущерб своей главной линии обороны он также сосредоточил на этих передовых позициях большую часть своей материальной части, которую, учитывая большое значение, придаваемое операциям на Изонцо, 1-я армия была здесь далеко не богата, и в значительной степени пренебрег своими второй и третьей линиями обороны. Непосредственно перед австрийским наступлением генерал Кадорна осмотрел оборонительные сооружения и отдал распоряжение об устранении указанных недочетов, но было уже слишком поздно, чтобы полностью их исправить. В первой половине мая он все же усилил 1-ю армию, послав ей еще 67 батальонов и 20 батарей и одновременно поставив в резерве в тылу армии 9-ю и 10-ю дивизии.

Итальянские части между озером Гарда и Вальсугана—в районе, на который австрийцы направили свой удар, были развернуты на линии, идущей от Досс Казина—Доссо Альто (к северу от котловины и озера Лоппио) через Мори на реке Адидже, долину Валь Терраньоло, Монте Маронья, по правому берегу реки Астико и реке Торре, по юго-западным склонам Монте Арментера, Сант Освальдо, Монте Каллю, Монте Сетоле, севернее Чимон Рава и Чима д'Аста, где был стык района 1-й армии с районом Кадоре (схема 9). Это был самый крайний рубеж, достигнутый после ряда наступательных действий, и некоторые из позиций, находившихся под обстрелом с более сильных, заранее подготовленных позиций противника, было нелегко оборонять. Позади первой линии было еще две линии обороны, но они были недостаточно оборудованы, так как первая линия считалась лишь исходным рубежом для дальнейшего наступления. Четвертая линия обороны была только намечена; Кадорна говорит, что она существовала лишь в виде цветной линии на карте. Расположенные здесь войска состояли из 37-й дивизии, 5-го корпуса генерала Цоппи (35-я и 34-я дивизии и еще некоторые части) и группы Брента—Чисмон (генерал Этна). Всей армией командовал генерал Пекори Джиральди, который с 8 мая заменил генерала Брузати. Всего в его распоряжении было 118 батальонов, кроме того, 40 батальонов в резерве и 623 орудия (из коих только 36 орудий было крупных калибров), многие устаревших образцов.

Наступление австрийцев началось на рассвете 15 мая ураганным артиллерийским огнем такой силы, которая еще не была известна на этом фронте. Ужасающей силы огонь уничтожил оборонительные сооружения и нанес обороняющимся тяжелые потери, так что когда австрийская пехота вслед затем атаковала, ей удалось во многих местах захватить первую линию. На итальянском фронте это был первый случай короткого, но интенсивного сосредоточения огня бесчисленных батарей и немедленной вслед за этим пехотной атаки.

17—18 мая на левом фланге части 37-й дивизии, после того, как артиллерийский огонь разрушил их оборонительные сооружения, были стремительно атакованы пехотой противника в подавляюще превосходящих силах и, хотя они храбро переходили в контратаки, в конце

концов вынуждены были 17—18 мая отойти на линию Матассона (долина Валь д'Арса)—Поццаккио—Коль Санто—Боркола. Во время этих боевых действий был взят в плен уроженец города Роверето (в Трентино) Дамиано Киеза, который будучи ирредентистом, добровольно вступил в ряды итальянской армии. Он был привезен в Триент и здесь по приговору военного суда расстрелян.

Центральным пунктом новой линии, занятой итальянцами, сделался теперь Коль Санто (2 114 *м*). Австрийцы направили на этот пункт целую дивизию. 18 июля он пал, и итальянцы были оттеснены еще далее назад—на линию Серравалле (на реке Адидже)—Кони Цунья—перевал Пассо Буоле—Чима де Меццана—Монте Пазубио — Корно ди Пазубио. Двумя опорными пунктами, на которых держалась эта линия, были Пазубио и Пассо Буоле; этот перевал командовал над путями, связывающими Валларса и долину Валь Лагарина (долина Адидже), и над военной дорогой Фугацце, построенной австрийцами перед войной в качестве подступа от Роверето (в Трентино) к Скио (в Италии), откуда легко можно было добраться до Венецианской равнины. Начиная с 20 мая, австрийцы сосредоточили свои атаки на эти являвшиеся ключом к дальнейшим успехам позиции, которые они решили вырвать у обороны. Перевал Пассо Буоле сделался ареной непрерывных боев с 23 по 28 мая, и в этот последний день австрийцы бросили в бой целую свежую дивизию. Сначала эта позиция удерживалась лишь одним батальоном 62-го пехотного полка, затем силы были увеличены до 5 батальонов; бойцы оборонялись с большим упорством, отражая одну атаку за другой и нанося атакующим значительные потери. 30 мая, после двухдневного перерыва, австрийцы снова трижды ходили в атаку и снова были отбиты. После атак 30 мая противник уже не пытался более атаковать и потерял всякие надежды на успех на этом участке. Итальянцы понесли серьезные потери: за один только день 30 мая было убито 10 офицеров и 148 солдат, ранено 28 офицеров и 583 солдата и 152 человека пропало без вести, всего 921 человек.

План противника предусматривал сначала наступление на обоих флангах, и в то время как на западном участке операции велись на линии долины Валь Лагарина—Боркола, такое же наступление было предпринято на северо-востоке, на участке Вальсугана. Во время первой атаки 15 мая итальянцы были оттеснены назад со своих передовых позиций, хотя на горе Монте Коллю (1 875 *м*) бригада Ионио не только удержала свои позиции, но сама перешла в контратаку и обратила атакующих в бегство. Однако, в других местах противнику удалось прорвать расположение итальянцев в различных пунктах, и весь фронт пришлось отвести на вторую оборонительную линию, идущую вдоль Монте Чиварон, через реку Брента южнее Стриньо, через Монте Чима (к востоку от потока Масо), на Монте Чимон Рава к Чима д'Аста. Видя, что дальнейшие фронтальные атаки на эту линию сулят мало шансов на успех, австрийцы решили попытаться обойти всю позицию, выйдя к среднему течению реки Брента с плато Сетте Комуни.

Это — группы высоких плато, местами покрытых густыми лесами и окруженных не очень высокими, но обрывистыми пиками; к ним

можно добраться по нескольким дорогам и по одной узкоколейной зубчатой железной дороге, идущей из Роккетте и Скио. Весь район почти безводен, и во время операций пришлось доставлять для войск огромное количество воды на грузовиках.

Наступление началось на плато Фольгария 15 мая, одновременно с наступлением на флангах, обычным ураганным огнем тяжелой артиллерии. Австрийский корпус, которым командовал эрцгерцог Карл, перешел в наступление на фронте Монте Маронья—Солио д'Аспио, и хотя бригада Кальяри удерживала еще в течение дня разрушенные снарядами укрепления, но затем она была все же оттеснена назад, на линию, которая должна была служить линией главного сопротивления, вдоль выхода Монте Тораро, Кампомолон и шпиц Тонецца. Однако, эти позиции были не менее предыдущих под обстрелом австрийской артиллерии из Дос Соммо, Соммо Альто и Керле; поэтому и на их вскоре нельзя было больше удерживаться из-за сильнейшего артиллерийского огня и пришлось отойти еще дальше. Итальянцы отступили на третью оборонительную линию: Монте Аральта — Монте Чимоне к северу от Арсиеро, высотой 1 230 *м*—Баркарола, причем их отход прикрывался группой альпийских стрелковых частей, которые задерживали противника, наступавшего между Монте Тораро и Коста Мезола, неоднократно отбивая атаки австрийцев, пока главные силы не достигли своих тыловых позиций. Однако, это еще не был конец. Австрийцам удалось быстро перебросить свою тяжелую артиллерию на вновь захваченные позиции на Монте Тораро и Кампомолон и, открыв отсюда артиллерийский огонь по изнуренным итальянским частям, заставить их отойти на третью линию на горной группе Новеньо (к югу от Арсиеро), которая являлась последним препятствием между Альпийским предгорьем и Виченцской равниной и на которой итальянцам необходимо было удержаться во что бы то ни стало.

В начале операции плато Азьяго не было атаковано, хотя часть его подверглась артиллерийской бомбардировке, а сам город Азьяго сильно пострадал. До этого плато очередь дошла 20 мая, когда австрийцы бросили крупные силы на укрепления Костезин — Маркаи. Бригады Палермо и Ивреа, занимавшие этот район, в течение некоторого времени энергично сопротивлялись, однако, после длившихся в течение многих дней отчаянных боев были постепенно оттеснены к краю плато, на линию Пунта Корбин на Монте Бельмонте, Монте Лемерле, Монте Каберлаба, Монте Спрунч, Монте Сиземоль и далее до Мелетте ди Галлио. Генерал Леквио, ранее командовавший Карнийской группой, теперь принял командование над всеми войсками в районе Азьяго.

Тем временем генерал Кадорна приостановил подготовку к большому наступлению на Горицу и все войска, какие только было возможно, послал для усиления 1-й армии, создав в то же время новую 5-ю армию в качестве стратегического резерва. Подкрепления, посланные в 1-ю армию, составляли 93 батальона, 74 полевых и горных батарей и 700 орудий средних калибров; 294 орудия было потеряно во время отступления, но большинство из них было уничтожено неприятельским огнем или самими итальянскими частями, прежде чем оставить их противнику. Новая 5-я армия состояла из 8-го, 20-го, 22-го,

24-го и 26-го корпусов, собранных из частей 2-й и 3-й армий, войск, отозванных из Ливии, 2 кавалерийских дивизий и еще нескольких вновь сформированных частей, переброшенных сюда из глубокого тыла страны. Армия эта развернулась на Венецианской равнине между Тревизо, Виченца и Читтаделла и находилась под командованием генерала Фругони, до того командовавшего 2-й армией, которая временно была объединена с 3-й армией под командованием герцога Аоста. Быстрота и четкость, с которой эти огромные массы войск были переброшены с фронта Изонцо и из различных других областей Италии на Альтипиани и в район 5-й армий, делают это сосредоточение поистине замечательным; оно явилось заслугой генерала Кадорны как организатора и различных учреждений и штабов, ведавших снабжением и переброской войск. Цель, которую преследовал Кадорна, создавая 5-ю армию, заключалась в том, чтобы в случае, если австрийцы преодолеют последнее сопротивление итальянцев в Альпийском предгорье и им удастся спуститься на равнину, встретить их мощной свежей резервной группой, готовой атаковать врага, изнуренного, истощенного длительным периодом непрерывных боев в горах. К счастью, нужда в этом не возникла, и по окончании Трентинского наступления австрийцев 5-я армия была расформирована и ее части распределены между другими армиями.

В конце мая австрийцы возобновили свои атаки на новую линию фронта, нанося удары поочередно то на одном, то на другом участке. 25 мая они атаковали Монте Чимоне к северу от Арсиеро и оттеснили 2 альпийских батальона, оборонявших эту гору, в результате чего весь этот участок фронта пришлось оттянуть на линию Монте Аральта—Монте Джове—Монте Сенво. В то же время возобновились бои дальше к западу, на участке Пазубио—Новеньо. 29 мая были потеряны Монте Аральта и Приа Фора; последняя высота, оборонявшаяся бригадой Бизаньо под начальством генерала ди Джорджо, несколько раз переходила из рук в руки, и, наконец, вершина осталась в руках противника. Прежде чем осуществить свой заветный план, австрийцам пришлось провести ряд сильных атак на последний горный барьер, но на Монте Джове, Колле ди Позина, Монте Калльяно и Монте Альба сопротивление итальянцев было исключительно стойким, и 5 июня атаки, которые стоили австрийцам очень больших потерь, прекратились и больше уже не возобновлялись.

На центральном участке австрийцы пытались пробиться через долину Валь Каналья ниже края плато Азьяго. Здесь итальянцы также были вынуждены оставить свои передовые позиции; на горе Монте Бельмонте разыгрался отчаянный бой; гренадерский батальон под командой полковника Биньями с железным упорством удерживался на своих позициях в верхней части долины Валь Каналья, пока не был задавлен превосходными силами противника. Другой гренадерский батальон в течение нескольких дней оборонялся на Монте Сенво; 1 июня этот батальон был атакован 5 австрийскими батальонами и, несмотря на то, что у гренадер продовольствие и огнеприпасы были на исходе и они понесли очень тяжелые потери и были почти окружены, они держались до 3 июня, пока небольшой группе оставшихся в живых

было приказано отойти на Монте Пау и Монте Цоветто и преградить доступ в долину Валь Каналья; однако, очень немногие из них дошли до новой позиции.

Между 5 и 15 июня австрийцы возобновили свои атаки как на участке Монте Лемерле—Цоветто, с целью спуститься в долину Валь Каналья, так и на линию Сиземоль—Монте Фиор—Кастельгомберто, преграждавшей доступ к среднему течению реки Брента у Чисмон. Альпийские части, которыми командовал подполковник Стринга, удерживали последнюю позицию и, несмотря на повторные атаки, неоднократно отражали натиск противника, и даже сами энергично переходили в контратаки. 7 июня альпийцы были усилены знаменитой бригадой Сассари и в течение этого дня отбили все атаки, но 8 июня вынуждены были отойти еще немного назад, на линию Монте Спиль—Монте Миеле. Бригада Этна также вынуждена была оставить Монте Сиземоль и отойти на Монте Дзайбена и Монте Вальбелла. 10 июня пал в бою ветеран Адиграта (Эритрея) генерал Престинари, вступивший добровольно в действующую армию и назначенный командиром территориальной бригады.

6—8 июня противник особенно ожесточенно атаковал позиции Лемерле—Цоветто, удерживаемые бригадами Катанцаро Пескара, Форли и Лигурия, но эти атаки несколько раз отражались; 8 июня Лемерле была временно потеряна, но немедленно же взята обратно частями бригады Форли, которые также выбили противника из одного из его исходных окопов. Бригада Лигурия под командой храброго генерала Папа также отличилась не меньше, хотя 17 июня она и потеряла часть занятого ею района; она потеряла 25% всего состава, а ее знамя получило золотую медаль за храбрость.

Хотя в первой половине июня на некоторых участках и велись ожесточенные бои, но австрийцы с самого начала проявили признаки усталости, и сила их натиска заметно ослабевала. Затем началось русское наступление, которое ускорило окончание Трентинской операции, хотя, как мы это дальше увидим, ударная сила австрийской «карательной экспедиции» * истощилась еще до брусиловского удара. Одна австрийская дивизия уже 5 июня была выведена из боя и переброшена на русский фронт; за нею вскоре последовали другие, и 17 июня австрийское главное командование отдало приказ приостановить Трентинскую операцию. 14 июня командование группой итальянских войск на Альтипиани, ныне соответствующим образом усиленной, отдало приказ о переходе в контрнаступление. Эта операция началась 16 июня; наступление повели 4 корпуса: 20-й, 22-й, 14-й и 24-й. Были захвачены Монте Магари и Чима Изидора и некоторые успехи были достигнуты в долинах Валь Позина и Валь д'Астико. 25 июня австрийцы начали общее отступление по всему фронту на новые позиции, недавно подготовленные ими в тылу самого переднего рубежа, которого им удалось достигнуть, но все же впереди их старых позиций. Новая позиция начиналась от реки Адидже к северу от Мори, поднималась на Цунья Торте и Коль Санто к северу-востоку от Валларса, проходила севернее

* Strafe-Expedition — так австрийцы называли Трентинскую операцию, так как целью ее было наказать Италию за ее «предательство».

горы Пазубио, которой австрийцы, несмотря на неоднократные атаки, так и не овладели, далее шла по хребту к северу от потока Позина через Монте Чимоне к северу от Арсиеро, затем вокруг северного края плато Азьяго (сам город Азьяго, превращенный теперь в груду развалин, был вновь занят итальянцами), далее к северу от долины Валь д,Асса на Монте Раста, Монте Москиаг, Монте Интерротто), Монте Ортигара, Монте Чиварон, Монте Салубио, пересекала долину Вальсугана, шла к западу от Стриньо (которое, таким образом, снова перешло в руки итальянцев), поднималась на западный берег потока Масо и отсюда шла к Фасским Альпам. 2 июля австрийцы последний раз атаковали Пазубио, которая, однако, была с успехом удержана бригадами Верона и Волтурно, причем обе стороны понесли большие потери.

На плато Азьяго итальянцы продолжали нажимать и им удалось немного продвинуться вперед, хотя и ценою больших потерь; здесь были убиты подряд один за другим два командира бригады Сассари, бригадные полковники де Мариа и Маттен. Отдельные местные, не связанные между собою бои продолжались еще до 16 июля, и в результате их были достигнуты некоторые успехи в Валларса и Валь Позина. 10 июля батальон альпийских стрелков попытался захватить Корно ди Валларса; нескольким бойцам удалось добраться до седловины под пиком 1801 и захватить в плен занимавшую ее группу противника, но из-за сильного огня и контратак противника альпийцы были вынуждены оставить седловину и отойти, оставив противнику некоторое число пленных.

Много итальянских частей было теперь снято с фронта 1-й армии и переброшено обратно в район Изонцо, где велась подготовка к крупным операциям. Однако, 22—24 июля итальянцы провели еще две заключительные наступательные операции против Монте Чимоне, которая находится к северу от Арсиеро и командует над ним, к западу от Астико и против Боккетта ди Портуле (1949 *м*), севернее долины Валь д'Асса. Боккетта ди Портуле после трехдневного упорного боя альпийским стрелкам так взять и не удалось, но Монте Чимоне была захвачена хорошо организованной внезапной атакой, которую произвели на рассвете 23 июля батальон альпийских стрелков и часть 15-го пех. полка.

Так закончилось итальянское контрнаступление в районе Трентино.

Австрийское наступление было задумано правильно, так как, если бы австрийцам удалось прорваться через последнюю итальянскую оборонительную линию, то этот прорыв мог бы повлечь катастрофу для всей итальянской армии. Однако, Конрад, допустил ошибку, пытаясь осуществить этот широкий план недостаточными силами, несмотря на мудрое предостережение Фалькенгайна. Благодаря подавляющему превосходству в тяжелой артиллерии, а в начале операции также и в пехоте, ему удалось разгромить и прорвать первую линию обороны, которая, как мы видели, представляла ряд выдвинутых вперед и не защищенных позиций, а затем прорвать и вторую и третью линии, которые не были должным образом организованы для обороны. Австрийские атаки также стоили итальянцам больших потерь в людях, орудиях и материальной части (15 000 убитых, 76 000 раненых, 56 000 плен-

ных и 294 орудия) [26]. Но к тому времени, когда австрийцы достигли последней линии итальянской обороны, они сами оказлись уже сильно изнуренными; они также понесли потери, которые хотя и были менее значительны, чем у итальянцев, но все же были велики (10 000 убитых, 45 000 раненых и 26 000 пленных, не считая большого числа заболевших), а их резервы все уже были израсходованы, запасы на исходе, и они значительно оторвались от своих баз, в то время как итальянцы получали все больше подкреплений и продвинулись ближе к своим базам. Кроме того, австрийцы совершили ошибку, сосредоточив чрезмерно крупные силы в ограниченном районе, не учтя должным образом обстановки на своих прочих фронтах. Прежде чем они достигли намеченных ими существенных результатов, им пришлось отзывать войска из Трентино ввиду обстановки, сложившейся на русском фронте. Когда же итальянцы перешли в контрнаступление, то австрийцам ничего не оставалось больше делать, как начать поскорее отход и оставить всякую мысль о прорыве на Венецианскую равнину. Правда, австрийцы прочно обосновались в части района, который они захватили во время своего удара, однако это был район, в котором не было ни одного важного города, промышленного центра или базы снабжения *; кроме того, новая линия, которую они теперь занимали, вовсе не была настолько лучше старой, чтобы оправдать понесенные большие потери.

Для итальянцев наступление в Трентино было неожиданным ударом и произвело большое впечатление в стране, так как до сих пор хотя решительных успехов не было достигнуто, итальянская армия почти все время вела только наступательные действия; у австрийцев было захвачено много позиций, некоторые из них очень важные, и все бои фактически велись на территории противника, чего нельзя сказать про других союзников, кроме русских в Анатолии. Теперь же, наоборот, итальянцы были оттеснены на итальянскую территорию. Генерал Кадорна приписывал первоначальные неуспехи отчасти несоответствию некоторых начальников, а также «применению против нас, как и против всех прочих армий, тактической внезапности, когда командиры и войска еще не имели опыта в массовых атаках с участием крупных масс артиллерии» **. То, что противник обосновался на захваченной им территории, несомненно усилило и ранее существовавшую угрозу вторжения из Трентино на равнину, вследствие сужения и без того уже узкого горного барьера. Однако, будущее не оправдало ожиданий австрийцев, что итальянцы тем самым будут прикованы к этому фронту и окажутся не в состоянии осуществить свои планы в районе Горицы. Кроме того, Кадорна организовал на новом рубеже оборонительную систему, которая впоследствии сослужила огромную службу.

Потрясающее впечатление, которое произвели на общественное мнение страны первые австрийские успехи, привело 12 июня к падению кабинета Саландры. Общественное мнение, справедливо или несправедливо, но возлагало главную вину не на главнокомандующего, а на пра-

* Единственные города, которые австрийцы заняли, были Азьяго и Арсиеро, но они их снова потеряли во время итальянского контрнаступления.

** «La Guerra alla Fronti Italiana», т. I, стр. 239.

вительство за то, что оно не проводило военной политики с достаточной энергией и не снабжало армию в необходимой степени живой силой и материальной частью. После отставки Саландры король призвал старого государственного деятеля Паоло Бозелли, сформировавшего кабинет из представителей всех партий и группировок, за исключением крайних социалистов, почему этот кабинет был назван национальным. Министром иностранных дел остался барон Соннино.

Вопросом, который служит предметом полемики между военными историками, является связь между Трентинским наступлением и наступлением Брусилова против австрийцев. Иностранные авторы часто утверждали, что именно русская армия задержала австрийское наступление и спасла итальянскую армию от уничтожения в июне 1916 г. Сам генерал Брусилов в своих посмертных мемуарах, опубликованных в «Revue des Deux Mondes» (май—июнь 1929 г.), еще раз повторил это утверждение. «Результаты моего наступления, — пишет он, — оказались очень важными для союзников. Австрийцы отказались от своего наступления в Италии и перебросили на русский фронт все войска, какие только можно было, так что Италии не пришлось испытать вторжения противника». В другом месте он утверждает, что его наступление «превзошло все ожидания и вполне отвечало всему тому, что от него требовалось, т. е. спасло Италию и предупредило ее выход из войны». Эти и прочие утверждения подобного рода были в значительной мере приняты без всякой критики *. Между тем, анализ относящихся к этим фактам дат различных событий и документальных данных не подтверждает этого вывода Брусилова.

Прежде всего, наступление Брусилова было намечено немного раньше, чем началась «карательная экспедиция» Конрада. Русский командующий сам заявляет, что наступление на Луцком фронте было им предложено 14 апреля на военном совещании под председательством царя. На этом совещании командующий северным фронтом генерал Куропаткин и командующий западным фронтом генерал Эверт заявили, что, ввиду различных обстоятельств они считают необходимым пока что продолжать некоторое время оборонительные действия. Генерал Брусилов со своей стороны утверждал, что на его фронте не только возможно, но и необходимо перейти в наступление, и что он имеет полную надежду на достижение успеха. С его предложением согласились, и было решено наступать, хотя начальник штаба армии верховного главнокомандующего генерал Алексеев сообщил Брусилову, что он не может усилить его ни живой силой, ни артиллерией.

Хотя решение о Луцком наступлении было, таким образом, принято за месяц до того, как австрийцы начали свое наступление в Трентино, подготовка заняла много времени ввиду той медлительности, с которой всегда работал неповоротливый русский военный аппарат, и вследствие недостаточного развития железнодорожной сети. Однако,

---

* См. также сэр Вильям Робертсон, Soldiers and Statesmen, т. II, примечание на стр. 108 (note); по его утверждению, Россия, согласно просьбам Италии, начала наступление раньше намеченного срока, и далее (стр. 118), Италия, получив облегчение от русского наступления, смогла отразить австрийцев.

к 23 мая, т. е. через 6 дней после начала австрийского наступления, все было уже готово. Брусилов пишет, что 23 мая он получил от генерала Алексеева телеграмму, в которой говорилось, что «итальянские войска потерпели серьезную неудачу и что итальянское командование, будучи убеждено в том, что оно не сможет задержать наступление австрийцев на итальянском фронте, просит нас начать наступление немедленно, чтобы отвлечь часть австрийских сил с Трентинского фронта». Брусилов ответил, что его армии уже готовы к наступлению и что наступление может быть начато через неделю после отдачи приказа; затем он отдал приказ о наступлении 2 июня.

Очевидно, считали, что особенно спешить нечего. Призыв генерала Кадорны о помощи был послан 19 мая. Нам заявляют, что все было готово к 23 мая. 24 мая русский командующий отдал приказ о переходе в наступление 2 июня, т. е. через 8 дней, главным образом потому, что Брусилов хотел быть уверенным, что Эверт также атакует на своем фронте. Когда Брусилов узнал от Алексеева, что наступление на соседнем фронте не может начаться раньше 14 июня, он отложил свое наступление еще на 3 дня, т. е. до 5 июня. Эти задержки как будто указывают на то, что события на итальянском фронте не оказывали особенного влияния на русских.

И действительно, генерал Кадорна, обратившись к русским с просьбой о поддержке, рекомендовал своим союзникам не начинать наступления преждевременно, чтобы не испортить его эффекта, и ограничиться пока демонстративными действиями на других участках фронта *. Телеграмма итальянского верховного командования к итальянскому военному атташе в России датирована 19 мая, и генерал Алексеев в своем ответе заявил, что нецелесообразно привлекать внимание австрийцев демонстративными действиями, что подготовка к общему наступлению будет закончена к 25 мая и что оно начнется немедленно.

Имеются все основания сомневаться в том, что Кадорна когда-либо заявлял, что он не сможет задержать наступление австрийцев на Трентинском фронте, а также в том, что, когда Брусилов начал наступление, решение о котором было принято за несколько времени до этого и подготовка к которому в это время была уже полностью завершена, положение Италии было настолько серьезно, что только вмешательство России могло спасти ее. В просьбе Кадорны о помощи, посланной 19 мая и переданной через итальянского военного атташе полковника Ромеи русскому главному командованию, не содержалось ничего, что можно было бы истолковать таким образом. Послание сообщало только, что если наступление австрийцев будет продолжаться с той же силой, с какой оно началось, то оно может вызвать «такой серьезный отход (итальянцев) в недалеком будущем, что впоследствии может полностью лишить нас возможности в свое время наступать на фронте Изонцо одновременно с наступлениями, которые должны быть предприняты русскими и прочими союзниками», как это было условлено на междусоюзных конференциях в Шантильи и Париже. Дей-

* A. Alberti, L'azione militare italiana, стр. 106.

ствительно, на основании этого соглашения итальянское верховное командование просило, чтобы «русская армия немедленно начала энергичный нажим на австрийском фронте, уже ослабленном тем временем отозванием нескольких дивизий». Барон Соннино обратился с такой же просьбой к русскому послу в Риме Гирсу, обращая его внимание на тот факт, что если в мае и июне 1915 г., когда Италия начала войну против Австрии, отсутствие взаимодействия со стороны России было вызвано обстоятельствами, не зависящими от русского правительства, то теперь, после достигнутого недавно соглашения между союзными штабами, «уже невозможно чем-либо объяснить это отсутствие взаимодействия».

Не скрывая всей серьезности положения в связи с австрийским наступлением, Кадорна в то же время никогда не отчаивался. Как он сказал некоторое время спустя в Версале: «Я еще никогда не был так спокоен, как в этот момент. Те, кто был со мной, знают это» *.

Важно отметить, что даже еще до начала Брусиловского наступления, у Кадорны было впечатление, основанное на ряде определенных данных, что австрийский нажим постепенно ослабевает. «С 27 по 28 мая, — пишет он, — я чувствовал, что для австрийцев уже кончилась главная фаза их нажима—их неотразимого наступления, которое каждый день открывало на нашем теле все новые раны. Откуда у меня создалось такое впечатление? У людей, привыкших руководить массами, вырабатывается интуиция, приобретающая силу фактов. Я чувствовал, что силы австрийцев уменьшаются». И действительно, 2 июня, за 48 часов до того, как армии Брусилова нанесли свой удар, он писал командующему 1-й армией, что «общая обстановка позволяет нам теперь снова взять инициативу в свои руки», а оперативная сводка от 3 июня начинается такими словами: «Австрийское наступление окончательно задержано на всем фронте».

Совершенно очевидно, что русское наступление никоим образом не могло быть тем фактором, который «спас Италию» в то время, когда в конце мая австрийский натиск в Трентино был определенно задержан на обоих флангах, и австрийцы, втянувшись в мешок, безрезультатно бились лбом о позиции итальянского фронта. Благодаря прибытию свежих частей, этот фронт с каждым днем становился все сильнее; он опирался на сильные позиции у Кони Цунья, на Пазубио и на Новенье, преграждал дорогу на Фугацце, прикрывал плато Скио, запирал котловину Арсиеро и сдерживал противника в долинах Валларса и Позина в бассейне р. Астико.

Дальнейшее подтверждение этого взгляда мы находим у ряда германских и австрийских военных историков. Германский военный представитель при австро-венгерском главном командовании генерал фон Крамон пишет: «Во всяком случае я уверен, что не русское выступление на восточном фронте задержало наступление австрийцев в южном Тироле, последнее достигло своей кульминационной точки до того, как началось русское наступление, и не могло продолжаться дальше без значительного подкрепления наступающей армии

---

* Angelo Gatti, Uomini e folle di Guerra, стр. 176.

свежими частями, которых не было» *. Преемник Конрада на посту начальника австро-венгерского генерального штаба генерал фон Арц говорит в своих мемуарах то же самое. Фалькенгайн добавляет: «Еще 27 мая австрийское главное командование было вынуждено просить нас передать ему для переброски на итальянский фронт одну дивизию австрийского 12-го корпуса, входившего в состав группы армий (фронта) принца Леопольда. Так как этот корпус имел в своем резерве части, укомплектованные исключительно уроженцами румынских районов Австро-Венгрии, которых вряд ли можно было использовать против итальянцев и которые, кроме того, уже оказались ненадежными в августе 1915 г., то эта просьба явилась ярким признаком их (австрийцев) критического положения на боевом фронте. Тем временем уже началось итальянское контрнаступление. Предпринятое превосходными силами... оно окончательно остановило наступление австрийцев. В июне, фактически еще до того, как в южной половине восточного фронта наступило оживление, стало ясно, что наши союзники не могут ни продолжать наступление, ни оставаться в занятом ими выступе, ни даже использовать слабость итальянского фронта на Изонцо, вызванную переброской оттуда войск на тирольский фронт. Что касается последнего, то австрийский штаб даже сомневался, удастся ли австрийцам, в случае перехода итальянцев в наступление удержать свои собственные позиции на Изонцо, которые также были сверх меры ослаблены в пользу Тирольской операции» **.

Было бы, конечно, несправедливо отрицать, что русское наступление все же оказало благоприятное влияние на положение итальянцев, так как оно заставило австрийцев оттянуть часть сил, сосредоточенных в Трентино, и таким образом облегчило итальянское контрнаступление. Генерал Кадорна точно определяет положение следующей фразой: «Наступление генерала Брусилова... оказалось полезным и для нас, поскольку оно вынудило австрийцев оттянуть некоторую часть своих сил с нашего театра военных действий. Однако, оно никоим образом не повлияло на задержку австрийского наступления» ***.

Брусилов не счел нужным отметить один весьма важный момент, а именно—в какой степени наступление австрийцев в Трентино против Италии облегчило удар русских против Австрии. Нет сомнения, что Австрия сняла с восточного фронта крупные силы, чтобы бросить их против итальянцев; действительно, фельдмаршал Конрад подвергся резкой критике за то, что он в угрожающей степени ослабил восточный фронт ради своего излюбленного Трентинского плана. Имеется много данных в защиту этого утверждения. Гинденбург пишет: «Если эти войска, на которые не только Австрия и Венгрия, но и Германия смотрели с гордостью (так как это были отборные части австро-венгерской армии), брошены против Италии, что же остается против русских ****. Фалькенгайн, объясняя неожиданную легкость и быстроту, с которой русские продвинулись вперед во время Брусиловского насту-

---

* «Quatre ans au G. Q. G. austro-hongrois», стр. 104.

** «General Head-Quarters, 1914—1916», стр. 243—244.

*** «La Guerra alla Fronti Italiana», т. I, стр. 239—240.

**** «Aus meinem Leben», стр. 141.

пления, пишет: «Как оказалось, галицийский фронт был не только ослаблен вследствие снятия оттуда войск для переброски на итальянский фронт, но даже его сопротивляемость была совершенно недопустимо понижена снятием с него большого количества артиллерии (той самой тяжелой артиллерии, которая сокрушила итальянские укрепления), важность которой для ненадежных войск хорошо известна, и далее утратой значительного числа самых надежных частей частично путем их смены и частично путем пополнения ненадежными резервами. Этим и объясняется развал» *.

Итальянское взаимодействие не ограничилось косвенной поддержкой русского наступления, успех которого стал возможен благодаря наступлению австрийцев в Трентино. Как только Кадорна остановил австрийское наступление, он не только перешел в контрнаступление, которое помешало австрийцам перебросить еще войска с тирольского фронта на галицийский и даже заставило их требовать от последнего подкреплений, но он также упредил противника на Изонцо, где итальянцы подготовили и осуществили свое собственное наступление. Здесь мы снова имеем свидетельство Фалькенгайна: «6 августа была потеряна важная предмостная позиция к западу от Горицы, а немного спустя и сам город. Противник продвинулся вперед во многих пунктах на восточном берегу Изонцо. Это вызвало серьезный кризис. Для восстановления положения стало даже необходимым перебросить несколько дивизий с восточного фронта, заменив их германскими частями. Излишне говорить о том, насколько это обстоятельство повысило трудности на востоке не только для самого австрийского командования, но и в смысле всего дальнейшего ведения войны. Пагубные последствия этого самостоятельного австрийского предприятия в Тироле стали чувствовать еще сильнее; а последнее из них—присоединение Румынии к Антанте — еще впереди» **.

Поэтому следует признать, что если русское наступление благотворно отозвалось на итальянском фронте, то выгоды, которые русская армия получила от операции в Трентино и позднее на Изонцо, имели для нее по меньшей мере такое же значение, поскольку они не только ослабили первоначальный нажим на галицийский фронт, способствуя этим Брусиловскому наступлению, но также привели к последующей оттяжке значительных австро-венгерских сил с восточного фронта и, наконец, решили вопрос о выступлении Румынии ***.

---

* «Die oberste Heeresleitung», стр. 211.

** Там же, стр. 281—282.

*** Весь этот вопрос подробно изложен в книге майора Амедео Тости, «Revisione di giudizi» (Рим, 1930), стр. 33—39.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОРИЦА

Генерал Кадорна всегда рассматривал операции на Изонцо, как наиболее важный участок войны на итальянском фронте. Он сообщает, что подготовка к наступлению против Горицкого укрепленного района началась еще в декабре 1915 г. *. Весной следующего (1916) года командованию 3-й армии была дана подробная директива, и операции должны были начаться во второй половине июня. Однако, как мы видели, из-за наступления австрийцев в Трентино подготовку на Изонцо пришлось временно приостановить, а большую часть живой силы, орудий и прочего военного имущества, отправленную или назначенную на юлийский фронт, переотправить вместо этого в район Альтипиани или использовать на формирование 5-й (резервной) армии в Венецианской равнине.

Тем не менее 2 июня, когда Кадорна почувствовал, что нажим австрийцев в Трентино ослабевает, он сообщил командующему 3-й армией герцогу Аоста, что он намерен возобновить подготовку к операциям на Изонцо. 16 июня он добавил, что события на участке Трентино—Азьяго не изменили его первоначальных стратегических намерений вести наступательные действия на фронте Изонцо. Изменялись только наличные силы и средства, огромное количество которых было израсходовано в Трентино, и это ограничило размах операции. Поэтому он решил сосредоточить все силы против Горицы с единственной целью в первый период полностью овладеть Горицким плацдармом. Расширение оперативной зоны на участок Плавы пришлось отложить на более позднее время.

Обратная переброска подкреплений из 1-й армии в 3-ю была намечена по плану на первую половину июня. Прежде всего должны были быть перевезены артиллерия, минометы и боеприпасы, а затем войска. Начало операции намечалось через 8 дней после начала переброски, так как существенной особенностью этой операции должна была быть внезапность. Итальянцы пользовались всеми выгодами действий по внутренним линиям и могли перебрасывать свои войска с одного фронта на другой быстрее австрийцев, которым приходилось следовать длинным и кружным путем. План герцога Аоста предусматривал наступление между Плавой и Монте Сан Микеле с нанесением главного удара на участке Саботино—Подгора. Генерал Кадорна сообщил командующему 1-й армией, что, так как он (Кадорна) не располагает достаточной артиллерией для наступательных действий на обоих

* La «Guerra alla Fronti Italiana», т. I.

фронтах, то как только сопротивление австрийцев на их вновь подготовленных позициях или же необходимость переброски вперед итальянской артиллерии вызовут задержку наступления, вся тяжелая и средняя артиллерия, которую только можно будет снять, не подвергая опасности фронт в Трентино, должна быть спешно переброшена на Изонцо.

Для этой новой операции 2-я армия, которая была расформирована и части которой пошли на формирование 5-й армии, была 3 июля вновь создана, со штабом в Чивидале. 9 июля были отданы распоряжения о прекращении всех наступательных операций в Трентино, за исключением некоторых мелких операций, которые уже велись, и 27 июля было установлено днем для начала общей переброски на фронт Изонцо (перевозка тяжелой артиллерии уже началась за несколько дней до этого). К 30 июля все 58 батарей артиллерии средних калибров и 22 минометные батареи были переброшены на Изонцо; вслед за ними были отправлены два резервных корпуса (8-й и 26-й). Были приняты все меры предосторожности, чтобы сохранить эти передвижения в совершенной тайне, и с этой целью как в Италии, так и в нейтральных странах распространялись слухи о том, что готовится наступление в долине Вальсугана.

3-я армия, в дополнение к первоначально имевшимся в ней 8 дивизиям, была теперь усилена 19-й, 24-й, 47-й, 43-й, 48-й, 23-й, 46-й и 49-й дивизиями и одной спешенной кавалерийской дивизией. Позднее ей была придана и 34-я дивизия, а после взятия Горицы—10-я дивизия в составе 3 бригад и 3-я кав. дивизия. В добавление к имевшейся в 3-й армии ее собственной дивизионной артиллерии, ей были еще переданы из 1-й армии и Карнийской группы 41 тяжелое орудие, 151 орудие средних калибров и 44 легких орудия; таким образом, к 4 августа 3-я армия располагала 56 тяжелыми орудиями, 467 орудиями средних калибров и 728 легкими орудиями, а также 76 минометными батареями (774 миномета, из которых 138 было тяжелых, 249-*мм*). Минометам предстояло сыграть в этих операциях очень важную роль, так как ими одними можно было уничтожить проволочные заграждения и разрушить прочие укрепления. Это боевое средство было очень хорошо освоено итальянской армией, и в Сузегане была открыта минометная школа.

За некоторое время до того, как эти обширные приготовления были закончены, а фактически даже до того, как они начались, еще во время операций в Трентино, на самом фронте Изонцо шли далеко не маловажные бои. 14 мая, за день до начала своего большого наступления в Трентино, австрийцы атаковали на участке Монфальконе позиции, занятые итальянской 4-й спешенной кавалерийской дивизией, и им удалось захватить верфь «Адриа» и высоты 12 и 93; контратакой они были выбиты обратно с первой позиции, но обе указанные высоты удалось взять обратно лишь месяц спустя.

Дальнейшие боевые действия разыгрались 28—29 июня на фронте 6-го корпуса, между Монте Козич и морем; противник произвел химическую атаку на части 21-й и 22-й дивизий, когда те еще спали; это был первый случай применения ОВ в большом масштабе на италь-

янском фронте, и тогда не были еще предусмотрены достаточные меры противохимической защиты. Таким образом противнику удалось ворваться в итальянские окопы, и здесь много итальянских солдат, задыхавшихся от ОВ, но еще живых, было прикончено железными булавами, специально для этой цели розданными некоторым атаковавшим частям. Тем не менее быстро подошли подкрепления под командой командира бригады Регина генерала Сайлер и командира 10-го пех. полка полковника Гандольфо, и австрийцы были выбиты из захваченных ими позиций. Но части, подвергшиеся химической атаке, потеряли 6 300 человек.

1—3 июля, чтобы отвлечь внимание противника от интенсивной подготовки к большому наступлению, части 7-го корпуса предприняли на крайнем правом фланге итальянского фронта на Изонцо небольшие действия в районе Сельц; в результате этих действий был достигнут некоторый успех и захвачено 500 пленных.

Операции в районе Горицы проводились на трех участках (схема 10): на левом фланге 6-й корпус под командой генерала Капелло должен был начать наступление в районе Саботино, Ославия, Подгора, Лючинико; на крайнем правом фланге (в районе Монфальконе) 7-й корпус должен был до начала главного наступления вести демонстративные действия, в то время как 11-й корпус должен был одновременно с 6-м корпусом начать наступление на Монте Сан Микеле. Восстановленная 2-я армия, сохранившая в своем составе лишь небольшое количество войск, должна была ограничиться сильным артиллерийским обстрелом позиций у Тольмино, чтобы оказать поддержку 6-му корпусу в его наступлении на Саботино.

За несколько месяцев до этой операции была произведена подготовка местности в виде устройства обширной сети окопов, ходов сообщения, убежищ и прочих укрытых подступов, чтобы дать войскам возможность укрыто подойти к противнику на дистанцию атаки. Особенно большие работы были проведены на Саботино, где они выполнялись под личным наблюдением полковника Бадольо, бывшего сначала командиром 74-го пех. полка, затем командовавшего смешанным отрядом, выделенным для выполнения операции на Саботино, и, наконец, начальником штаба 6-го корпуса. Он с исключительной тщательностью изучил местность, каждую ночь взбирался по скатам этой грозной высоты вплотную к неприятельским позициям, пока не изучил каждую пядь горы. Гора Саботино считалась ключом к Горицким позициям; она возвышалась на 609 *м* в излучине Изонцо, на ее правом берегу, прямо к северу от города, и командовала над подходившими с северо-запада подступами к переправам через реку.

Австрийское главное командование оттянуло войска для Трентинского наступления со всех других фронтов, включая и Изонцо, и, хотя в июле началась обратная переброска некоторых частей, австрийская 5-я армия, оборонявшая укрепленный район Горицы, имела к началу сражения всего 9 дивизий (116 батальонов) и 540 орудий. Непосредственно обороняла город на правом берегу реки 58-я дивизия (3 бригады) с 5 или 6 маршевыми батальонами; кроме того, еще 3 полка находились в резерве. Артиллерия была отлично расположена на линии

Монте Кук (611 *м*) над Загорой на среднем Изонцо, Монте Санто (682 *м*) и Монте Сан Габриеле (646 *м*). Остальные батареи стояли в самом городе, у Сант'Андреа и в начале долины Валлоне дель Карсо, глубокой и широкой впадине, лежащей за Сан Микеле. Позади Горицы другие артиллерийские и пехотные позиции находились на Монте Сан Марко и Монте Санта Катерина. Все эти оборонительные сооружения и огневые позиции были хорошо известны итальянцам по данным воздушного наблюдения, из показаний пленных и из донесений дозоров, совершавших поиски в неприятельское расположение *.

К 4 августа все приготовления были закончены, и различные объекты были распределены между частями следующим образом:

1. Гора Саботино должна была быть атакована сравнительно небольшим отрядом под командой полковника Бадолье (78-й пех. полк, по одному батальону от 58-го и 115-го пех. полков, 2 саперные роты,

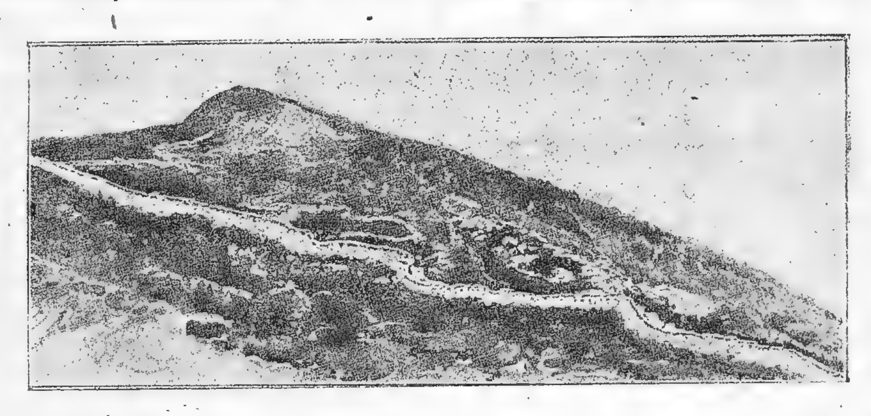


Рис. 6. Линия австрийских окопов на горе Саботино.

2 минометные батареи и 2 горные батареи), в то время как другой отряд под командой генерала Гальяно (77-й пех. полк, 1 батальон 146-го пех. полка и 2 саперные роты) должен был наступать в направлении на высоту Сан Мауро, юго-восточнее, где Изонцо течет в юго-западном направлении.

2. Высота 188, захваченная было в 1915 г., но затем снова потерянная в 1916 г., должна была быть атакована бригадой Ламбро, Ославия—бригадой Абруцци, Пеума—11-й дивизией, одна из бригад которой (Павия) должна была наступать вдоль дороги на Лючинико в направлении на два моста через Изонцо (железнодорожный и шоссейный).

* Уикгем Стид в его книге «Trough Thirty Jears» («За тридцать лет») утверждает, что победой мы обязаны тому, что добыли план крепости от одного югославского дезертира. Для всякого, кто знаком с элементарными военными вопросами, такое утверждение является абсурдом. В Австрии эта сказка была также определенно отвергнута. Начальник штаба 58-й австрийской дивизии полковник Поль не придает никакого значения этим посевдо-«откровениям» и признает, что итальянцы достигли успеха благодаря отлично подготовленной организации и блестящему руководству наступлением («Wehrzeitung», 1—15 августа 1926 г.).

Сражение началось 3 августа демонстративными действиями 7-го корпуса (16-я и 14-я дивизии) против позиций, находившихся к югу от Сей Бузи и от высот 85 и 121. Эти позиции несколько раз переходили из рук в руки (схема 11).

Главное наступление на Саботино и Горицу началось 6 августа в 7 часов утра артиллерийской и минометной подготовкой небывалой на этом фронте силы. Укрепления были разрушены, буквально превращены в пыль, много австрийских батарей было приведено к молчанию, и войска были деморализованы этим убийственным ураганом огня; затем огонь был перенесен в глубину, и в 16 часов пошла вперед пехота.

Отряд полковника Бадольо быстро поднялся на Саботино, подавил гарнизон, занимавший гору, достиг вершины и находящейся юго-восточнее несколько более низкой горы Сан Валентино (536 *м*), захватив много пленных укрывавшихся в убежищах, пещерах и туннелях. Скоро была установлена связь с колонной Гальяно, наступавшей на гору Сан Мауро. Наступление отряда Бадольо было для противника внезапным, и поэтому достигнутый успех стоил небольших потерь, тогда как отряд Гальяно встретил серьезное сопротивление, в особенности в долине Валь Пеумика, и сам командир отряда был убит; его место занял командир бригады Трапани генерал Де Боно *. Тем временем бригада Абруцци быстро захватила позицию у Ославии и высоту 165, за которые раньше так долго дрались, но бригада Ламбро встретила энергичное противодействие на высоте 188 и на Доссо дель Босняко, и ее наступление замедлилось. Бригада Кунео блестяще атаковала, вышла на Графенберг и двинулась к реке, но была задержана сильно укрепленной позицией на высоте; равным образом и бригаде Тревизо не удалось преодолеть упорное сопротивление противника несколько севернее, на высотах Пеума. Бригада Павия повела атаку от Лючинико и захватила у противника его укрепления на Кальварио и между шоссе и железной дорогой на Горицу, однако, высота 240 у Подгоры все еще упорно удерживалась противником.

Бои на обагренных кровью высотах от Саботино до Подгоры продолжались всю ночь. Батальону 149-го пех. полка удалось овладеть небольшим фронтом на нижних склонах Саботино ближе к реке, и захватить в плен его гарнизон. Противник в значительных силах несколько раз переходил в контратаку и ему удалось проникнуть в долины и овраги вдоль линии Сан Валентино — Сан Мауро. Бой носил крайне ожесточенный характер; в нем особенно отличился 77-й пех. полк, в котором почти весь офицерский состав полка был убит или ранен, командование полком принял капитан Вайарини. В результате австрийцы были полностью оттеснены и, преследуемые по пятам штыками, оставили в руках итальянцев 500 пленных. Колонна, которой командовал генерал Кантелла, выбила противника из окопов в долине Валь Пеумика, а 2 батальона бригады Трапани прогнали его с высоты 138. Таким образом, весь массив Саботино в излучине реки, являвшийся одной из главных опор Горицкого укрепленного района, был захвачен. Главная заслуга в этой блестящей операции принадле-

* Впоследствии губернатор Ливии и министр колоний.

жит полковнику Бадальо; эта победа дала ему повышение по службе и знаки отличия, а когда он впоследствии был произведен в маршалы, ему был также присвоен титул маркиза дель Саботино.

Затем последовали дальнейшие успехи. Рано утром 7 августа бригада Ламбро атаковала и захватила трудно доступную высоту 188 и Доссо дель Босняко, бригада Абруцци захватила высоту 165 (к северо-западу от Пеума), в то время как бригада Этна стремительно ворвалась в Пеума и захватила в нем 700 пленных.

На Подгоре австрийцы еще сопротивлялись и производили сильные контратаки, а на склонах Графенберга им удалось окружить несколько подразделений бригады Кунео, достигших реки Изонцо. Однако, во второй половине дня итальянцы, атаковавшие Подгору, были усилены частями 48-й дивизии, и все чувствовали, что противник уже не сможет долго держаться ни на одной из своих позиций на правом берегу реки. Железнодорожный мост между Лючинико и Горицей был взорван. На рассвете 8 августа бригады Трапани и Этна достигли Изонцо и захватили в плен 300 австрийцев, в то время как 11-я дивизия преодолела высоты Пеума, а бригада Кунео захватила форт и селение Графенберг, причем взяла 350 пленных и освободила итальянские подразделения, которые были окружены в бою накануне. К полудню австрийцы, еще державшиеся на высоте 240 (Подгора), были принуждены к сдаче. Теперь итальянцы полностью овладели предмостными укреплениями к западу от Изонцо и смогли выгнать и захватить в плен несколько групп противника, укрывшихся в пещерах и оврагах этого участка фронта.

Первыми итальянскими частями, переправившимися через Изонцо частью по шоссейному мосту, который австрийцы не успели взорвать, а частью вброд через обмелевшую в то время реку, были 4 батальона бригад Казале и Павия. Они ускоренным шагом двинулись вверх по скатам, по направлению к городу; лейтенант 28-го пех. полка Аурели Баруцци вырвался вперед всего лишь с 4 бойцами, прошел под железнодорожным мостом, захватил 200 пленных и поднял на станционном здании первый итальянский флаг [27]. За этот подвиг он был награжден золотой медалью.

Во время сражения за овладение Горицей не менее ожесточенный бой шел в районе Карсо. Из четырех вершин горы Сан Микеле бригада Катанцаро, подавив две последовательные линии обороны, 6 августа овладела первыми двумя вершинами, бригады Бреши и Феррара захватили другие две вершины, а 21-я дивизия продвинулась вперед на седловину Сан Мартино дель Карсо—к селению, от которого остался всего лишь кусок стены высотой около метра с одним маленьким решетчатым окном — единственный признак того, что когда-то здесь была деревня. В этих боях было захвачено свыше 1 000 пленных. Бой продолжал бушевать в этой скалистой пустыне 7, 8 и 9 августа. 23-я, 22-я и 21-я дивизии постепенно расширяли захваченную территорию, захватывая одну укрепленную позицию за другой и отражая все контратаки. Вся группа Сан Микеле и высоты Боскини севернее нее были теперь в руках у итальянцев, и 10 августа система обороны на Карсо до самого Дебели между Монфальконе и Добердо была разгромлена. Австрийцы отступали в направлении на Валлоне, широкую и защищенную долину,

которая сослужила им такую большую службу в качестве склада запасов. Итальянцы преследовали их по пятам, и в тот же день части 23-й дивизии достигли Валлоне, которую противник не смог отстоять и вынужден был оставить. На правом фланге сопротивление было более упорным. Местность, которую итальянским частям 13-го корпуса пришлось преодолевать, была чрезвычайно пересеченной; естественные препятствия были усилены окопами, проволочными заграждениями и другими искусственными препятствиями, а скалистые валы и неожиданно встречаемые долины с крутыми скатами делали наступление под сильным огнем арьергардов в высшей степени трудным и изнурительным. Но тем не менее итальянцы наступали, и австрийцы были оттеснены на новую линию, идущую от Над Логем (высота 212) через высоту 187, Оппакиазелла, Нова Вас, высоту 208 северную и высоту 208 южную до высоты, что восточнее Монфальконе. Здесь было оказано еще некоторое сопротивление, но 12 августа Над Логем и высота 187 были взяты, и противник отошел дальше на высоты 144 и 77.

После того, как 8 августа первые батальоны вступили в Горицу, остальные части начали лавиной переправляться через реку. Генерал Кадорна предполагал развить успех, достигнутый этой важной победой, и очистить от противника высоты, лежащие к северо-востоку и востоку от Горицы, с тем, чтобы проложить себе путь к дальнейшему наступлению в сердце неприятельской страны, причем основной его целью попрежнему был Лайбах. Своим подчиненным генералам он отдал приказ «дать всем крылья». По просьбе командира 6-го корпуса генерала Капелло у Сан Лоренцо ди Мосса, непосредственно к западу от Изонцо, на дороге Кормонс—Горица был сосредоточен подвижной отряд под командой генерала Баратьери в составе 11 эскадронов конницы, 2 берсальерских батальонов самокатчиков и 2 пулеметных взводов на грузовиках. Кавалерийские разъезды быстро рассыпались по всему району вокруг Горицы и вскоре установили наличие вновь организованной оборонительной полосы на линии Монте Санто, седловина Доль, Великий Крибах, Сан Габриеле—Санта Катерина, Горицкое кладбище, Сан Марко и далее вниз к ручью Вертойбицца. 10 августа 6-й и 8-й корпуса снова вошли в соприкосновение с противником и получили приказ немедленно атаковать новый фронт обороны, но эти корпуса нашли фронт очень прочно занятым и с прекрасно оборудованными позициями, и в то время как австрийцы получали со всех сторон подкрепления, итальянцы были чрезвычайно изнурены непрерывными боевыми действиями за последние дни под лучами палящего августовского солнца, и могли рассчитывать на поддержку лишь очень скудных резервов из свежих частей.

Некоторые успехи были достигнуты к северо-востоку от Сальканою на Изонцо (севернее Горицы) и к северу от Санта Катерина, однако, попытка захватить селение Санта Катерина и высоту 174, что южнее Кастаньевицца, не удалась.

Все войска, находившиеся севернее реки Виппакко *, были теперь влиты в состав 2-й армии, которой командовал генерал Пьячентини. Боевые действия были на несколько дней приостановлены, чтобы дать

* На немецких картах Wippach (Виппах)—*Ред.*

сильно уставшим войскам отдых, сменить наиболее изнуренные части имевшимися резервами, привести все силы в порядок и подготовить организованное наступление на новый фронт.

На Карсо 12 августа были атакованы высоты к востоку от Валлоне. Бригада Ломбардия сильной атакой захватила Над Логем, взяв здесь 1 400 пленных, и Сан Градо ди Мерна, а бригада Реджина овладела развалинами Сппакиазелла. Высота 246 была 13 августа взята бригадой Катанцаро, а несколько позиций на Великий Крибах и Печинка — частями бригад Гренадерской, Реджина и Пиза, причем эти части понесли здесь большие потери; в этих боях было захвачено 900 пленных. 14 августа продолжались дальнейшие атаки, кое-где было взято несколько высот и окопов, но на главных позициях нового оборонительного фронта австрийцы держались упорно. Очень отличились в этих боях все части 11-го корпуса, и знамена бригад Гренадерской и Реджина и 141-го пех. полка, а также большое число отдельных офицеров и солдат были награждены знаками отличия. Обе сильно измотавшиеся дивизии корпуса (21-я и 23-я) были сменены 22-й и 49-й, которые 15 и 16 августа произвели атаку, но без сколько-нибудь значительного успеха. Теперь операция на Карсо было прекращена, и часть артиллерии 3-й армии была переброшена на север для усиления 2-й армии, которая должна была попытаться еще раз наступать на высоты северо-восточнее и восточнее Горицы, чтобы перенести фронт подальше от города и избавить последний от неприятельского артиллерийского огня, которому он подвергался.

Теперь 2-я армия имела в своем составе 4 корпуса и должна была 14 августа произвести попытку захватить Монте Кук, Монте Санто, Сан Габриеле, Сан Марко и высоты Овча-Драга западнее железной дороги в долине Вертойбицца. Немного севернее также должно было вестись наступление от Плавы. На этом последнем участке 2-й корпус пытался преодолеть Загорские укрепления, но это ему не удалось ввиду перевеса противника в артиллерии (большая часть артиллерии 2-го корпуса была передана 6-му корпусу). В течение 14, 15 и 16 августа шли упорные бои, сопровождавшиеся большими потерями, но никакого заметного успеха достигнуто не было, и 17 августа операции были приостановлены.

Наступление на Горицу несомненно явилось для австрийцев полной неожиданностью, так как они никогда и не предполагали, что итальянцы так быстро оправятся после двухмесячных упорных боев в Трентино и перебросят с этого фронта на Изонцо такие крупные силы. Эта переброска является действительно одним из самых крупных передвижений войск со стратегической целью, выполненных за все время мировой войны, и, как пишет сам генерал Кадорна, она «сделала возможным произвести маневр по внутренним линиям нового типа и такого размаха, который никогда еще не достигался в прошлом, когда войска перебрасывались лишь по грунтовым дорогам без тяжелой артиллерии и в гораздо более ограниченном пространстве». Внезапность была настолько велика, что генерал Зейдлер, командовавший 58-й австрийской дивизией, которая имела задачу оборонять предмостные укрепления западнее реки, оказался в отпуску, когда началось наступление.

Победа эта дала важные стратегические результаты, поскольку благодаря ей улучшилось начертание итальянского фронта, но еще ощутительнее был ее моральный эффект. Армия и страна почувствовали, наконец, что они действительно добились победы и овладели значительным участком неприятельской территории, который упорнейшим образом оборонялся до самого конца, так как австрийцы придавали ему большое значение. Потери были значительны, и у итальянцев они были бо́льшими, чем на австрийской стороне (было убито и ранено 74 000 итальянцев, в то время как австрийцы потеряли убитыми и ранеными 61 000; но итальянцы вдобавок к этому захватили еще 20 000 пленных). Однако, австрийцам удалось сохранить большую часть своей артиллерии, так как итальянцы захватили всего лишь 30 австрийских орудий.

После падения Горицы австрийцы сообщили в оперативной сводке: «Горица оставлена вследствие очищения предмостной позиции... Без всякого давления со стороны противника мы провели необходимое исправление начертания фронта».

Падение Горицы было серьезным ударом для центральных держав, и в то время как значение этого факта не всегда соответствующим образом оценивается некоторыми военными историками союзных стран, оно находит полнейшее признание у германских и австрийских авторов.

Фельдмаршал Гинденбург рассказывает, как в первые же дни после падения Горицы он был вызван по телефону в штаб главнокомандующего и ему было предложено принять на себя верховное командование всеми вооруженными силами центральных держав, и затем добавляет: «Я кладу телефонную трубку и думаю о Вердёне, об Италии, о Брусилове и об австрийском фронте, а также об очередной новости: Румыния объявила нам войну. Нужны будут крепкие нервы».

Генерал Кадорна считал это сражение образцовой операцией прорыва. Действия итальянской артиллерии и минометов «представляют собой классический пример сосредоточения огня по укрепленным позициям. Огонь этот подготовлялся долго и был заранее рассчитан до мельчайших подробностей; разведка местности была произведена с самолетов и при помощи оптических инструментов. Позиции противника были точно изучены и нанесены на карты, артиллерийские цели были точно распределены как по фронту, так и в глубину, приемы ведения огня были указаны с исключительной точностью. Таким образом, в назначенную минуту на неприятельские позиции внезапно обрушился настоящий ураган стали и огня, разрушивший все их укрепления и наблюдательные пункты и расстроивший их тыл».

Действия на Карсо были не менее важными. «Плато Карсо,—добавляет Кадорна,—господствующее над равниной нижнего Изонцо вплоть до Кормонса и Горицы—с одной стороны, и до моря—с другой, является, вследствие своего своеобразного характера, трудно преодолимым рубежом, защищенным с фронта широким руслом реки Изонцо и прикрытым с флангов, как бы бастионами, мощными горными массивами Сан Микеле—на севере и Козич, Дебели и высота 121—на юге. Район этого плато имеет весьма неровную поверхность, пересеченную

множеством оврагов и пещер, и поэтому он прекрасно приспособлен для обороны. Австрийское командование хорошо использовало его, создав на нем густую и сложную сеть окопов, глубоко врытых в скалы и во многих случаях защищенных стальной броней, много густых полос проволочных заграждений и обширную сеть ходов сообщения, дающих возможность обороняющимся частями быстро и безопасно передвигаться по всем направлениям. Эта сложная и отлично организованная оборонительная полоса казалась почти неприступной, и именно таковой ее и считали австрийцы. Тем более серьезным кажется их поражение, тем более глубокие отклики оно нашло в Италии и других странах, и тем выше заслуги тех, кто сумел провести эту труднейшую операцию».

Пока итальянцы цеплялись за худшие позиции, ниже верхнего гребня Карсо, их положение было непрочно. Но, когда они овладели не только гребнем Карсо и всем пространством к западу от Валлоне, но захватили также и плацдарм по ту сторону долины, их положение значительно упрочилось, и они получили хорошую базу для попыток захватить самые высокие вершины хребта и проложить себе путь в глубокий тыл противника. Только что завоеванная местность была теперь сильно укреплена, чтобы противостоять возможному контрнаступлению. Действительные события показали, что уверенность Кадорны была вполне обоснованной, ибо если через 14 месяцев эти позиции пришлось оставить, то это случилось не вследствие прямой атаки противника, а ввиду прорыва оборонительного фронта дальше к северу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОТ СЕДЬМОГО ДО ДЕВЯТОГО СРАЖЕНИЯ НА ИЗОНЦО

(Схема 12)

В это время (осенью 1916 г.) общее положение союзников казалось более благоприятным, чем в предыдущий период. Русское наступление привело к захвату у австрийцев большого пространства и нескольких сот тысяч пленных. Британское наступление на Сомме вытеснило германцев с части захваченной ими территории и принудило их ослабить нажим на Верден, дав, таким образом, французам возможность перейти в успешное контрнаступление. 29 августа 1916 г. Румыния вступила в войну на стороне Антанты, и в тот же день Италия объявила войну Германии. Генерал Кадорна решил, как можно скорее, возобновить наступление на Изонцо, чтобы использовать успехи, уже достигнутые на итальянском и на прочих союзных фронтах.

Победа под Горицей дала скорее моральный, нежели материальный результат, и если последний был во всяком случае не таким уж незначительным, то отсутствие достаточных резервов сделало невозможным полностью развить успех.

Город Горица и весь предмостный плацдарм с сильно укрепленными позициями на обоих берегах реки были в итальянских руках, и находящаяся южнее долина Валлоне дель Карсо также была занята ими. Однако, высоты к востоку и северо-востоку от Горицы (Сан Габриеле, Сан Даниеле, Пановиц, Розенталь, Сан Марко) еще прочно удерживались австрийцами и через высоту Сан Градо ди Мерна соединялись с позициями на Карсо, к югу от реки Виппакко. Линия этих позиций шла через район восточнее Валлоне между Над Логем и Великий Крибах, огибала с востока Локвицца и Оппакиазелла, проходила по окраине Нова Вас, поднималась на высоты 208 северную и 208 южную, господствуя над мрачным озером Доберло под селением того же названия, шла по гребню высоты 144, спускалась по ряду более низких высот к Лизертскому болоту и к высоте 21 у моря. Главная задача, которая стояла перед итальянцами, заключалась в том, чтобы ослабить нажим противника на Горицу и обеспечить своим сосредоточенным в этом районе войскам более свободное пространство; этого можно было достигнуть двумя путями: либо фронтально атаковать позиции к востоку от города, либо прорвать фронт к востоку от Валлоне, выйти в тыл позиций, расположенных севернее.

Кадорна стремился к тому, чтобы расширить наступательные действия одновременно на весь фронт Горица—Карсо, но ощущал недостаток в материальных средствах, необходимых для проведения операции такого огромного масштаба, и был вынужден временно ограничиться

наступлением лишь на одном участке, относя наступление на другом участке на более позднее время. Он решил начать операцию атакой позиций к востоку и северо-востоку от Горицы силами 2-й армии и приступил к сосредоточению на этом фронте всей имевшейся в наличии тяжелой артиллерии и минометов, имея в виду, как только эта операция закончится, перебросить эти орудия в 3-ю армию и начать операции на Карсо.

Тщательное изучение местности привело к изменению первоначального плана. Как с политической, так и с военной точки зрения, эта операция, имевшая целью ослабить нажим на Горицу, лишить противника возможнсти обстреливать артиллерийским огнем переправы через реку Изонцо и устранить всякую угрозу обратного захвата города австрийцами, казалась наиболее настоятельно необходимой. Но Кадорна был убежден, что наступление на высоты Сан Марко потребует более длительной подготовки, чем наступление на Карсо, так как густые леса на первом участке делали гораздо более затруднительным точное определение позиций противника и расположения его батарей, чем на Карсо. Поэтому 2-й армии было приказано ограничиться удержанием захваченных позиций и готовиться к наступлению в будущем, в то время как 3-я армия должна была начать наступление немедленно.

3-я армия, разделенная на два корпуса, теперь имела 10 дивизий в первой линии и 4—в резерве, 430 орудий тяжелых и средних калибров, 566 легких орудий и 584 миномета. 11-м корпусом командовал генерал Чилиани, а 7-м корпусом—генерал Феттони.

У противника здесь попрежнему действовала австрийская 5-я армия (генерала Бороевича), но силы ее возросли с 116 батальонов до 148.

На крайнем северном фланге позиции на Карсо имеется крутой обрыв к реке Виппакко, так что наступление на плато могло проводиться даже без сопровождения его действиями севернее реки, при условии нейтрализации батарей противника, расположенных севернее. Эта задача была возложена на артиллерию 2-й армии, которая должна была воспрепятствовать неприятельской артиллерии вести фланговый огонь по частям 3-й армии во время их наступления. С обеих сторон австрийские позиции на Карсо опирались на командующие высоты: это были Трстели на севере и Гермада на юге; последняя справедливо считалась позицией, командующей над подступами к Триесту. В случае падения Трстели 3-я армия могла бы почти без сопротивления быстро продвинуться до Комен и таким образом обойти противника как севернее Гермады, так и восточнее и юго-восточнее Горицы, позволяя 2-й армии развить фронтальное наступление на позиции Сан Марко. Однако, Трстели и Гермада были очень трудно доступными позициями; центр же имел менее серьезные препятствия, как естественные, так и искусственные, хотя и был подвержен фланговому огню с обеих высот, находящихся на флангах.

4 сентября верховное командование отдало приказ 2-й армии в день, назначенный для наступления, согласовать свой огонь с огнем 3-й армии; это означало, что она должна была открыть сильный огонь, чтобы создать впечатление, что итальянцы намереваются наступать на

фронте Горицы, и таким образом не позволить противнику посылать подкрепления против 11-го корпуса (3-й армии), на который было возложено нанесение главного удара в этой операции. Пехота 2-й армии не должна была атаковать, за исключением местных операций с ограниченной целью. Однако, 8-й корпус, действовавший на правом фланге 2-й армии, должен был находиться в готовности поддержать 11-й корпус, если ему удастся продвинуться значительно вперед, а впоследствии поддержать 26-й корпус, если последнему будет приказано атаковать Сан Марко.

3-я армия начала свое наступление 14 сентября; наступлению предшествовала длившаяся несколько дней интенсивная артиллерийская подготовка по австрийским окопам, пещерам и проволочным заграждениям. Когда стало казаться, что огонь достиг своих результатов, пехота 11-го корпуса в 9 часов утра бросилась вперед и скоро достигла значительных успехов на северном участке. Часть района Великий Крибах (высота 265) была захвачена гренадерами и бригадой Ломбардия; в центре части 13-го корпуса овладели было Нова Вас и высотой 208 северной, но под давлением неприятельских контратак вскоре вынуждены были их оставить; далее к югу бригады Брешия и Феррара быстро продвинулись вперед и вышли на восток от Оппакиазелла, а части 16-й дивизии (7-го корпуса) достигли высоты 144 и захватили часть ее. 16 сентября Гренадерская бригада, поддержанная Неаполитанской бригадой, достигла дальнейших успехов, захватив важные позиции на Сан Градо ди Мерна, в то время как 15-й берсальерский полк и части бригады Мачерата овладели частью южной высоты 208. В тот же день смешанный отряд, в составе 22-го пех. полка и 3 рот самокатчиков, атаковал еще не взятую часть высоты 144 с севера, а 132-й пех. полк вместе со спешенным Генуэзским кавалерийским полком — с запада; в результате этих атак противник был оттеснен с вершины горы и с северных ее скатов. Попытки гренадер и бригады Ломбардия продвинуться за Сан Градо на высоту 123 и полностью завершить овладение Великий Крибах не удались.

Итак, были достигнуты некоторые успехи и захвачено 4 500 пленных; итальянцы потеряли здесь 17 000 человек; но погода теперь настолько испортилась, что наступление пришлось приостановить. По словам генерала Кадорны, в седьмом сражении на Изонцо не было достигнуто больших успехов по следующим причинам: проходы в проволочных заграждениях были недостаточно широки, чтобы допустить быстрое вторжение пехоты; вторжение произошло медленнее, чем это возможно было даже в этих условиях; артиллерия проявила тенденцию переносить огонь на вторую линию, прежде чем первая линия была ею достаточно подавлена; видимость была настолько плохая, что невозможно было вести действительный огонь на разрушение и полностью использовать химические снаряды.

Пока 3-я армия устраивалась на вновь захваченных у противника позициях, генерал Кадорна приказал 2-й армии начать демонстративную бомбардировку, якобы в виде подготовки атаки позиций, находящихся против Горицы, а фактически с целью предупредить посылку противником дальнейших подкреплений на Карсо.

Войскам, действующим на Изонцо, была дана короткая трехнедельная передышка для отдыха и приведения себя в порядок, и затем они должны были начать новое наступление. Обе стороны укрепили свои новые позиции и провели широкие приготовления к дальнейшим операциям. Итальянское наступление должно было быть проведено 11-м и 13-м корпусами 3-й армии (на левом фланге и в центре) на Карсо во взаимодействии с 8-м корпусом (2-й армии), который должен был наступать севернее. Главными целями наступления 11-го и 13-го корпусов были горный хребет Фаити и Монте Тристель. 8-му корпусу генерала Руджери-Ладерки предстояло произвести попытку прорвать фронт на линии высот 98, 123 и 97. Так как было установлено, что перед 8-м корпусом имеется всего 13 батальонов противника, а против 26-го корпуса, находившегося севернее, 10 батальонов, то Кадорна отдал приказ, чтобы правый фланг 8-го корпуса действовал совместно с левым флангом 11-го корпуса и наступал вдоль линии Бильяр-Ранциано и затем, если сопротивление здесь будет сломлено, свернул влево, чтобы оказать поддержку действиям 26-го корпуса против Сан Марко. Вся артиллерия 2-й армии, которая по своему удалению могла стрелять по неприятельским укреплениям, находящимся против фронта 7-го, 8-го и 12-го корпусов, должна была открыть огонь.

После артиллерийской подготовки, длившейся с утра 9 до 10 октября после полудня, в 14 часов 30 минут под потоками проливного дождя пехота пошла в атаку. 11-я дивизия (8-го корпуса) захватила у австрийцев высоту 95, юго-восточнее Сан Пьетро в районе Горицы, и затем Монте Собер, а 12-я дивизия, действовавшая южнее, выдвинулась на высоту 86. Австрийцы перешли в контратаку на захваченные позиции, но были отбиты.

На Карсо 11-му и 13-му корпусам, несмотря на встреченное сильное сопротивление, удалось захватить позиции между рекою Виппакко и высотой 208 южной, включая селение Нова Вас. Правее 16-я дивизия сломила сопротивление противника на высоте 144 и достигла Ямиано, но вынуждена была под сильным огнем отойти от этого селения. 11 октября густой туман препятствовал всякой работе артиллерии, и были достигнуты лишь небольшие успехи вдоль дороги на Костаньевицу *, но контратаки противника, проведенные свежими частями, были успешно отбиты. Итальянцы продолжали упорно нажимать, и к 12 октября австрийцы были вынуждены очистить всю свою первую линию к востоку от Валлоне, а итальянцы, быстро продвигаясь ко второй линии, достигли восточных склонов Монте Печинка и окраинных домов Локвицы и Худи Лог. Вечером 12 октября операции были снова приостановлены. Итальянцы достигли вполне достаточного тактического успеха; было захвачено значительное пространство, 8 000 пленных, и австрийцам были нанесены тяжелые потери; некоторые австрийские части были полностью уничтожены. Однако, потери итальянцев также были весьма серьезные и больше, нежели во время седь-

---

* Не нужно смешивать этого селения с селением Кастаньевица близ Горицы.

мого сражения на Изонцо; сейчас они потеряли 19 000 человек в 3-й армии и 5 000 во 2-й армии.

После двухнедельной передышки началось третье осеннее наступление—девятое сражение на Изонцо. Оно должно было начаться даже раньше, но стоявшая все время плохая погода и вызванная ею плохая видимость заставляли неоднократно приостанавливать артиллерийскую подготовку. Наконец, 31 октября сделалось возможным открыть огонь с хорошими результатами, и 1 ноября пехота 26-го и 8-го корпусов перешла в атаку к востоку от Горицы. Некоторые позиции на западных склонах Сан Марко и к востоку от Вертойба (высоты 171 и 123 северная) были захвачены, но войска, с трудом наступавшие по пояс в грязи, попали под очень сильный огонь и были остановлены; в конце концов высоту 123 пришлось оставить.

На Карсо целью наступления была вторая линия противника к востоку от Валлоне, и на левом фланге действия завершились успехом; бригада Тоскана, в рядах которой служил Д'Аннунцио [28], овладела Великий Крибах и развила наступление дальше — до высоты 376, в то время как 1-й берсальерский полк и бригада Ломбардия взяли Монте Печинка и, кроме того, овладели высотами 278 и 308, находящимися еще восточнее. 4-я дивизия продвинулась на линию Печинка—Сегети и к высоте 202 на дороге Оппакиазелла—Костаньевица, но 13-й корпус на своем правом фланге не мог добиться сколько-нибудь ощутимых успехов. В ночь на 2 ноября противник повел контратаку на позиции, захваченные 11-м корпусом, но хотя австрийцам вначале и удалось захватить обратно высоту 278, однако, 2 ноября они были снова выбиты оттуда 126-м пех. полком и бригадой Феррара, и итальянцы возобновили свое наступление. На следующий день бригада Пинероло штурмовала сильно укрепленные позиции у Волковняк, а группа Тоскана—Ломбардия—такие же позиции у Доссо Фаити; здесь эти части и окопались. На крайнем левом фланге Неаполитанской бригаде удалось закрепить за собой высоты 123 за Сан Градо и 126 близ р. Виппакко. 4 ноября 13-й корпус пытался произвести обход на правом фланге в направлении на Село, но не добился своей цели, а лишь немного продвинулся вперед в район между Оппакиазелла и Костаньевица.

В этот же день, учитывая все еще продолжавшуюся плохую погоду и тяжелые потери, итальянское верховное командование приняло решение приостановить наступление. В общем были достигнуты немаловажные результаты. Было захвачено 9 000 пленных, и противнику были нанесены большие потери. Итальянцы потеряли в общей сложности 28 000 человек.

Эти три наступления, которые известны под названием седьмого, восьмого и девятого сражений на Изонцо, но которые необходимо рассматривать как три периода единого большого сражения, продолжались лишь по нескольку дней каждое. Генерал Кадорна, подобно его союзным коллегам, на опыте убедился, что наилучшие результаты достигаются при первых ударах, когда наступление подготовлено во всех подробностях, местность разведана и атакующие части еще свежи, тогда как на следующих этапах потери возрастают совершенно не-

пропорционально захватываемому пространству и войска очень быстро все более и более изматываются. Поэтому и практиковалось прекращение действий до того, как части окончательно выбьются из сил. Главнокомандующий намеревался поздней осенью провести еще одну наступательную операцию, но погода так сильно испортилась, что ему пришлось отказаться от этого намерения, ибо в районе Вертойба, между Горицей и Карсо, несколько солдат потонуло в грязи во время наступления.

Допустив итальянцев за первую и вторую линии своей обороны к востоку от Валлоне и вплотную к третьей линии в центре у Костаньевицы, австрийцы начали беспокоиться за безопасность всего своего положения. Генерал Бороевич писал в это время: «Зона, непосредственно прикрывающая Триест, становится все более тонкой, и с каждым новым шагом назад наш фронт все более вытягивается, требуя все больше и больше сил для его удержания». Генерал Людендорф утверждает, что эти наступательные операции и потери, которые понесла Австрия, помешали ей послать войска на румынский фронт. Общее число потерь в этих трех сражениях: 9 000 убитых, 43 000 раненых и 23 500 пленных и пропавших без вести.

Во время сражений на Изонцо велись также бои и в горном районе. К востоку от реки Адидже, между долиною Валь Терраньоло и Валларса, возвышается группа высот, состоящая из Пазубио и Коль Санто, по северной и западной сторонам которой протекают два потока Лено; этот массив граничит на юге с Пьян делле Фугацце, а на востоке с Колле делла Боркола. Средняя высота здесь 1 900 *м*, но Пазубио достигает 2 236 *м*, а Коль Санто — 2 114 *м*. Весною 1916 г. австрийцы захватили Коль Санто и продвинулись до Пазубио, которую они упорно атаковали, но не смогли захватить. Захваченные ими позиции они очень сильно укрепили и оказывали большое давление на итальянцев. Положение последних на Пазубио было очень затруднительным и необходимо было улучшить его. Первая атака, произведенная 10 сентября 44-й дивизией, не имела успеха ввиду чрезмерного распыления действовавших здесь сил, которые вели наступление как в районе Пазубио, так и несколько западнее — на линии Поццаккио, Монте Спиль. 9 октября была произведена вторая атака на более ограниченном фронте от Соги к пику 2059, Альпе Косманьон, плато между Косманьон и Ройте и Денте дель Пазубио (пик в группе Пазубио, занятый противником и находившийся против итальянских позиций на этой горе). Альпийские и берсальерские части с огромным трудом вскарабкались по почти отвесным впадинам в скате горы на Валларсу, спустились на Косманьон и, овладев 12 октября важным пиком 2043, продвинулись дальше на нижние склоны Ройте. В группе Пазубио альпийский батальон Монте Берико, под сильным огнем, поднялся при помощи лестниц на гору Денте и овладел нижней ее частью почти до вершины, в то время как батальоны Адамелло и Монте Суелло прорвались через оборонительные сооружения противника, атаковали и захватили пик 1895 и Панеттоне между Пазубио и Костоне делла Лора и окопались на этих вновь захваченных возвышенностях. 27 октября, после короткой передышки, боевые действия возобновились, и аль-

пийский батальон Аоста и бригада Лигурия блестящей атакой захватили всю гору Денте. Противник открыл по наступающим частям ужасающей силы огонь и заставил их отойти; они снова атаковали и захватили Денте; затем они еще раз ее оставили и вновь захватили, но в конце концов были вынуждены отказаться от этой добычи, так как позицию невозможно было удерживать. Части, захватившие Косманьон и Ройте, также приостановили свои атаки, так как в боях 19 и 20 октября выяснилось, что эти пункты очень сильно укреплены.

Так как на этих больших высотах теперь наступила зима, все операции крупного масштаба прекратились, и время от времени среди глубоких снегов происходили лишь мелкие отдельные стычки.

Далее к северо-востоку, в Доломитах, части 4-й армии, примерно, в это же время, провели другую горную операцию. Группа скалистых пиков с обрывистыми скатами, отделяющая долину Травиньоло от долины Авизио на севере и преграждающая вход в долины Чисмон и Ваной на юге, образовывала важный стратегический район; это была каменная пустыня с остроконечными пиками вышиной 2 000 с лишним метров, отделенными один от другого глубокими оврагами. Дорога с перевала Ролле, занятого итальянцами, спускалась к Предаццо (где сливаются потоки Травиньоло и Авизио), к Виго ди Фасса, проходу Косталунга, к Больцано и через Кавалезе на Ора, так что если итальянцам удалось бы прорваться, они отрезали бы сообщения австрийцев с Трентино по железной дороге через Бреннер. Австрийцы учли эту опасность и в то время, как вначале они занимали этот участок слабыми частями, позднее, как только им стало известно, что итальянцы готовятся атаковать на этом участке, они подвезли сюда значительные свежие силы.

Еще в июле итальянцы расширили захваченное ими пространство в районе проходов Ролле и Кольбрикон (у начала долины Валь Чисмон), на пике 2354 (к югу от Чима ди Чече) и на Кауриоль (в начале долины Ваной). Теперь итальянцы ставили перед собой цель расширить занятые ими районы и связать их между собой так, чтобы командовать над знаменитым Доломитским шоссе, ведущим по направлению к долине среднего Адидже. Операции начались 15 сентября, когда батальону альпийских стрелков Монте Роза удалось вскарабкаться на скалистый обрыв северо-восточнее горы Монте Кауриоль и после четырех энергичных атак овладеть сильно укрепленным хребтом, высотой 2 138 *м*, захватив на нем пленных и пулеметы. Отразив ряд повторных контратак в районе Кольбрикон, итальянцы захватили также пик 2094 у начала долины Валь Фоссервика, а 23 сентября тот же батальон Монте Роза, поддерживаемый батальоном Фельтра, овладел важной позицией на Монте Гардиналь (2 354 *м*) к северо-востоку от Монте Кауриоль, преодолев здесь упорное сопротивление противника. Немногие уцелевшие бойцы, оборонявшие позицию, были захвачены в плен, и альпийские стрелки окопались дальше к северу, за горой Монте Гардиналь. Австрийские контратаки большими силами продолжались до 28 сентября, но неизменно оставались без результата.

Новые позиции были укреплены и оборудованы, подступы к ним, очень трудные с итальянской стороны, были улучшены.

Восточный пик горы Кольбрикон (2 604 м) был еще с июля в руках итальянцев; в начале октября они предприняли новое наступление с целью овладеть вторым пиком этой горы. Этот пик был 2 октября захвачен отрядом берсальеров, превратившихся с этой целью в альпийских стрелков; затем они отбили ряд контратак и продвинулись на северные склоны горы Кольбрикон. 5 октября они овладели сильно укрепленными позициями на склонах горы Монте Костабелла в долине Сан Пеллегрино, а на следующий день батальон альпийских стрелков захватил пик 2435, на массиве Буза Альта в начале долины Ваной. Контратаки противника, продолжавшиеся с 6 по 8 октября, не имели успеха и стоили австрийцам больших потерь. 9 октября австрийцы, увеличив свои силы в этом районе до 33 батальонов, начали еще более решительное контрнаступление. После демонстративных действий на

Рис. 7. Подвоз пищи и огнеприпасов на горы собаками.

Чима ди Бокке (на северной стороне долины Травиньоло) австрийцы снова атаковали крупными силами второй пик горы Кольбрикон. Будучи отражены здесь, они еще раз атаковали Чима ди Бокке, где им удалось было захватить у итальянцев некоторые окопы, но они были из них немедленно снова выбиты. Этими различными действиями они надеялись привлечь внимание итальянцев к району долины Травиньоло, в то время как на самом деле они подготовляли более серьезную атаку на Буза Альта (в долине Ваной). Эта атака началась вечером 10 октября и была поддержана мощным артиллерийским огнем. Однако, берсальеры и альпийские части снова отбили противника, нанеся ему серьезные потери.

Затем операции и в этом районе были приостановлены ввиду наступления зимы.

Таким образом, в 1916 г. на итальянском фронте произошел ряд важных событий. Австрийское наступление в Трентино нанесло итальянцам большие потери в людях и артиллерии и принудило их отойти немного назад в горном районе к северу от Виченцы, но в конце концов оно было задержано, и итальянцы возвратили значительную часть потерянного ими пространства. Если даже итальянцы впоследствии и отказались от обратного овладения всей потерянной территорией, то это произошло потому, что тяжелые потери, которые неизбежно вызвала бы эта операция, не были бы оправданы ее результатами. Потери противника также были значительны, и хотя часть ранее захваченного района и осталась в руках у австрийцев к моменту окончания операций летом, все же «карательная экспедиция» как попытка прорваться через горный барьер и спуститься на Венецианскую равнину потерпела полную неудачу. Как показали последующие события, позиции, занятые австрийцами в этом районе, не дали им возможности прорваться даже после Капоретто.

На Изонцо итальянцы одержали важную материальную и моральную победу, захватив в августе город Горицу и его предмостные укрепления. Но сильно укрепленная вторая линия неприятельской обороны остановила дальнейшее наступление и не позволила полностью использовать достигнутые успехи. На Карсо, после ряда тщательно подготовленных операций, в которых было захвачено много тысяч пленных, итальянцы продвинулись вперед на 5 *км* ценою больших потерь, так как здесь австрийцы также организовали несколько последовательных линий обороны, что позволило им оказать упорное сопротивление, имея даже более слабые силы, и чрезвычайно замедлить наступление итальянцев.

Сражения на Изонцо потребовали огромного расхода огнеприпасов, которого итальянская промышленность в том состоянии, в каком она находилась в 1916 г., не могла восполнить так быстро, как это могли сделать австрийцы [29]. В то же время австрийская армия подверглась постепенному истощению, помешавшему ей сделать попытку оказать помощь германцам в их операциях на западном фронте и ослабившему австрийскую империю в целом настолько, что это подготовило ее окончательный распад, лишь временно замедленный событиями в октябре 1917 г. [30].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕСНА И ЛЕТО 1917 г.

В течение первых месяцев 1917 г., когда по условиям погоды невозможно было проводить крупные операции, было сделано многое для усиления и улучшения армии. Было полностью создано 8 новых дивизий, имевших в своем составе в общем 151 вновь сформированный батальон, из них 96 пехотных, остальные назначались для разных технических войск, органов снабжения и транспорта. Одновременно были сформированы новые батареи: 52 легких, 44 горных и 166 средних калибров. Число тяжелых орудий и орудий средних калибров возросло с 1 180 до 2 101. Число пулеметов, до тех пор весьма недостаточное, было значительно увеличено. Воздушные силы были усилены как в отношении количества и качества самолетов, так и в отношении подготовки летчиков. Производство снарядов и патронов было сильно ускорено. Усилия, которые проявила страна, имевшая еще слабую промышленность и сравнительно небольшое количество промышленных рабочих, являются действительно замечательными. Капитал, вложенный в военную промышленность, возрос с 100 миллионов лир [31] в 1915 г. до 1 332 миллионов лир в 1917 г., производство железа и стали возросло с 600 000 *т* почти до миллиона тонн, количество вспомогательных предприятий, производящих военные материалы, увеличилось с 125 при 115 000 рабочих в 1915 г. до 1 800 при 600 000 рабочих в 1917 г. Италия оказалась даже в состоянии экспортировать в другие союзные страны некоторое количество военных материалов, как-то: легкие орудия, самолеты, легковые и грузовые автомобили, ручное огнестрельное оружие и пр. [32]. Тем не менее общее количество выпускаемой военной продукции было все еще недостаточным для ведения крупных наступательных операций до победного конца.

На исходе 1916 г. в Шантильи было созвано еще одно совещание военных представителей союзных стран, на котором 15 и 16 ноября все согласились с французским предложением, что наступление на всех фронтах должно начаться более или менее одновременно, в феврале 1917 г. Однако, эти различные операции были согласованы только во времени, но даже и в этом отношении отдельные командующие имели право установить дату своего наступления в пределах трехнедельного срока и даже несколько продлить этот срок в зависимости от особой обстановки на своем фронте в данный момент. Кроме того, каждый сам выбирал объекты для своего наступления, не считаясь с объектами наступления других армий. Само собою разумеется, что это не вело к обеспечению действенного объединения усилий всех армий для достижения общей победы.

6 и 7 января 1917 г. в Риме состоялась пятая конференция политических и военных руководителей союзных стран, и здесь были внесены новые предложения [33]. Кадорна уже давно пришел к заключению, что для достижения победы в общем деле необходимо сосредоточить усилия различных армий не только по времени, но и в пространстве, т. е. иметь на всех союзных фронтах в общем ровно столько сил, сколько это необходимо для того, чтобы не позволить противнику прорвать фронт, и для того, чтобы сковать его резервы, но не больше, а все остальные наличные силы сосредоточить на определенном участке с тем, чтобы добиваться ими одной определенной цели. Другими словами, необходимо было отказаться от «линейной» войны, от вытягивания обеими сторонами на протяжении огромных фронтов армий, приблизительно равных друг другу в отношении живой силы и материальных средств, а нужно было перейти к методу массовых наступлений с сосредоточением превосходных сил на одном каком-либо сравнительно ограниченном участке. Для этого нужно было выбрать такой участок, на котором прорыв неприятельского фронта дал бы наибольший моральный и материальный эффект и где он наиболее вероятно мог бы привести к решительным стратегическим результатам.

Ллойд Джордж высказался за то, чтобы такой удар был нанесен на итальянском фронте, что создало бы диверсию и могло бы привести к далеко идущим результатам. Однако, британский и французский генеральные штабы возражали против ослабления западного фронта. Кадорна, будучи неофициально запрошен, конечно, высказался принципиально за предложение Ллойд Джорджа, хотя, естественно, он выдвинул ряд условий. Когда этот вопрос возник перед совещанием, французский и британский военные представители повторили свои возражения против этого плана, в то время как Кадорна не скрывал его трудностей, но утверждал, что если итальянская армия будет усилена несколькими французскими и британскими дивизиями и артиллерией, то весною можно будет предпринять наступление на юлийском фронте, и выразил уверенность, что оно может привести к прорыву фронта. Если Австрия, таким образом, окажется разбитой, Германия останется изолированной и вынуждена будет сдаться, что действительно и случилось в ноябре 1918 г. Для этой цели Кадорна вовсе не требовал громадного количества союзных войск, как это утверждают некоторые иностранные военные историки. Утверждение Жана де Пьерфе [34] в его книге «G.Q.G.»*, будто Кадорна выставил «невозможные» требования и сказал: «Дайте нам миллион солдат или ни одного», является полностью апокрифическим. Первоначально Кадорна полагал, что достаточно будет 8 дивизий и 300 тяжелых орудий; позднее он повысил эти цифры до 10 дивизий и 400 тяжелых орудий.

По мнению Кадорны, захват Лайбаха и Триеста, который он надеялся осуществить в случае получения указанных сил и средств, и открытие путей в незащищенную южную Германию привело бы к лучшим результатам в отношении окончания войны, чем прорыв на западном фронте, где важные военные объекты находились слишком далеко и где можно было достигнуть самое большее освобождения

* В главной квартире французской армии.

части захваченных германцами французских областей. Это несомненно было бы очень важным результатом, но скорее политическим, чем военным, и вряд ли принудило бы центральные державы к сдаче.

Но британский и французский генеральные штабы продолжали упорно возражать против участия в сколько-нибудь крупном масштабе в операциях на других фронтах, кроме западного. В крайнем случае они были готовы предоставить Италии 300 тяжелых орудий, но при условии, что эти орудия будут в апреле возвращены. Кадорна не соглашался на это, так как, по климатическим условиям, никаких важных операций на итальянском фронте нельзя было предпринять до апреля.

Отрицательное отношение британского и французского военных представителей заставило отказаться от плана, предложенного Ллойд Джорджем. Это не был вопрос личных или национальных трений с чьей-либо стороны, а просто расхождение между взглядами двух школ. Кадорна был сторонником принципа сосредоточения сил против слабейшего противника, а его английский и французский коллеги — принципа сосредоточения сил против сильнейшего. Когда этот план позднее снова был подвергнут обсуждению, генерал Фош писал Кадорне, что «британские и французские силы будут организованы в две отдельные армии, под Вашим командованием». Однако, эта идея не нашла отклика во Франции. Генерал Вильям Робертсон, который очень скептически относился к результатам крупной операции союзников на итальянском фронте, впоследствии признал, что «если бы, как этого хотел премьер-министр, англо-французские войска были посланы на итальянский фронт для проведения кампании против Австрии, то поражение Италии под Капоретто во всяком случае не случилось бы, даже если бы наступление союзников и не дало никаких важных результатов» *.

17 января 1917 г., вскоре после римского совещания, Кадорна представил итальянскому премьер-министру Бозелли доклад, более подробно излагавший его взгляды на возможность успешного наступления на юлийском фронте. Он начал с указания на то, что если удастся овладеть Триестом, а тем более долиной р. Савы, то можно достигнуть решительных результатов, с одной стороны, — вызвав серьезный кризис в Австро-Венгрии, а с другой стороны, — перенеся центр тяжести операций на юлийский фронт. Итальянская армия не располагала материальными средствами для такого наступления, союзники могли бы оказать ей помощь или только артиллерией или артиллерией и несколькими войсковыми соединениями. В первом случае, при наличии 3 000 орудий, операция на Изонцо могла бы быть проведена с большой силой, и в тоже время можно было бы нанести энергичный удар против Трентино. Таким образом, можно было бы одновременно прорвать оба фронта и использовать успехи путем маневра по внутренним линиям. Во втором случае действия были бы ограничены только юлийским фронтом, но проводились бы в гораздо более широком масштабе. В том и другом случае союзные войска должны были бы сосредоточиться в районе Горицы. В заключение он писал,

* „Soldiers and Statesmen“, т. II, стр. 252.

что «взаимодействие союзников на фронте Изонцо имело бы весьма важные последствия в общих интересах всей коалиции», и поэтому он просил итальянское правительство попытаться «убедить союзников, что ни один участок всего Западного театра военных действий не является для противника настолько чувствительным, как фронт на Изонцо, и что проведенное здесь мощное и энергичное наступление может вызвать у противника такую сильную реакцию, которая отвлечет его от всяких других наступательных намерений и благодаря которой проводимые одновременно на англо-французском фронте операции союзников сделаются более эффективными». Он настаивал на том, что, если союзники согласны оказать помощь итальянскому фронту, то эта помощь должна быть дана немедленно, и переброска войск должна начаться в середине февраля *.

Далее Кадорна добавляет в своей книге, что операции в августе и сентябре 1917 г. ослабили австро-венгерскую армию до такой степени, что если бы прибыли союзные подкрепления, можно было бы достигнуть решительных результатов, и Австрия была бы принуждена к капитуляции на год раньше, чем это случилось в действительности.

Но генеральные штабы союзников упорно оставались на своей точке зрения и отвергли предложения Кадорны. Де Пьерфе в его цитированной выше книге намекает на требование итальянцев, чтобы при осуществлении этих союзных операций общее командование было поручено итальянскому генералу. Пожалуй, у французов это был основной довод к отказу. Во время войны всегда практиковалось, что главное командование всякой смешанной союзной армии вверялось генералу той нации, чьи войска количественно были больше представлены в этой армии. На Изонцо, даже если бы союзники дали все просимые Кадорной 10 дивизий, итальянцы все же составляли бы подавляющее большинство войск, и командование должно было быть поручено итальянскому генералу. Этого французы не могли стерпеть. Мотивом отказа англичан было просто нежелание снимать еще войска с западного фронта, кроме тех, которые они уже послали на второстепенные фронты — в Македонию, Палестину, Ирак и т. д.; словом, «западники» взяли верх над «восточниками».

Союзники все же дали итальянцам для операций немного артиллерии — не 300 орудий, которые были предложены и от которых итальянцы отказались, так как эти орудия были предложены на такой период, когда на фронте не было никаких операций, — а 16 батарей британских 152-*мм* гаубиц и 35 французских орудий, большей частью тяжелых. В начале осени, во время сражения на плато Байнзицца, Италии были посланы еще 102 французских орудия, но как только эта операция закончилась, они были взяты обратно вместе с 99 британскими и французскими орудиями, присланными раньше. Очень любопытно, что нейтральный наблюдатель, швейцарский полковник Эгли, пишет, что Италия получила 1 500 британских и американских орудий **, тогда как на самом деле даже ко времени сражения на Байнзицце в Европе высадилась всего только одна американская дивизия,

* Cadorna, La Guerra alla Fronti Italiana, т. II, стр. 34—39.
** Karl Egli, Das vierte Jahr und der Schluss des Weltkrieges, стр. 42.

и ни один человек и ни одно орудие не прибыли из Америки в Италию (единственная американская часть, когда-либо бывшая в Италии, это пехотный полк, присланный перед самым концом войны).

Уже некоторое время ходили слухи о возможном наступлении противника на итальянском фронте, и во время операций осенью 1916 г. Кадорна отдал 3-й армии приказ о принятии подготовительных мер против такой возможности. Как он заключил из своих переговоров с Нивелем и Робертсоном, генеральные штабы союзников, видимо, полагали, что наилучшей помощью Италии будет наступление на их собственных фронтах; но, как указывал Кадорна, вряд ли операции на других фронтах могли оказать особую пользу итальянскому фронту, который был так изолирован и так удален от других фронтов, что прошло бы довольно много времени, прежде чем результаты этих операций дали себя почувствовать и прежде чем подоспела бы помощь, если бы в ней была нужда *. Он доложил об этом разговоре премьер-министру, сделав вывод, что в предстоящем наступлении Италия должна полагаться только на себя и что необходимо мобилизовать «всю нашу энергию и все наши ресурсы». Главное, замечает он, нужно напрячь силы в моральном отношении. О том, как правительство поднимало эту моральную энергию страны, стало известно через несколько месяцев.

В течение первых месяцев 1917 г. положение Антанты в целом, конечно, не улучшилось. 1 января германцы объявили неограниченную подводную войну, которая должна была создать весьма серьезную угрозу морским сообщениям союзников, хотя впоследствии оказалось, что благодаря объявлению этой подводной войны в мировую войну была втянута Америка, что намного увеличило силы Антанты. В марте произошла русская революция, и с нею военная мощь России, уже потрясенная весной 1915 г. под Горлицей [35] была совершенно уничтожена. Теперь Италии пришлось полностью принять на себя силу удара всей австрийской армии, за исключением нескольких слабых и утомленных дивизий, оставленных на русском фронте, и нескольких небольших частей в Македонии и Румынии. В марте же генерал Нивель начал свое давно ожидаемое и давно подготовлявшееся наступление на западном фронте, но так как германцы еще до этого отошли на 50 *км* назад на сильно укрепленные позиции между Аррасом и Суассоном, союзникам пришлось затратить еще один месяц на подготовку к дальнейшему наступлению, так что фактически наступление началось лишь 16 апреля. Компенсацией для Антанты был последовавший 3 марта разрыв отношений между США и Германией, за которым последовало объявление США войны Германии.

Итальянское наступление началось 12 мая. Некоторые иностранные военные историки считают, что оно слишком запоздало. Так, например, Сиврие пишет: «Несмотря на неоднократные просьбы, основанные на самых веских и разумных доводах, Россия и Италия чего-то ждали, в то время как Франция и Англия яростно атаковали грозные германские позиции [36]. Только 14 мая Кадорна решился начать общее на-

---

* Cadorna, La Guerra alla Fronti Italiana, т. II, стр. 40.

ступление на Изонцо и на Карсо» *. Это утверждение может ввести в заблуждение и является неточным. Как мы видели, в Шантильи было решено, что наступательные операции отдельных союзников должны были быть подготовлены к 15 февраля, но каждый командующий имел право начать наступление на три недели позднее, причем и этот срок мог быть еще немного продлен.

Пока союзники подготовляли операции, произошли различные события, которые побудили их всех отложить начало действий. 9 февраля германцы начали свой отход на «позицию Зигфрида»; через месяц произошла русская революция, и почти в это же время итальянская разведка донесла о сосредоточении новых значительных масс артиллерии на плато Тонецца и Азьяго и о наличии резервов в долине верхнего Адидже. Поэтому наступление генерала Нивеля во Франции было отложено и началось только 16 апреля; даже и эта дата казалась преждевременной, так как ввиду исключительно плохой погоды следовало бы отложить наступление еще на некоторое время. Чтобы не выходить из рамок установленного с общего согласия трехнедельного срока, генерал Кадорна должен был начать наступление 7 мая. В самом деле, уже 12 апреля, убедившись в отсутствии угрозы австрийского наступления в Трентино **, он отдал приказ начать наступление на Изонцо 7 мая. Вследствие плохой погоды операция была отложена лишь на 5 дней сверх того трехнедельного срока, который был установлен в Шантильи. Во всяком случае небольшая разница в датах начала наступлений французов и итальянцев не могла принести вред, так как ни один боец и ни одно орудие австрийской армии не были переброшены с итальянского фронта на франко-германский. Кроме того, французское наступление с самого начала потерпело полную неудачу, и 5 мая, т. е. еще до начала итальянского наступления, оно уже преждевременно выдохлось. Разочарование во Франции было настолько велико, что в значительной части французской армии вспыхнул ряд весьма серьезных волнений. Пенлеве, бывший в то время военным министром, впоследствии заявлял, что в начале июня между Суассоном и Парижем было всего лишь 2 дивизии, на которые можно было полностью рассчитывать, если бы германцы перешли в наступление ***.

Таким образом, французская армия переживала моральный кризис, такой же, как Италии предстояло пережить у Капоретто, но, к счастью для Франции и для ее союзников, этот кризис не совпал по времени с каким-либо большим наступлением противника [37]. Кроме того, была введена строжайшая цензура, так что прошел долгий срок, прежде чем кто-либо из людей, находившихся вне охваченных волнениями районов и не входивших в состав волновавшихся частей, узнал об этих событиях.

Генерал Петэн, сменивший генерала Нивеля немедленно вслед за неудачей его наступления, должен был ограничиться сначала реоргани-

---

* «Pages de vérité» (sic), стр. 126.

** Генерал Конрад действительно предлагал провести в январе австро-германское наступление на фронтах Плеццо и Трентино, но его предложение было отвергнуто, и в скором времени после этого он был смещен со своего поста начальника генерального штаба.

*** «Le Petit Parisien», Jan. 21, 1922.

зацией своих сил, прежде чем думать о дальнейших активных операциях. Действительно, только в конце октября он почувствовал, что может потребовать от своих солдат дальнейших боевых усилий, и этими первыми усилиями были сравнительно второстепенные действия, известные под названием сражения у Мальмезона.

Деятельность Кадорны в первые месяцы 1917 г. необходимо разбить на два периода: в первый — он был занят принятием необходимых мер против возможного наступления противника, которое, по данным итальянской разведки, было неизбежно, а во второй — он подготовлял и проводил свое собственное весеннее наступление на Изонцо. Так как зимой операции в Трентино были невозможны, резервная артиллерия 1-й армии и вновь сформированной 6-й армии * была переброшена на Изонцо. 4 марта была создана Горицкая группа войск в составе 6-го, 26-го и 8-го корпусов, переданных из 2-й армии; позднее этой группе был также передан 2-й корпус, и, таким образом, она объединила все войска, действовавшие между Монте Кук и Монте Санто. Командование группой было возложено на генерала Капелло, который отличился в подготовке и проведении наступления против Горицких предмостных укреплений. Во 2-й армии был оставлен один лишь 4-й корпус, а впоследствии ей был придан еще 12-й корпус (из Карнийской группы). Командующий группой приказал, чтобы, в случае наступления противника, войска отражали его, не подвергая себя чрезмерным потерям, и держались на занимаемой первой линии, пока это возможно, а затем отходили на линию главного сопротивления, которая проходила через Саботино, Горицу и предмостную позицию у Лючинико, по Изонцо, на предмостные укрепления у Савоньи, восточнее долины Валлоне, и, далее, через высоты Над Логем, 208 южная и 144.

5 апреля Кадорна создал оставленную в непосредственном подчинении верховного командования важную резервную группу, в которую вошли 19-й, 24-й и 26-й корпуса и 12-я, 54-я, 57-я и 60-я дивизии (всего 10 дивизий).

Но тем временем признаки угрозы наступления со стороны противника уменьшились, и Кадорна отдал приказ Горицкой группе и 3-й армии о новом итальянском наступлении. Операция должна была быть разбита на три этапа: первый — сильная артиллерийская бомбардировка по всему фронту на Изонцо от Тольмино до моря; второй — атака войсками Горицкой группы высот между Плавой и Горицей; особенно Монте Кук, Монте Водиче, Монте Санто и Монте Сан Габриеле и высот к востоку от города; третий—наступление 3-й армии на фронте от реки Виппакко до моря с целью продвижения на Монте Гермада, которая командовала над подступами к Триесту.

Горицкая группа имела в своем составе 12 дивизий, 140 легких батарей, 528 тяжелых орудий и 67 минометных батарей; в 3-ю армию, которой командовал герцог Аоста, входило 16 дивизий, 190 легких батарей, 530 тяжелых орудий и 63 минометных батареи.

---

* Она была создана после австрийского наступления в мае 1916 г. и состояла из войск, действовавших на плато Азьяго и в долине Вальсугана.

Противник также увеличил свои силы еще на 4 корпуса, из которых два действовали на Карсо под командованием генерала Вурм, одного из лучших австрийских командующих. Все австрийские войска, составлявшие 5-ю армию генерала Бороевича, состояли из 215 батальонов, 915 легких и 410 тяжелых орудий, не считая минометов. Еще один корпус был придан ему на плато Байнзицца, а позднее были подвезены еще подкрепления и орудия, снятые с русского фронта, который уже начинал разваливаться. В одном отношении австрийцы имели преимущество перед итальянцами — в изобилии снарядов. Дальше мы увидим, как это повлияло на ход операции.

Артиллерийская подготовка началась на рассвете 12 мая, как и было намечено, и длилась на всем фронте двое суток, до полудня 14 мая, когда началась пехотная атака на участке от Плавы до Горицы. Бригада Удине заняла приступом высоту 383 восточнее Плавы (эта высота также называется Квота Монтанари, по фамилии павшего здесь в бою храброго генерала); бригада Флоренция овладела отрогом горной системы Кук, а бригада Авеллино сломила сопротивление у Загоры и овладела частью фортов Загомила. 230-й пех. полк (бригады Кампобассо) с трудом взобрался на Монте Санто и достиг развалин монастыря на вершине горы. Далее к югу бригада Мессина захватила высоту 174, что севернее Тиволи (к востоку от Горицы), и высоту 126 возле Грацины, однако, обе эти позиции пришлось оставить под напором сильной контратаки противника. В течение ночи батальону берсальеров и батальону альпийских стрелков удалось внезапно переправиться через реку Изонцо между Лога и Бодрез и занять на том берегу временную предмостную позицию для прикрытия переправы остальных частей.

15 мая, после короткой паузы, бой возобновился с прежней силой, и, несмотря на энергичное сопротивление австрийцев, 2-й корпус генерала Бадольо достиг вершины Монте Кук и седловины Водиче и прочно закрепился на захваченных позициях. В течение следующей недели сражение непрерывно продолжалось с прежней яростью; австрийцы несколько раз переходили в контратаку на позиции Водиче, но всякий раз неизменно отбрасывались 53-й дивизией генерала Гонцага. Из прочих достигнутых успехов заслуживают внимания: захват высоты 363 к востоку от Плавы, захват Глобны, Пальево, всего хребта Кук-Водиче и некоторых позиций на высоте Грацинья и возле Горицкого кладбища.

В ночь на 19 мая предмостная позиция у Бодрез, отслужившая свою службу, была оставлена без всякого давления противника.

В результате этого сражения итальянцы овладели всем массивом, отделяющим Изонцо от глубокого дефиле южнее Анговo. Линия итальянского фронта теперь была вынесена вперед и проходила по гребню высоты 363, через Монте Кук (611), по высотам 592 и 652 на Водиче, через седловину у высоты 503, по восточным склонам Монте Санто (вершина этой горы была захвачена на некоторое время, но ее не удалось удержать) и сливалась со старыми позициями против Изонцо. Было захвачено свыше 7 000 пленных, а также большое количество разного рода трофеев.

Рис. 8. Ходы сообщения на снежных вершинах гор.

Попытка противника отвлечь силы путем атак в районах Вальсугана, Азьяго и Пазубио и в некоторых других местах была повсюду отбита.

Третий период операции на Изонцо начался 23 мая новым наступлением на Карсо. Кадорна намеревался одновременно еще раз попытаться атаковать Монте Санто и Сан Габриеле, северо-восточнее Горицы, но недостаток снарядов сделал эту двойную операцию невозможной. Число орудий, особенно тяжелых, значительно возросло, но нехватка снарядов значительно ослабила это преимущество. 17 мая Кадорна вынужден был отдать приказ, чтобы артиллерия средних калибров и тяжелая не применялась, за исключениеме наступательных операций или атаки противника крупными силами. Поэтому он решил ограничиться наступлением только на участке между Виппакко и морем, т. е. в районе 3-й армии.

Артиллерия открыла огонь 23 мая в 6 часов и основательно разрушила неприятельские позиции, которые были уже до этого повреждены, а в 16 часов того же дня пехота перешла в атаку. На левом фланге 11-й корпус должен был вести демонстративные действия с целью сковать противника на высотах восточнее горы Волковняк и на высотах 370 и 363. В центре и на правом фланге, т. е. между Констаньевица и берегом моря 13-й и 7-й корпуса перешли в решительное наступление, стремительной атакой овладели первой линией обороны и заняли район к югу от дороги Костаньевица — Худы Лог; затем атакующие обошли позиции у Худы Лог, продвинулись за Лукатич, достигли Ямиано и овладели высотами 92, 77, 58, купальнями к востоку от верфей «Адриа» и высотой 21 на крайнем правом фланге. В этой операции приняло участие около 130 самолетов, которые забрасывали позиции противника бомбами и обстреливали их пулеметным огнем.

На следующий день сражение продолжало развиваться. Австрийцы без конца переходили в контратаки, но неизменно отбивались, и ни одна из захваченных у них позиций не была отдана им обратно. 25 мая была проведена чрезвычайно энергичная атака на очень сильно укрепленные позиции у Флондар и, несмотря на стойкую оборону, итальянцам удалось прорваться и быстро продвинуться на склоны трудно преодолимой Монте Гермада, главного оплота обороны Триеста. Итальянцы достигли селения Сан Джованни и Медеацца, захватили 2 000 пленных, и в тот же день весь выступ Худы Лог перешел в руки итальянцев. В следующие дни были достигнуты еще некоторые дальнейшие успехи, и 26 мая частям 4-й дивизии удалось захватить переходившее из рук в руки селение Костаньевица. Однако, противник сосредоточил по этому селению сильный артиллерийский огонь и принудил итальянцев оставить развалины деревни. 26 и 27 мая 13-й корпус с боем пробивался вперед, отражая все контратаки противника, а 7-й корпус достиг устья реки Тимаво, где взял около 800 пленных. Находящуюся за рекой, также ранее захваченную высоту 28 пришлось оставить.

29 мая происходили еще небольшие боевые стычки, но сражение уже шло на убыль, и войска приступили к организации обороны на

вновь захваченных позициях. В общей сложности в операциях на Карсо было захвачено 16 000 пленных, не считая 6 000, захваченных в районе Горицы, и на фронте Карсо части продвинулись вперед на 2—4 *км.*

Австрийцы были особенно встревожены итальянским наступлением в направлении на Гермаду, которая была самым чувствительным участком в этой части фронта. Бороевич признает, что операция в мае 1917 г. была первым тяжелым ударом, нанесенным австрийцам в этом году, и когда командование австрийским юго-западным фронтом запросило его, может ли он еще гарантировать безопасность Триеста, он ответил, что положение итальянцев в направлении к морю сделалось настолько угрожающим, что необходимо предпринять контрнаступление. Тогда ему дали 3 свежие дивизии: 35-ю и 12-ю пехотные и 21-ю ландверную Тирольскую, и 4 июня он повел мощное наступление против итальянской 3-й армии. Итальянские войска, сильно измотанные в беспрерывных 23-дневных боях, в которых они понесли очень большие потери, и занимавшие между Фаити и морем еще незаконченные полевые позиции, были оттеснены назад, и значительная часть пространства, захваченного у австрийцев в предшествующие дни, была отдана обратно. Итальянцы энергично контратаковали и везде восстановили свое положение. В этот же день позиции, занятые 23-м корпусом генерала Диац, сменившим между Верзик и Ямиано 12-й корпус, были также атакованы, но здесь австрийцам не удалось добиться никаких успехов.

Южнее австрийцы атаковали свежими частями итальянскую 20-ю дивизию, захватили врасплох часть, охранявшую два железнодорожных тоннеля к северу от Сан Джованни на линии Монфальконе—Триест, и большую часть солдат захватили в плен. Этот эпизод привел к падению всего итальянского фронта на территории захваченной во время майского наступления на крайнем правом фланге, и итальянские части были вынуждены отойти в свои исходные окопы. Как писал Кадорна, хотя здесь были проявлены бесчисленные примеры исключительной храбрости, но «ради исторической правды, мы должны признаться, что в некоторых частях имели место случаи, достойные сожаления». В этом контрнаступлении австрийцы захватили 25 000 пленных, главным образом в районе Флондар—Гермада; это «убедило верховное командование, что в настроении войск что-то изменилось вследствие той разлагающей пропаганды, которую вели крайние партии. Верховное командование не преминуло в той же первой половине июня несколько раз сообщить правительству о своих опасениях в связи с этим, к чему я еще вернусь в дальнейших моих работах *.

Всего итальянцы потеряли 36 000 убитыми, 96 000 ранеными и 25 000 пленными. Австрийцы понесли также серьезные потери—около 100 000 убитыми и ранеными и 24 000 пленными. Важные успехи были достигнуты на горном массиве Кук и Водиче и на Карсо. Однако, командующие позиции Монте Санто, Сан Габриеле, Пановиц и Розен-

---

* Cadorna, La Guerra alla Fronti Italiana, т. II, стр. 70—71. Труд, о котором Кадорна здесь упоминает, еще не издан.

таль, а также подступы к Гермаде, остались в руках у противника, что ослабляло достигнутые на Карсо преимущества.

Итальянцы уже сделали больше, чем они должны были сделать для союзных операций в первой половине 1917 г. Десятое сражение на Изонцо, продолжавшееся с 12 мая по 4 июня, сопровождалось более тяжелыми потерями, чем наступление Нивеля, и принесло несколько более ощутимые результаты, даже если и не привело к решительному успеху. Французы теперь, повидимому, не были расположены к наступательным действиям крупного масштаба до следующего года, когда должна была проявить себя вся сила выступления Америки. На западном фронте англичане одни продолжали упорно и без устали атаковать. Генерал Кадорна также не был особенно удовлетворен достигнутыми частичными успехами и решил начать еще одно наступление, как только он организует свои новые позиции и получит необходимые подкрепления и боеприпасы. На сей раз наступление должно было вестись на плато Байнзицца, северо-восточнее Горицы.

Начав подготовку к новому наступлению на Изонцо, Кадорна одновременно приказал 6-й армии провести небольшую операцию на горной группе Ортигара. Итальянское контрнаступление в июне 1916 г., хотя и было в значительной мере успешным, все же оставило в руках у австрийцев сильную линию обороны вдоль вершин Монте Ортигара, Монте Кампиголетти, Монте Киеза, Монте Форно, Монте Коломбара и Монте Цебио, к югу от долины Вальсугана; сохранение этой линии позволило австрийцам вести операции против долины Валь д'Асса и Валь Гальмарара. Эти позиции представляли собой постоянную угрозу итальянскому тылу в Кадоре, в Карнии и до известной степени даже на Изонцо, и было весьма желательно по возможности устранить эту угрозу. 6-й армией, которая должна была провести эту операцию, командовал генерал Мамбретти. 20-й корпус генерала Монтуори должен был прорвать фронт противника на Монте Ортигара и Монте Форно, а 22-й корпус генерала Негри должен был действовать южнее, между Чима Цебио и Монте Москиаг. После того, как на фронте противника образуются два прорыва, 20-й корпус должен был пройти через них и овладеть всем северным краем плато в направлении долины Вальсугана, а 22-й корпус должен был достичь восточного края нижней долины Валь Гальмарара. 26-й корпус генерала Фаббри и 18-й корпус генерала Этна должны были оказывать поддержку.

Утром 10 июня артиллерия открыла огонь, и в 15 часов пехота бросилась в атаку. 52-я дивизия (18 лучших альпийских батальонов) и 29-я дивизия (12 пехотных батальонов) атаковали на Ортигара и Монте Форно; батальоны Бассано и Арошо, после отчаянной рукопашной схватки захватили проход Пассо дель Аньелла, взяв в плен оставшихся еще в живых его защитников, а батальоны Монте Бальдо, Валь д'Эллеро и Монте Клапьер овладели на Ортигара пиком 2101. Солдаты сражались отлично, но потери были ужасающе велики; были убиты почти все офицеры. Между тем батальоны Сетте Комуни и Верона пытались было овладеть вершиной горы Ортигара (2 105 *м*), но были задержаны все еще нерасстроенной обороной противника, а также проволочными заграждениями, которые артиллерии не удалось разрушить.

Рис. 9. Лестница, ведущая к окопам на горе Тофана на Кадорских Альпах.

При поддержке остатков других батальонов эти батальоны под начальством генерала Ди Джорджо в этот и в следующие дни снова атаковали пик 2105, но безуспешно и с серьезными потерями на обеих сторонах. За один день 10 июня итальянцы потеряли 122 офицера и 2 154 солдата.

Далее к югу батальоны 1-й и 2-й альпийских групп безрезультатно атаковали Монте Кампиголетти и Костоне Понари; не более удачными оказались и попытки частей 29-й дивизии овладеть Монте Форно, которую они захватили и снова потеряли; также неуспешны были и действия частей 22-го корпуса против неприятельских позиций между Монте Цебио и Монте Москиаг.

19 июня две группы генерала Ди Джорджо (8-я и 9-я), усиленные двумя батальонами 4-го пех. полка, повели хорошо организованную атаку на вершину горы Ортигара и овладели последней, захватив 1 000 пленных. Но Монте Кампиголетти и другие позиции к югу от Ортигара, несмотря на неоднократные атаки, все еще держались, и группа Ди Джорджо очутилась в очень опасном положении, почти отрезанной, имея очень неудовлетворительные сообщения с тылом и находясь под убийственным огнем. С изумительной стойкостью эти части в течение нескольких дней удерживали позиции, но 25 июня, после еще более интенсивной неприятельской бомбардировки, которая разрушила импровизованные укрепления и отрезала все оставшиеся пути в тыл, сильные австрийские резервы под командой генерала фон Гойгингер перешли в энергичную атаку, в то время как ударные команды с огнеметами и ручными гранатами бросились на штурм вершины. На обрывистом пике завязалась отчаянная схватка. Альпийцы и пехотинцы разделились на мелкие группы и отчаянно сопротивлялись до тех пор, пока, наконец, не были перебиты. Таким образом, Ортигара была потеряна, а через 4 дня был также оставлен и сделавшийся теперь незащищенным проход Пассо дель Аньелла. 25 июня итальянцы потеряли в общей сложности 2 989 убитыми и ранеными и 2 644 пропавшими без вести; однако, из последних еще около 800 человек, вероятно, были также убиты, так как австрийские донесения говорят о захвате только 1 800 пленных. За всю операцию 52-я дивизия, которая вынесла главную тяжесть боев, потеряла 657 офицеров и 15 182 солдата, а австрийцы—307 офицеров и 8 985 солдат.

В целом, это был чрезвычайно неудачный бой, в котором альпийские части принесли себя в жертву. Генерал Кадорна приписывает неудачу отчасти некоторым ошибкам командования в руководстве операцией и неблагоприятным условиям погоды, которые мешали итальянской артиллерии вести огонь по неприятельским укреплениям; кроме того, он объясняет неудачу результатами той же самой мятежной пропаганды, которая уже давала себя чувствовать во время австрийского контрнаступления на Карсо в начале июня. Однако, добавляет он, на некоторые части, особенно на альпийских стрелков 52-й дивизии, которые понесли наибольшие потери, этот агитационный яд не оказал никакого действия. «Это было,—говорит он,—за четыре месяца до Капоретто, но некоторым явлениям, вся сила которых проявляется внезапно, всегда предшествуют за более или менее про-

должительный промежуток времени симптомы, которые должны рассматриваться как тревожные сигналы; верховное командование так и смотрело на них» *.

Некоторые круги также считали ошибкой проведение массовых операций альпийскими частями, особые и превосходные качества которых дают наибольший эффект в отдельных действиях небольшими группами, где решающее значение имеет личная инициатива.

На других фронтах в этот третий квартал 1917 г. обстановка сложилась также неблагоприятно. В июле началось наступление Керенского, которое после непрочного успеха закончилось катастрофой и было, в сущности, самой последней вспышкой жизни русской армии. В то время развал русской армии непосредственно не отозвался на обстановке на западном фронте, так как германцы уже давно сосредоточили во Франции почти все свои самые боеспособные части. В России же, даже после полной дезорганизации русской армии, они продолжали еще держать значительное количество второочередных частей для захвата у России как можно большей территории. Однако, для австрийцев отпадение России означало избавление от постоянной угрозы и возможность сосредоточить на итальянском фронте почти всю свою армию. Уже во время операций на Изонцо, в мае-июне, итальянцы начали чувствовать влияние этого выхода России из союзных рядов в усилении давления австрийцев, которые, как мы видели, начали снимать с восточного фронта войска и орудия.

---

* Cadorna, La Guerra alla Fronti Italiana, т. II, стр. 75.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БАЙНЗИЦЦА

(Схема 13)

Генерал Кадорна решил вторично в 1917 г. возобновить наступление в большом масштабе, и 18 августа началось то, что Хэг впоследствии назвал блестящим действием по ту сторону Изонцо.

Генерал Бороевич, хотя и был усилен еще тремя дивизиями и артиллерийской бригадой, которые должны были вдохнуть новую жизнь в его сильно деморализованные части, больше помышлял об отходе за долину Киаповано. Но генерал Гойгингер доказывал Бороевичу огромный риск такого движения и настаивал на удержании занимаемых позиций на восточном краю плато Байнзицца, так как полагал, что итальянские войска теперь утомлены в результате недавно понесенных ими трудов; в конце концов Гойгингер убедил Бороевича придерживаться именно такого образа действий.

Последовавшее затем сражение, иногда называемое одиннадцатым сражением на Изонцо, но более известное под названием сражения на Байнзицца, по имени плато, где происходили самые ожесточенные бои, велось на фронте от Тольмино до устья реки Тимаво. Имея в виду большое количество частей и орудий, участвовавших в этом сражении, можно считать, что оно было самым крупным сражением из всех проведенных до того времени на итальянском фронте. Генерала Кадорну побудили начать это наступление следующие четыре причины.

1. Проведенное прошедшей весной десятое сражение на Изонцо привело, как мы видели, к захвату нескольких важных позиций, в частности горного массива Кук Водиче, но эти успехи остались изолированными и, несмотря на огромные усилия и тяжелые потери, их общий результат был далеко не полным. Плато Байнзицца, между рекой Изонцо (против Плавы) и широкой долиной Киаповано, затем трудно доступные высоты к востоку от Горицы, так часто и безрезультатно атакованные, и наконец, линия Трстели—Гермада образуют ряд естественных бастионов и валов, прикрывающих среднее и нижнее течение Изонцо, и если бы их удалось отнять у противника, то они явились бы наилучшим прикрытием всего фронта Юлийских Альп против наступления австрийцев, которое считалось вероятным в виду развала русского фронта и в связи с этим усиления военного положения Австро-Венгрии. Для наступательных целей захват этих позиций привел бы к захвату опасной предмостной позиции у Тольмино и открыл бы путь к дальнейшему и, быть может, решительному наступлению в глубь неприятельской страны.

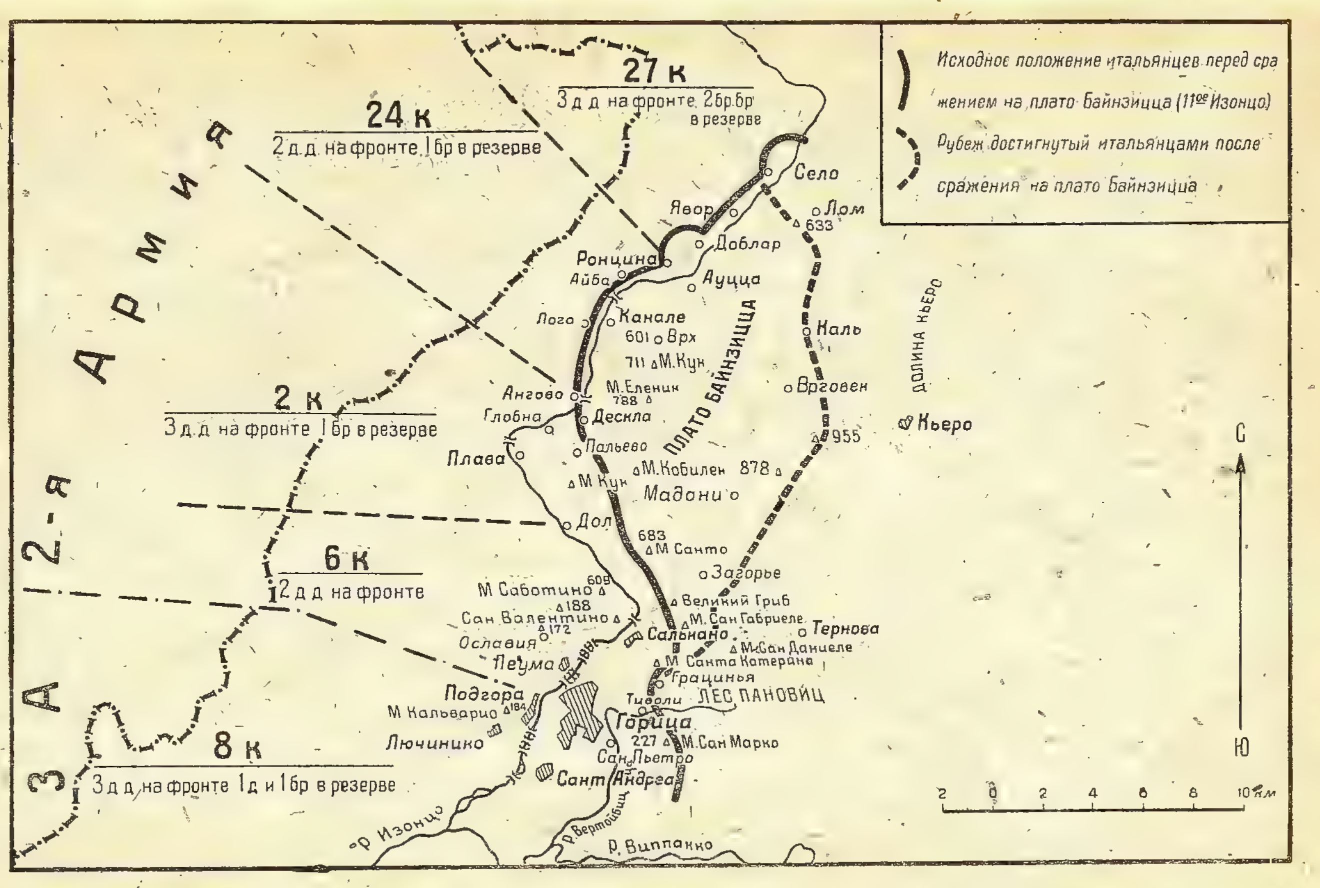


Схема 13. Сражение на плато Байнзицца в августе—сентябре 1917 г. (одиннадцатое сражение на Изонцо).

2. На различных межсоюзных конференциях Италия взяла на себя обязательства увязывать свои операции с операциями, которые теперь должны были проводиться на франко-британском фронте. На июльском совещании прочие командующие союзных армий просили Кадорну до наступления зимы провести два больших наступления, а если недостаток в резервах или нехватка снарядов не позволяют этого, то по крайней мере провести хотя бы одно.

3. Сведения о трудностях внутреннего положения центральных держав, в особенности Австрии, породили убеждение в том, что новый успешный натиск на противника может принудить его к капитуляции.

4. Наконец, общее состояние страны и политическое положение делали нежелательным длительное бездействие. Настроение итальянского народа было в то время очень подавленным. Общественное мнение разделилось. Ужасающие потери, развал России, кажущаяся невозможность добиться решительных результатов и лишения, которые переносило гражданское население,—все это способствовало широкому распространению среди населения «пораженчества». «Победа в сражении на Байнзицца,—писал позднее в своем письме от 2 сентября министр Биссолати капитану Галларате-Скотти,—спасла страну от развала».

Распоряжения о подготовке к новому наступлению начали отдаваться еще 28 мая, немедленно вслед за прекращением весеннего сражения, а сама подготовка началась несколько позднее. Верховное командование начало сосредоточивать все свободные силы на юлийском фронте, и к 18 августа во всем Фриуле было сосредоточено всего 51 дивизия, силой в 600 батальонов, из общего количества 887, и около 5 000 орудий всех калибров и минометов.

Горицкая группа после весеннего наступления была расформирована, и 2-я армия была восставлена в составе 6 корпусов (26½ дивизий) под командованием генерала Капелло. 4-й корпус (3 дивизии на фронте и бригада в резерве) был развернут на участке от Плеццо до предмостной позиции у Тольмино, 27-й корпус (3 дивизии на фронте и 2 бригады в резерве)—от Тольмино до Ронцина, 24-й корпус (2 дивизии на фронте и бригада в резерве)—от Ронцина до Ангово, 2-й корпус (3 дивизии на фронте и бригада в резерве)—от Ангово до седловины Дол, 6-й корпус (2 дивизии на фронте)—от седловины Дол до Пановиц и, наконец, 8-й корпус (3 дивизии на фронте и 1 дивизия с бригадой в резерве)—от Пановиц до реки Виппакко. 4-й, 2-й, 6-й и 8-й корпуса были расположены главным образом на левом берегу Изонцо, а 27-й и 24-й корпуса—между Плавой и западными склонами Монте Санто. 8-й корпус составлял в некоторой степени отдельную группу, поддерживавшую связь между 2-й и 3-й армиями и в случае успеха предназначавшуюся для расширения пространства, захваченного у противника. Он входил в состав 3-й армии, но была предусмотрена передача его 2-й армии.

Силы 2-й армии были увеличены на 100 батальонов и 1 кавалерийскую дивизию; в армии было 2 366 орудий и 960 минометов. В составе 3-й армии было 18 дивизий (204 батальона), 1 200 орудий и 800 минометов.

Помимо этих сил, верховное командование создало особый резерв силою в $6\frac{1}{2}$ пехотных и $1\frac{1}{2}$ кавалерийских дивизии.

Против итальянцев здесь попрежнему стояла австрийская 5-я армия, получившая теперь название Изонцской армии и состоявшая из 5 корпусов общей силой в 248 батальонов. 3 дивизии прибыли с русского фронта, еще 6 перебрасываемых сюда дивизий были в пути, а, кроме того, имелись сведения о вероятном прибытии сюда еще 8 дивизий. Так как французская армия почти не проявила активности, германцы могли бы в случае необходимости снять с фронта 18 дивизий и усилить ими австрийцев на восточном или на итальянском фронте.

Исходя из этих соображений, генерал Кадорна просил премьер-министра Бозелли предпринять энергичные дипломатические шаги, чтобы побудить русское временное правительство выполнить свои обязательства как союзника, вытекающие из Лондонского пакта, и оказать Италии помощь, перейдя в наступление против австрийцев.

Тот факт, что предмостный плацдарм у Толмино находился еще в руках австрийцев, в значительной степени парализовал выгоды, которые давало итальянцам обладание большей частью левого берега Изонцо, так как, благодаря удобным сообщениям этого плацдарма с тылом по имевшимся железным и хорошим шоссейным дорогам, он мог стать удобным районом сосредоточения сил противника для наступления, как это впоследствии и случилось. Плато Байнзицца было другим районом сосредоточения, откуда войска могли быть направлены на участки Горицы, Карсо и верхнего течения Изонцо через долину реки Киаповано, между котловиной Бритоф и долиной реки Идрия.

Наступление на плато Байнзицца было поручено главным образом 24-му и 27-му корпусам; если этим частям удалось бы прорвать неприятельскую оборону, они должны были выдвинуться на лесистое плато Тернова и, таким образом, обойти позиции противника к востоку от Горицы и по возможности занять также район Айдуссина к востоку от Карсо. 3-я армия должна была возобновить свое прерванное в июне наступление и атаковать на фронте от Виппакко до берега моря.

В ночь на 19 августа 24-й корпус генерала Кавилья навел мосты через Изонцо у Лога, Айба и Анхово, а 27-й корпус генерала Ванцо должен был также навести мосты у Явор, Доблар и Ронцина. Задача была исключительно трудная: преодолеть с боем непроходимую вброд реку на виду у противника, который сильно укрепился на высоком берегу, круто спускающемся к самой воде, и располагал большим количеством пулеметов, укрытых в гнездах, выдолбленных в скалах.

Из 14 назначенных к постройке мостов фактически удалось навести только 6, так как противник оказывал чрезвычайно упорное сопротивление, в особенности на фронте 27-го корпуса; 5-я альпийская группа, вместо того, чтобы переправиться через реку Явор и атаковать высоты у Лом, как было намечено, была переброшена к Доблар, а бригада Трапани переправилась через реку у Лога по мостам, наведенным 24-м корпусом. Это задержало переправу частей 27-го корпуса, которые вследствие этого оказались на значительном расстоянии от поставленных им целей, а 60-я дивизия задержалась у Канале.

К утру 19 августа 8 батальонов 27-го корпуса и 4 батальона 24-го корпуса переправились через реку и атаковали неприятельские позиции, которые были расположены в три яруса—вдоль берега, посредине склонов прибрежных высот и вдоль высшего гребня, образуемого высотами Врх (601 *м*), Кук (711 *м*), Еленик (788 *м*) и Кобилек (627 *м*).

Теперь в бой вступили еще другие части, и пока 27-й корпус атаковал позиции у Ауцца 4-й и 6-й корпуса демонстративными действиями сковывали противника севернее и южнее. 2-й корпус генерала Бадольо захватил позиции противника на высоте 300, а 2 берсальерские бригады 47-й дивизии (24-го корпуса) стремительной атакой прорвали фронт на участке Фратта—Семмер—Кук. При поддержке артиллерийского огня, сосредоточенного по австрийским позициям у Канале, и благодаря атаке, произведенной двумя берсальерскими батальонами в тыл этих позиций, 60-й дивизии также удалось переправиться через реку.

В ночь на 20 августа мосты, поврежденные огнем противника, были исправлены и, кроме того, было наведено еще несколько мостов, так что большинство оставшихся частей 24-го корпуса смогло переправиться через реку. Хотя части этого корпуса сначала и были задержаны у Авшек и в начале долины Широка Нива, над которой австрийцы командовали с высоты 645, но затем они продвинулись вперед на участке Оссойница—Оседры и атаковали Кук и Еленик с фланга и тыла. На следующий день части 27-го корпуса подошли к Ауцца и переправились через Авшек, 5-я берсальерская бригада с боя захватила Оссойница, а 1-я берсальерская бригада закрепилась в седловине между высотой 856 горы Оседры, еще прочно удерживаемой австрийцами, и горой Еленик; к полудню ей удалось продвинуться на Оседры, но вскоре ей пришлось отойти назад. Гору Монте Кук захватила бригада Тортона (60-й дивизии). 22 августа был захвачен у противника атакованный с трех сторон и взятый в тиски Еленик, и 2-й корпус, преодолев ожесточенное сопротивление на участке Рутарше-Бавтерка, бросился в атаку на Кобилек. 23 августа эта гора, а также Оседры, являющиеся последними опорами всей оборонительной системы противника, пали, и весь Врх и Бате также перешли в руки итальянцев. Южнее была захвачена трудно доступная гора Монте Санто (683 *м*).

В районах Месняк и Великий Врх 27-й корпус, а также введенный в бой 14-й корпус генерала Саграмозо были задержаны. Но в ночь на 24 августа пожары и взрывы на всем фронте противника указывали на то, что противник начал общий отход, и итальянским частям были отданы приказы об энергичном преследовании. Австрийцы намеревались отойти на линию Мезеньяк—Каль—Врговек—Мадони—Загорье—Сан Габриеле, где были подготовлены другие оборонительные полосы. Продвижение итальянцев через плато было бы неизбежно медленным и трудным: здесь не было воды, дороги были разрушены, а местность, и без того естественно сильно пересеченная, была еще больше изрыта бесчисленными воронками от снарядов, при этом, хотя противник и потерпел действительно сильную неудачу, но войска, оборонявшие Байнзиццу, не были уничтожены. Итальянцы продвинулись, примерно, на 10 *км* в глубину и заняли район в 200 *кв. км*, захватив у авст-

рийцев 20 000 пленных, 125 орудий и огромное количество всякого рода запасов и боевого имущества. Но итальянские части были утомлены до крайности, а кроме того, им пришлось замедлить свое продвижение, чтобы артиллерия и тыловые учреждения, двигавшиеся, естественно, медленнее, чем пехота, могли догнать их. Но гораздо более серьезным было то, что почти не было резервов, чтобы восполнить понесенные большие потери, а из накопленных для наступления 3 500 000 снарядов больших и средних калибров свыше 2 000 000 было израсходовано. Хотя снабжение армии снарядами было теперь уже хорошо организовано, однако, со времени прекращения боевых действий на русском фронте приходилось считаться с возможностью контрнаступления австрийцев в Трентино или на Карсо. И действительно, 1 сентября генерал Бороевич был поставлен в известность, что такое наступление подготовляется, так как теперь для этого имеется достаточно сил, прибывших с русского фронта.

Сражение не прекратилось совершенно, оно только раздробилось на множество отдельных боевых стычек. 24-му и 27-му корпусам удалось, хотя и с большим трудом, продвинуться еще немного вперед, пока 29 августа верховное командование не приказало остановить наступление, за исключением еще одной последней попытки прорвать оборону к северу и востоку от Горицы.

Пока на плато Байнзицца шли эти операции, 19 августа разгорелось еще одно сражение на всем фронте 3-й армии, поддержанной на крайнем правом фланге огнем итальянских и британских мониторов, стоявших в северном углу Адриатического моря [38].

Сопротивление противника было здесь даже более упорно, чем на плато Байнзицца, и поэтому успехи были весьма незначительны. То, что удалось захватить к востоку от Тиволи 7-му корпусу генерала Риччи-Армани (вошедшему теперь в состав 3-й армии) и 11-му и 25-му корпусам в районе Костаньевица, было вскоре снова потеряно, и только 23-му корпусу генерала Диац и 13-му корпусу генерала Сайлдер, действовавшим правее, удалось продвинуться вперед на участках Верзик—Село и Сан Джованни—Локавец. В следующие дни были отмечены еще некоторые успехи, но 23 августа операции прекратились и на этом фронте из-за тяжелых потерь, совершенно несоразмерных с достигнутыми результатами.

Продвижение итальянцев в направлении на Монте Гермада, как бы оно ни было незначительно, снова встревожило австрийцев, как это уже было весной этого года, и 4 сентября они повели на этом участке энергичное контрнаступление. Части 23-го корпуса отдали противнику часть территории возле Брестовица, но затем тут же овладели ею обратно; 13-й корпус был оттеснен в свои исходные окопы и, хотя часть его сил снова продвинулась вперед до самой железной дороги, где захватила 500 пленных и освободила 1 000 итальянцев, закупоренных в железнодорожном тоннеле, однако, в конце концов, после тяжелого боя 5 и 6 сентября частям корпуса пришлось снова отойти через Лизертские болота на свои старые позиции.

11 сентября была сделана еще одна попытка захватить Сан Габриеле. После артиллерийской подготовки неслыханной еще силы 11-й дивизии (6-го корпуса) удалось взобраться на вершину горы, где она

захватила 2 000 пленных, но немедленно вслед за этим такой же сильный огонь противника принудил ее отойти на позиции в 100 *м* ниже вершины. Бои за обладание горою Сан Габриеле продолжались несколько дней и отличались чрезвычайным ожесточением; обе стороны понесли в этом бою огромные потери. Подполковник 14-го австрийского полка писал: «Кто смог бы полностью описать этот Сан Габриеле, этот своего рода Молох, который каждые три или четыре дня пожирает полк солдат и который несомненно, даже если этого официально не признают, каждый день переходит из рук в руки?» Теперь была сделана попытка захватить эту гору, изолировав ее защитников еще более ожесточенной бомбардировкой со всех сторон, но и эту попытку пришлось оставить из-за связанного с этим невероятно большого расхода снарядов.

4 и 5 сентября австрийцы перешли в контратаку от седловины Доль до Санта Катерина и несколько потеснили итальянцев между Великий Гриб и Сан Габриеле; утраченное пространство было немедленно отбито итальянцами, но впоследствии они вынуждены были на некотором отрезке этого участка отойти назад, в свои исходные окопы.

В сентябре на плато Байнзицца бои возобновились в небольшом масштабе; 15 сентября знаменитая бригада Соссари после блестяще проведенного боя захватила высоты 895 и 862, находящиеся на крайнем восточном краю плато, а 29 сентября 44-я дивизия, которой, командовал генерал Папа, захватила расположенный далеко к югу На Кобиль (778 *м*); 5 октября во время боя на захваченных позициях этот храбрый генерал был убит. Этими операциями и закончилось сражение на плато Байнзицца.

В этом сражении итальянцы на самом плато Байнзицца добились значительных тактических выгод, хотя стратегически операция не оказалась решительной, так как противник продолжал еще удерживать неприступные решающие позиции Тольмино и Сан Габриеле, без овладения которыми всякое дальнейшее продвижение вперед было бы чрезвычайно затруднительным. Владея этими позициями, противник создавал угрозу для итальянских войск, расположенных на вновь завоеванной территории. Переправа через реку в описанных условиях, штурм ряда чрезвычайно сильно укрепленных параллельных рубежей, расположенных в сильно гористом районе, и маневренные сражения крупных частей—представляют собой одну из самых блестящих операций мировой войны и делают честь как командирам, так и рядовому составу итальянской армии. Но целесообразность создания этого большого выступа, угрожаемого с севера и юга, можно оспаривать. Последующие события показали, что опасения тех, кто считал, что достигнутые результаты таят в себе скрытую опасность, были, по крайней мере отчасти, справедливыми *.

В районе Горицы фактически не было достигнуто никаких успехов, а на Карсо те успехи, которых удалось добиться, были куплены чересчур дорогою ценой.

---

* Я говорю „отчасти", ибо создание выступа на Байнзицца было лишь одной из причин Капоретто и не самой главной.

В целом итальянцы потеряли 40 000 убитыми, 108 000 ранеными и 18 000 пленными. Потери австрийцев также были очень велики, хотя и меньше, чем у итальянцев, за исключением пленных, которых итальянцы взяли свыше 19 000 на Байнзицца и 11 000 на Карсо. Генерал Людендорф признает, что Италия схватила Австрию за горло, а генерал Арц, преемник фельдмаршала Конрада на посту начальника генерального штаба австрийской армии, сказал одному германскому журналисту сразу же после сражения на плато Байнзицца, что «все увеличивающиеся подкрепления, которые западные державы посылают итальянской армии, дадут ей возможность удвоить свои усилия, чтобы проложить себе дорогу к Триесту», намекая этим на то, что Австрия может оказаться не в состоянии удержаться против еще одной попытки наступления. Подкрепления союзников, на которые он намекал, состояли лишь из 99 английских и французских тяжелых орудий, но генерал Арц намеренно преувеличил их размеры в агитационных целях, чтобы объяснить этим неудачи, уже постигшие австрийцев, а также те, которых он опасался впоследствии, и чтобы оправдать призыв о помощи, с которым он собирался обратиться к Германии. Германцы поняли серьезную опасность, угрожающую Австрии, и были серьезно обеспокоены, как бы она не оказалась вынужденной заключить сепаратный мир. Переговоры принца Сикста Бурбонского [39] доказали, хотя германцы в то время не знали о них, что Австрия действительно помышляла о таком шаге. Как писал Людендорф, «в конце августа на фронте протяжением в 70 *км* началось одиннадцатое сражение на Изонцо, которое закончилось успешно для итальянцев. В начале сентября бои продолжались с прежней силой. Итальянцы снова добились успехов. Правда, австро-венгерские армии удержали занятое ими пространство, но их потери на плато Карсо были настолько велики и их моральное состояние так пошатнулось, что в руководящих военных и политических кругах Австро-Венгрии создалось убеждение, что австро-венгерская армия не сможет устоять против нового натиска и не выдержит двенадцатого наступления на Изонцо. Австро-венгерская армия на итальянском фронте нуждалась в усилении германскими частями». *

Как мы видели, итальянцы оказались не в состоянии продолжать сражение на Байнзицца, так как у них не было больше резервов, которые они могли бы ввести в бой. Если бы план Кадорны о совместном наступлении союзников на итальянском фронте был принят и если бы английские и французские подкрепления, существовавшие лишь в воображении генерала Арца, действительно были присланы, то, судя по изложенным выше признаниям командующих армиями противников, исход операции мог бы действительно оказаться решающим. Главное обвинение, которое можно предъявить Кадорне, это то, что он предпринял эти действия, не имея необходимых резервов. Но, как мы уже сказали в начале этой главы, его заставили выступить другие соображения, и если бы не новые факторы, лишь отчасти зависевшие от него, риск, на который он пошел, мог бы оправдаться даже при этих обстоятельствах.

* «My War Memories», т. II, стр. 482.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРЕД КАПОРЕТТО

Положение Антанты в последние месяцы 1917 г. было более критическим, нежели в какой-либо из предшествующих периодов; Россия уже не существовала как союзник, а США еще не выступили.

Неограниченная подводная война все сильнее давала себя чувствовать; за первую четверть года союзники потеряли много судов общим водоизмещением в 3 миллиона тонн; разрушительная работа продолжалась, гражданское население во всех союзных странах начало ощущать недостаток в продовольствии и даже стало страдать снабжение армии. Страны, которые, подобно Италии, в значительной мере зависели от ввоза как продовольствия, так и сырья, необходимого для промышленности, и которые имели сравнительно небольшой торговый флот, особенно остро чувствовали эту разрушительную работу. Правда, в войну на стороне Антанты вступили США, которые должны были занять место России, но они только что начали перебрасывать свои войска через океан, и должно было пройти еще много времени, пока они смогли бы принять активное участие в военных действиях.

Нет сомнения, что в Германии положение с продовольствием также сделалось гораздо серьезнее, чем это считали тогда в союзных странах [40], а военные круги уже больше не были так уверены в победе, в то время как социалисты и католики центра уже начали поговаривать о мире. Но мир в этот момент представил бы почти все выгоды Германии, которая занимала колоссальную территорию, и это служило для нее большим козырем в случае переговоров.

В воздухе витала идея мира. Энциклика [41] папы римского от 15 августа говорила о «бесполезной бойне» и предлагала, как базу для переговоров, взаимную эвакуацию захваченных территорий и восстановление Бельгии, а вопросы об Эльзас-Лотарингии и неприсоединенных еще к Италии областях, по мнению папы, должны были быть разрешены непосредственно самими заинтересованными сторонами. Германия отвергла эти условия, ибо она считала вопрос об Эльзас-Лотарингии даже не подлежащим обсуждению; она отказалась также восстановить Бельгию *. С другой стороны, Великобритания и США не соглашались заключить мир с Гогенцоллернами. Мы видели, что Австрия уже делала предложения о мире и что Карл пытался через посредство принца Сикста Бурбонского отделить Францию и Англию от Италии, предлагая им приемлемые для них условия, но отказываясь

* Из мемуаров князя Бюлова видно, что кайзер собирался сделать из Бельгии «германский Египет».

согласиться на какое-либо удовлетворение Италии. Попытки заключить мир провалились по совершенно очевидным причинам.

Положение Австро-Венгрии как в военном, так и в политическом отношении было гораздо более серьезным, чем положение Германии. Последние сражения на итальянском фронте, если и не привели к полному разгрому армии, то во всяком случае подвергли ее исключительно серьезным испытаниям, и главное командование сильно сомневалось в том, сможет ли Австро-Венгрия выдержать двенадцатое сражение на Изонцо, если останется предоставленной своим собственным силам. Именно поэтому главное командование вынуждено было, как это ни было для него неприятно, обратиться к Германии за помощью, и Германия в конце концов эту просьбу удовлетворила. Предполагалось, что если бы можно было нанести итальянской армии серьезное поражение, Италия была бы выведена из войны, антивоенные партии восторжествовали бы, и страна погрузилась бы в хаос. «Австро-венгерская армия на итальянском фронте, — писал Людендорф, — нуждалась в помощи германских войск. Посылка германских дивизий в Италию с исключительно оборонительной целью не отвечала бы нашему серьезному положению. Поэтому главное командование должно понять, что здесь также необходимо перейти в наступление, чтобы улучшить наше общее положение»*.

Если мы хотим понять причины поражения у Капоретто, нам необходимо знать положение Италии и итальянской армии в октябре 1917 г.

Численный состав армии по сравнению с 1915 г. вырос в два раза — вместо 35 дивизий на итальянском фронте было 65 дивизий и, кроме того, 5 дивизий было в Албании и Македонии. Количество тяжелых орудий выросло с 200—300 (из коих много орудий было устарелого типа и низкого качества) до 1 800, а вместо примитивных средств, при помощи которых части в 1915 г. пытались прорвать проволочные заграждения, сейчас в армии появились минометы. Вся армия была до неузнаваемости усовершенствована в техническом отношении, ее моторизованный транспорт позволял уже производить быстрые переброски войск, а военная промышленность снабжала армию все увеличивающимся количеством вооружения, боеприпасов и прочего военного имущества. Многие заводы выпускали продукции больше, чем это было предусмотрено в договорах. Кроме того, предметы снабжения, несмотря на большие трудности, ввозились также из-за границы.

Но войска испытывали ужасные лишения и страдания, не говоря уже об огромных потерях, и казалось, что, по мере медленного и тяжелого продвижения по безнадежной скалистой пустыне, эти трудности не уменьшаются, а увеличиваются. Казалось невозможным когда-либо преодолеть эту крепкую горную преграду, и в сердца людей, которые пошли на войну, полные энтузиазма и решимости, начало закрадываться чувство уныния и безнадежности. Теперь часто можно было услышать горькие слова: «Максимум усилий при минимальных результатах». Многие понимали, что война на измор в конечном итоге ско-

* «My War Memories», т. II, стр. 383.

рее истощит более слабый политический организм. События показали, что, несмотря на Капоретто, Австрия оказалась более слабым организмом, чем Италия. Но пока этот процесс проходил весьма болезненно также и для Италии.

Несмотря на достигнутые существенные успехи, общее моральное состояние армии скорее ухудшилось, чем улучшилось. Прежде всего, как мы уже видели, вследствие трудностей подвоза уменьшилось снабжение армии продовольствием и обмундированием. Взаимоотношения между командованием и частями, а также между офицерами и солдатами, сделались менее близкими и сердечными, чем это было до сих пор. В рядах армии стало все более широко распространяться впечатление, что командование и штабы живут на Олимпе [42], оторвавшись от будничной жизни строевых офицеров и рядовых, и хотя эти чувства были свойственны не одной итальянской армии и не одной этой войне, но теперь они сулили Италии более серьезные последствия. Значительное большинство кадровых офицеров, а также офицеров запаса и добровольцев — людей, полных энтузиазма и способных воодушевлять своих подчиненных, — было уничтожено, навсегда выведено из строя тяжелыми ранениями или использовалось для обучения новобранцев либо назначалось в штабы, потому что офицеры военного времени имели худшую подготовку и были менее способны исполнять эту очень важную службу; но вследствие этого они были оторваны от строевых частей. Много генералов старой школы, привыкших жить в тесном общении со своими солдатами и лично производить рекогносцировку местности при подготовке к атаке *, также пали в боях; к ним относятся такие генералы, как Канторе, Тромби, Монтанари, Кашино, Папа и много других. С другой стороны, много генералов было смещено со своих постов за случайные или относительно незначительные ошибки.

Из вновь произведенных офицеров во всяком случае не все были высокого качества. Многие из них были произведены не по своему личному желанию, а в принудительном порядке, как окончившие университет или другие учебные заведения. Многие из них были еще очень молоды, только что окончили школу и были произведены в офицеры после обучения в течение нескольких недель в импровизованной юнкерской школе; естественно, что эта молодежь не пользовалась большим авторитетом у своих солдат, из которых многие были старше и опытнее, и зачастую не обладала должной выдержкой. Как пишет профессор Вольпе, в других воюющих государствах старые военные традиции, более широкое распространение спорта, более феодальный и воинственный дух правящих классов, привыкших по традиции распоряжаться, создавали лучшую базу для комплектования армий офицерскими кадрами, и это восполняло недостатки их военной подготовки **.

Высшее командование было действительно чересчур оторвано от будничной жизни армии, и многие из штабных офицеров, а следова-

---

* Как мы видели, генерал Бадольо, таким образом, подготовил свою успешную атаку на Монте Сэботино.

** Volpe, Ottobre 1917 — dell'Isonzo al Piave, стр. 39.

тельно, и многие генералы растеряли свой накопленный много лет назад опыт службы в строю * и, потонув в бумажном море, перестали понимать подлинную войну, какую ведут люди из плоти и крови. Некоторые генералы даже старой школы не понимали условий современного ведения войны; воспитанные в традициях войн прошлого, длившихся не более нескольких недель или месяцев, они не могли представить себе, что войскам необходимо давать достаточный отдых, развлечения и увеселения. Другие, которых было немного, но все же достаточно, чтобы принести много вреда, смотрели на войска и на войну лишь как на средство, обеспечивающее им дальнейшую карьеру. Были и такие, которые не любили выслушивать неприятные истины о физическом и моральном состоянии их войск, и отбивали у своих подчиненных охоту сообщать им такие сведения, хотя эти неприятные факты продолжались, несмотря на политику замалчивания, а может быть, и именно вследствие нее.

В распределении задач между частями не было необходимой целесообразности и справедливости. Части, известные своею исключительной отвагой и боеспособностью, беспрерывно посылались в бой и дрались до полного истощения, и зачастую отдых, обещанный им в награду за особые заслуги, или вовсе не давался или сокращался, в то время как менее заслуженные части оставлялись на спокойных участках или отправлялись на более продолжительный отдых.

Хотя многие из штабных офицеров были людьми самых высоких качеств, сражались раньше в строю и проявляли в боях свое мужество, но такими были далеко не все, и общее мнение армии не делало различия между этими двумя категориями, и всех без исключения офицеров, носивших на головном уборе орла **, считало «окопавшимися» в тылу. Эта ненависть к «окопавшимся» приняла, наконец, характер средневековой мании видеть повсюду ведьм.

Генерал Кадорна, которого сперва считали чуть ли не полубогом, после двух лет войны начал подвергаться все более строгой критике. Он обладал отличными организаторскими способностями, ясным умом, образцовым хладнокровием и железной волей; все, чего он добился между августом 1914 г. и маем 1915 г., доказывает это. «Этот человек, который был настоящим солдатом, обладал высокими моральными качествами. Но в тоже время он был посредственным психологом, посредственным руководителем людей—я имею в виду людей, какими их делает история и какими их должен знать вождь армии. Замкнутый в круг своих личных мыслей и моральных убеждений, очень элементарно понимающий дисциплину, он осматривался вокруг себя, но очень мало приобретал путем опыта, малому научился от простых смертных, хотя таким образом он мог бы лучше управлять ими. Его восприятие внешнего мира было трудным и недостаточным. Может быть, он слишком высоко оценивал своих генералов по успехам сегодняшнего дня, и на необходимый отбор, который ему, конечно,

---

* Штабные офицеры в мирное время должны были периодически назначаться в строевые части, но это не всегда выполнялось [43].

** Золотой орел на головном уборе является эмблемой штаба, как красные нашивки в английской армии.

приходилось производить, влиял этот чересчур примитивный подход, который лишал войска хороших командиров. Отсюда и возникало состояние постоянной нервозности у подчиненных ему командиров, над которыми тяготела вечная угроза смещения; отсюда и постоянная смена генералов, занимавших высокие командные должности, которая даже у рядовых солдат порождала чувство неустойчивости и неверие в способности своих начальников, не говоря уже о недовольстве, распространявшемся по всей стране и нашедшем свое выражение в суровой критике руководителей, войны если не самой войны» *.

Глубокая религиозность Кадорны вызвала нерасположение антиклерикальных кругов, которые считали серьезным недостатком то, что главнокомандующий регулярно присутствует на богослужениях и даже в столовой всегда имеет рядом с собой служителя культа. Это поведение Кадорны, а также его аристократическое происхождение, были в числе обвинений, выдвигавшихся против него демократическими кругами, и поддерживали ведущуюся против него кампанию критики. Если высшее командование вообще было несколько оторвано от армии, то это особенно относилось к самому Кадорне. В его непосредственном окружении было несколько офицеров, которые старались еще больше изолировать его от войск; это явление было свойственно не только итальянской армии.

Итальянцы были предупреждены дезертирами и из других источников о предстоящем наступлении австрийцев в верхнем течении Изоацо, но вследствие некоторых стратегических и логических ошибок, допущенных высшим командованием, которые мы проанализируем в следующей главе, полученные сведения не предотвратили катастрофы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СРАЖЕНИЕ ПРИ КАПОРЕТТО

(Схемы 14 и 15).

Мы уже видели, какое серьезное влияние оказало сражение на плато Байнзицца на моральное состояние австрийцев и как австрийские военачальники сомневались в способности их армий выдержать двенадцатое сражение на Изонцо. Именно эта остановка в конце концов заставила австрийцев самих попытаться перейти к наступательным действиям, так как одна лишь пассивная оборона могла привести к очередному и, наверное, теперь уже роковому прорыву, но для такой операции была необходима помощь германцев. Уже 25 августа, когда сражение на Байнзицца еще продолжалось, австрийское главное командование послало в германскую ставку генерала Вальдштеттена для передачи просьбы об этой помощи, а 26 августа Франц-Иосиф писал Вильгельму: «Опыт нашего одиннадцатого сражения убеждает меня в том, что двенадцатое сражение будет для нас очень трудной задачей. Мои генералы и мои войска считают, что лучше всего преодолеть все трудности, перейдя в наступление. Смените на восточном фронте австро-венгерские части германскими, так, чтобы первые освободились. Я придаю очень большое значение проведению наступления против Италии одними австро-венгерскими частями. Вся армия называет эту войну нашей войной; все офицеры воспитаны на чувстве войны против исконного врага, переданном им от их отцов. Но мы с радостью приняли бы германскую артиллерию, в особенности тяжелые батареи. Успешный удар против Италии ускорит конец войны».

На это обращение Вильгельм ответил, что при нападении на «вероломную Италию» Австрия может рассчитывать на Германию, на всю Германию. На западном фронте было довольно спокойно, Румыния и Сербия были раздавлены, а Россия была небоеспособна.

29 августа генерал Вальдштеттен представил на рассмотрение генералу Арцу план наступления, который предусматривал главный удар от тет-де-пона Тольмино в направлении долины Юдрио и на Чивидале и второстепенные действия из котловины Плеццо в направлении на Натизоне. Для этого необходимы были 13 австрийских и германских дивизий. У генерала Людендорфа этот план вначале не встретил горячей поддержки; он боялся сокращать свои силы на западе и выражал сомнение в возможности достичь здесь больших результатов *. Но Конрад добился того, что план этот был представлен Гинденбургу, и в

* Он предпочел бы новое наступление против Румынии с тем, чтобы прикончить ее окончательно и обеспечить себе вывоз продовольствия из Молдавской равнины.

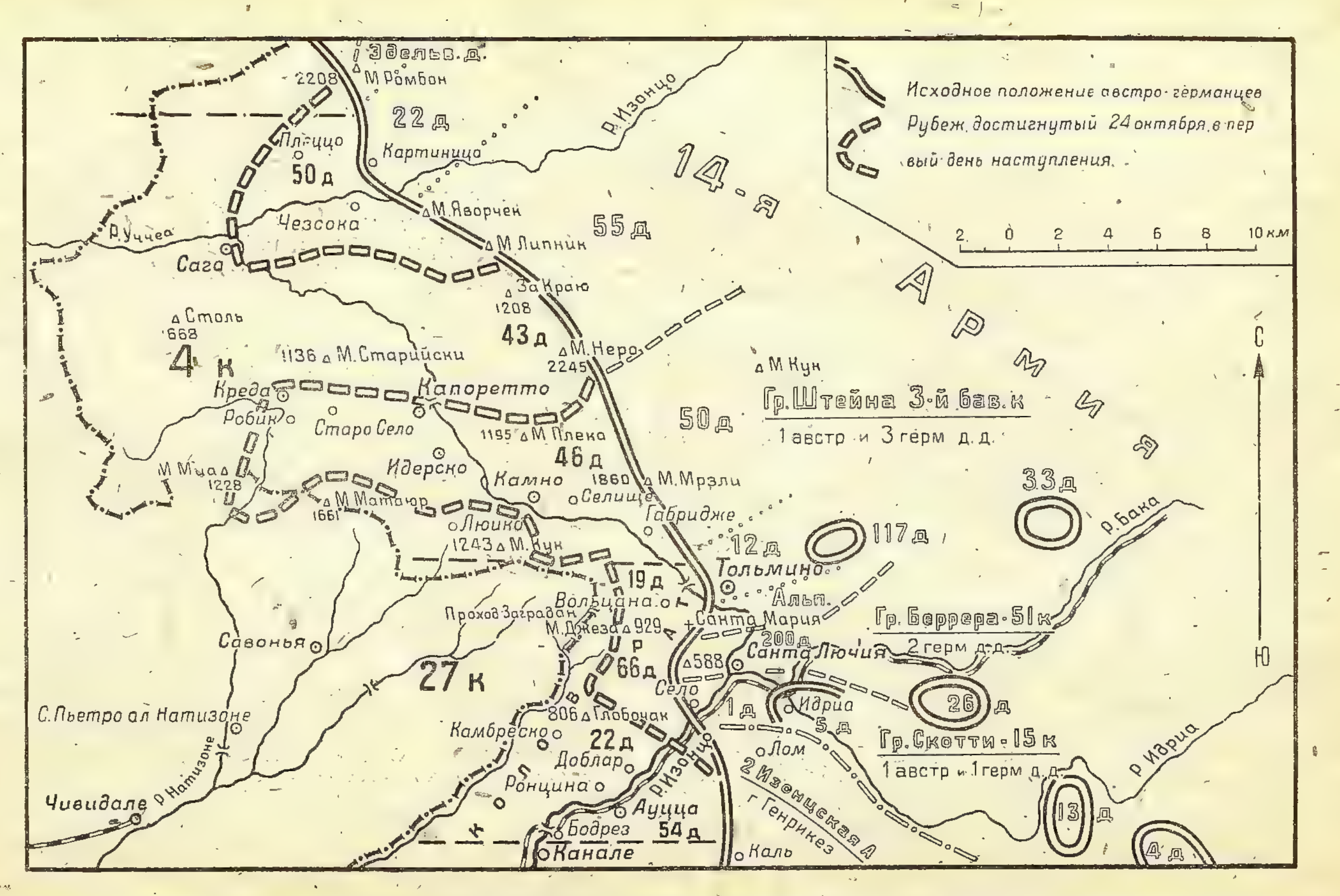


Схема 14. Сражение при Капоретто (двенадцатое сражение на Изонцо). Бои в районе Капоретто — Тольмино в первый день сражения.

конце концов Гинденбург и Людендорф в основном одобрили его, после того, как он был пересмотрен генералом Краффт фон Делмензинген, который лично объездил и изучил район предстоящих операций.

Таким образом, идея проведения наступления одними лишь австрийскими частями уступила место совместным действиям австро-германцев. Германские войска, посланные для поддержки Австрии, были провезены через Трентино с тем, чтобы ввести итальянцев в заблуждение относительно истинного направления предстоящего наступления. 23 дивизии и 1 800 орудий юлийского фронта были усилены еще 14 дивизиями—7 германскими и 7 австрийскими—и 1 000 орудиями (из них 800 германских), и было окончательно решено наносить главный удар на участке Плеццо—Тольмино.

Ударная группа была составлена из 8 австрийских и 7 германских дивизий общей силой в 168 батальонов—из них 76 в первом эшелоне, 63 во втором эшелоне и 29 в резерве—против 224 итальянских батальонов *. Эта группа образовала 14-ю армию, известную под названием австро-германской армии, которой командовал германский генерал Белов. Эта армия была разделена на четыре группы: группа Краусса (3 австрийские дивизии, развернутые на фронте от Монте Ромбон до Монте Неро), группа Штейна (1 австрийская и 3 германские дивизии на участке от Монте Неро до Тольмино), группа Беррера (2 германские дивизии на фронте Тольмино—Идриа) и группа Скотти (1 австрийская и 1 германская дивизия на плато Лом); кроме того, 4 дивизии оставались в резерве **.

Операцию группы Белова должны были поддерживать 10-я австрийская армия (генерала Кробатин), действовавшая в Карнийских Альпах, и 2-я Изонцская армия (генерала Энрикез), входившие в состав группы армий Бороевича, против северного края плато Байнзицца.

Целью наступления, как это указывалось оперативным приказом командующего 14-й армией, было «вытеснить противника из неблагоприятного для обороны района Карсо и за реку Тальяменто и выйти на линию Джемона—Чивидале». Чтобы обеспечить выполнение этой задачи, необходимо было добиться полного обладания районами Плеццо—Тольмино и Капоретто; поэтому нужно было прежде всего, путем непрерывного наступления, овладеть линией Монте Маджоре—Монте Матаюр—Монте Сан Мартино—Монте Кук— Монте Глобочак и затем продолжать нажим в юго-западном направлении до линии Джемона—Тарченто—Чивидале, а если возможно, то и до Тальяменто. В то же время 10-я армия должна была спуститься с Карнийских Альп на Джемона через долину Фелла, а 2-я Изонцская армия должна была атаковать высоты между Изонцо и Юдрио, преодолеть Монте Коловрат и попытаться захватить Монте Корада.

Генерал Краффт фон Дельмензинген не был удовлетворен этими целями и заявил, что для того, чтобы наступление оправдало себя,

---

* Австрийские и германские батальоны были тогда сильнее по своему составу, чем итальянские.

** По данным самого Краусса, в 14-й армии было 8 дивизий у Тольмино, 4 — у Плеццо и 4 — в резерве и, кроме того, 20 дивизий в двух армиях на Изонцо («Die Ursachen unserer Niederlage», стр. 228).

необходимо добиться чего-нибудь более решающего. Он высказывался за достижение, по крайней мере, линии реки Адидже. Краусс решительно возражал против этого, говоря, что он видит лишь одну цель, именно Лионс *.

Ввиду плохой погоды начало операции несколько раз откладывалось и, наконец, было назначено на 24 октября на рассвете. Наступление должно было начаться не обычной продолжительной артиллерийской подготовкой, которая должна была выдать итальянцам район фактического наступления, а кратким и чрезвычайно интенсивным огнем; немедленно вслед за которым в 8 часов должна была последовать пехотная атака между Плеццо и Селю. Операция должна была проводиться по методу, успешно применявшемуся германцами под Ригой (а впоследствии, в марте 1918 г., и во Франции), специально подготовленными ударными частями, обильно снабженными пулеметами, ручными гранатами, бомбометами и огнеметами. Как только будет достигнут прорыв, остальная пехота должна быстро выдвинуться вперед и небольшими отрядами, сопровождаемыми легкой артиллерией и пулеметами на грузовиках, вклиниться между неприятельскими позициями. На горных участках наступление должно было проводиться преимущественно вдоль шоссейных дорог, долин и горных проходов, без предварительного обеспечения за собой высот, так как это вызвало бы задержки и большие потери, в то время как неприятельские позиции на горных вершинах могли быть впоследствии охвачены и обойдены. Главной целью было овладеть важнейшими оплотами обороны и жизненными пунктами на тыловых путях для того, чтобы расстроить всю нервную систему противника. Способ наступления был для итальянского фронта совершенно новым, и оборонявшиеся итальянцы были совершенно не подготовлены для отражения такого типа наступления; этим и объясняется,—по крайней мере, отчасти—такой быстрый и почти ошеломляющий успех.

Эти приготовления отнюдь не остались неизвестными итальянцам. Были обнаружены передвижения неприятельских частей, довольно многозначительным для итальянцев было закрытие австрийцами 14 сентября швейцарской границы. Из полученных из Берна сведений, подтвержденных и другими источниками, итальянцы узнали день наступления и, хотя точный участок не был еще выяснен, но казалось вероятным, что было избрано среднее течение Изонцо. К 6 октября было установлено присутствие 43 дивизий противника: 8½ дивизий на фронте 3-й армии и 18 дивизий на фронте 2-й армии; несколько позднее были установлены: баварский альпийский корпус, 12-я германская дивизия и 2 австро-венгерские дивизии. Сведения, собранные итальянской разведывательной службой, говорили еще о том, что наступление должно начаться между 16 и 20 октября на всем фронте от Тольмино до Монте Санто, но на самом деле, как мы знаем, оно было перенесено на 24 октября. 20 октября к итальянцам перебежал чешский офицер, который сообщил им, что наступление должно начаться 26 октября на участке от Плеццо до моря; но на следующий день два румынских перебежчика принесли более подробные сведения, указав,

* См. Krauss, стр. 220.

что попытка прорыва будет произведена на участке между Плеццо и Село и с особенной силой у Тольмино *. Как только эта дата была установлена более или менее точно, генерал Кадорна принял ряд мер, которые казались ему необходимыми для отражения всякой опасности. Мысль об итальянском наступлении была оставлена, и были проведены приготовления к встрече неприятельского удара. Угрожаемый район оборонялся 2-й армией генерала Капелло, которая была расположена следующим образом:

4-й корпус (генерал Кавачиокки)—от Плеццо до Коста Раунца (против Тольмино), имея в первой линии 3 дивизии (50-ю, 43-ю и 46-ю) а в резерве несколько альпийских и берсальерских батальонов и 1 дивизию (34-ю).

27-й корпус (генерал Бадольо)—от Коста Раунца до Каль на плато Байнзицца, имея 4 дивизии (19-ю, 66-ю, 22-ю и 54-ю), из которых 19-я дивизия была по силе равна почти корпусу.

На южном участке района 2-й армии до Виппакко находились 24-й корпус (генерал Кавилья), 2-й корпус (генерал Альбриччи), 6-й корпус (генерал Ломбарди) и 8-й корпус (генерал Грациоли)—всего 11 дивизий.

Таким образом, генерал Капелло располагал 9 корпусами (25 дивизий) силою в 353 батальона, из коих 231 был в первой линии. Участок, на котором ожидалось наступление, удерживался всего 71 батальоном, принадлежащим 50-й, 43-й, 46-й и 19-й дивизиям, не считая 42 батальонов во второй линии; всего, следовательно, здесь было 113 батальонов. Против них, как мы видели, противник сосредоточил 168 своих батальонов. Таким образом, у противника было на участке наступления несколько больше батальонов и, кроме того, они были в штатном составе и укомплектованы отборными и специально подготовленными бойцами, тогда как итальянские части имели большой некомплект, значительное число солдат находилось в отпуску, а часть была больна—некоторые полки имели в строю не более одной трети штатного состава. Кроме того, многие части страдали еще от результатов изнурения, перенесенного во время тяжелых боев весною и летом. Артиллерия 2-й армии на фронте наступления была также несколько слабее, чем у противника, который сосредоточил здесь 198 тяжелых и 41 сверхтяжелых орудий, кроме большого числа легких батарей.

Несмотря на то, что австро-германцы имели на участке Плеццо — Тольмино численное превосходство в людях и орудиях, нельзя одному лишь этому приписать удачу прорыва. Одной из главных причин слабости итальянцев было, как отмечает Гинденбург **, неудовлетворительное расположение итальянской обороны. На фронте 4-го корпуса, расположенного целиком к востоку от Изонцо, на участке от склонов горы Ромбон до реки, было два слабых места. В котловине Плеццо 50-я дивизия имела все части на дне долины и вследствие просачивания

---

* Cadorna, т. II, стр. 123. Однако, он не мог быть вполне уверен в точности и достоверности этих сведений и должен был принимать меры против возможных атак и на других участках (стр. 128).

** «Aus meinem Leben», стр. 261—262.

воды из грунта ее район был недостаточно оборудован закрытиями и убежищами; кроме того, над ее расположением командовали австрийские позиции на горе Ромбон и на Яворчек. Часть фронта 46-й дивизии проходила по склонам Мрзли и Водиль, параллельно и вплотную к расположенным выше австрийским позициям, а местность позади них круто спускалась к реке, так что войска находились под постоянной угрозой не только огня австрийцев, но также и массы каменных глыб, которые противник часто сбрасывал на них, не говоря уже об естественных обвалах, что делало повседневную жизнь их нестерпимо тяжелой и опасной. Кроме того, в первой линии было сосредоточено слишком много войск *. Вторая линия главного сопротивления, хотя и была в общем лучше укреплена, чем первая, но была расположена чересчур близко к первой линии, а на некоторых участках фактически сливалась с ней.

Передовая линия 27-го корпуса начиналась от Габридже, к востоку от Изонцо, пересекала реку, поднималась на Есеняк, проходила перед предмостной позицией у Тольмино, снова пересекала реку ниже Село, поднималась на плато Байнзицца и шла по нему до Каль. Она была несколько сильнее передовой линии 4-го корпуса, но над ней также командовали позиции противника. Вторая линия этого корпуса начиналась от Изонцо, юго-восточнее Селище, поднималась на Коста Раунца и Есеняк, проходила по хребту Каза Чемпони и снова спускалась к реке в 1 *км* юго-западнее Село. Эта вторая линия была далеко не вполне оборудована, укрытий было недостаточно, а большое количество намеченных работ не было выполнено, несмотря на приказы Кадорны. Таким образом, 4-й корпус имел слабую первую линию и несколько более сильную вторую, тогда как 27-й корпус имел более сильную первую линию и недостаточно подготовленную вторую; у обоих корпусов передовые позиции находились под фланговым огнем противника, занимавшего окопы, расположенные выше. Австрийские позиции у Тольмино не имели свойственного большинству предмостных укреплений недостатка, поскольку они, благодаря повороту реки в восточном направлении, не образовывали исходящего угла и поэтому не могли обстреливаться с флангов.

В тылу 4-го и 27-го корпусов имелись еще две линии обороны, но они не были приведены в порядок, а окопы на них были устарелого типа.

Когда Кадорна решил отказаться от наступательных действий, он отдал приказ о переходе к чисто оборонительным действиям, об оборудовании позиций и о распределении войск в соответствии с этим изменением плана действий. 27-й корпус «должен был перевести большую часть своих сил на правый берег Изонцо, а на Байнзицце должна была остаться только самая подвижная часть его орудий средних калибров», причем было приказано подготовиться к тому, чтобы отвести назад даже эти последние. Эти распоряжения были выполнены лишь

---

* Кадорна (т. II, стр. 131) отдал распоряжение, чтобы первая линия фронта занималась небольшими частями, оборона коих базировалась бы, главным образом, на пулеметном и артиллерийском огне. Но его распоряжения не были выполнены.

частично: 24 октября из 49 батальонов корпуса 22 оставались еще на левом берегу реки. Вся артиллерия 2-й армии должна была сосредоточить весь свой огонь для контрподготовки так чтобы расстроить атаку австрийцев еще до ее начала, однако, как мы увидим, и этот приказ не был выполнен.

Расхождение между тем, что главнокомандующий приказывал, и тем, что командующий 2-й армии исполнял, было следствием противоречия во взглядах этих двух начальников. Капелло, который был по природе человеком энергичных действий и который во время атак в сражении под Горицей заслуженно стяжал себе репутацию горячего и храброго командира, не мог примириться с мыслью о чисто оборонительном образе действий; пассивному ожиданию удара противника он скорее предпочел бы «наступательно-оборонительные действия» с нанесением наступающему противнику после начала его наступления контрудара по его левому флангу в районе Врх в направлении на Санта Лючия. Сам Кадорна, казалось, одно время склонялся принять план «активной обороны» или «стратегического контрнаступления», предложенный Капелло и поддержанный генералом Бадольо, но впоследствии он принял решение в пользу обороны в чистом виде, сопровождаемой лишь контрнаступлениями в тактическом масштабе, что в основном нужно считать правильным решением. В беседе с Капелло 19 октября он уточнил свои намерения, и Капелло приступил к их осуществлению, но было уже поздно, а главное, Капелло не вкладывал души в проведение этого плана. К 24 октября отвод артиллерии с восточного берега Изонцо на западный был выполнен лишь частично, и когда началось наступление, многие из батарей, посланных на угрожаемый участок в последний момент, находились в движении и не могли открыть огонь. Слишком много тяжелой артиллерии находилось излишне близко к передовой линии, было еще слишком много войск на плато Байнзицца и на других участках передовых линий, но зато слишком мало частей было предназначено для обороны позиций на Изонцо между Плеццо и Тольмино; здесь был всего лишь один корпус, правда, довольно сильный (53 батальона), и еще 9 батальонов других частей, а остальные 8 корпусов находились между Байнзицца и морем. Плохо были распределены и резервы. Верховное командование продолжало еще несколько сомневаться в том, что наступление не будет предпринято и на среднем Изонцо, и поэтому держало значительные резервы в районе против Горицы, откуда нельзя было быстро подоспеть на участок Тольмино.

Из 114 батальонов общего резерва, находившегося в непосредственном распоряжении верховного командования, 39 были в районе 2-й армии, 60—в районе 3-й армии и остальные на прочих участках *.

Следующей несчастливой случайностью была болезнь генерала Капелло. 20 октября нездоровье принудило его передать командование генералу Монтуори; доехав до Падуи, он узнал, что вот-вот должно начаться наступление австрийцев; он немедленно возвратился на фронт и всего за несколько часов до начала наступления вызвал в Чивидале

* Cadorna, т. II, стр. 133.

Рис. 10. Итал янские окопы на Карсо после их бомбардировки австрийцами.

подчиненных ему командиров для отдачи им распоряжений; но вскоре болезненное состояние снова вынудило его оставить командование. Генерал Кадорна считал Капелло одним из самых способных генералов, но недостаточно дисциплинированным и не умеющим приспособиться к оперативному плану, который расходился с его собственными взглядами и который поэтому он выполнил неполностью.

Тем не менее, создавшаяся обстановка не очень беспокоила верховное командование, но все-таки 7 октября генерал Кадорна посетил оборонительные работы на Монте Граппа между реками Пьяве и Брента и отдал распоряжение продолжать их (они были начаты еще в 1916 г., но сделано было немного). О готовящемся наступлении австрийцев знали наверняка, но предполагали, что цели наступления будут ограничены обратным овладением позициями, потерянными в последних боях. Действительно, большинство германских и австрийских командиров сами даже не думали, что им удастся продвинуться так далеко, как это в действительности случилось [44], и они лишь надеялись, что, нанеся итальянцам поражение, они вызовут в Италии революцию, за которой последует сепаратный мир, как это случилось в России.

В 2 часа, в темную и дождливую ночь с 23 на 24 октября, австрийская артиллерия начала обстрел итальянских позиций химическими снарядами, главным образом, окопов второй линии, командных пунктов, артиллерийских позиций и путей сообщения, а затем начался разрушительный артиллерийский огонь невиданной еще силы. В очень короткое время укрепления были разгромлены, окопы, убежища и блиндажи разрушены ураганным огнем, и вся связь между командными пунктами и передовыми позициями прервана. Химическая атака полностью удалась, поскольку средства противохимической защиты были несовершенны.

В первый день главную тяжесть наступления вынесли на себе 3 дивизии 4-го корпуса и 19-я дивизия 27-го корпуса. Ужасающий артиллерийский огонь сильно расстроил части, находившиеся в первой линии, а итальянская артиллерия не смогла оказать им соответствующую поддержку своим контрбатарейным огнем отчасти из-за тумана [45], отчасти же вследствие того, что огонь противника разрушил всю связь, так что передача распоряжений сделалась затруднительной. Но все же вина падает и на некоторых корпусных командиров и на начальника артиллерии 27-го корпуса, так как они, по невыясненным причинам, не выполнили полученных ими распоряжений. И действительно, слабость огня итальянской артиллерии породила у австрийцев убеждение, что итальянское командование имеет в первой линии лишь слабое прикрытие и оттянуло главную массу своих войск дальше назад. Артиллерия, которая так блестяще действовала на Карсо и на плато Байнзицца, теперь почти молчала.

В 8 часов утра, после взрыва двух огромных мин на Монте Россо и Монте Мрзли, пехота 14-й австро-германской армии перешла в наступление на фронте 4-го и 27-го корпусов. Генерал Краусс, командовавший войсками на участке Плеццо, наступал, имея первым объектом дефиле Сага; но он рассчитывал также захватить и гору Столь,

так как полагал, что если эта позиция будет захвачена, то итальянцы будут вынуждены отойти на всем фронте *.

К 9 часам 30 минутам утра фронт 4-го корпуса был прорван в центре у Форначе, и противник продвинулся по дну долины, но был задержан у Сага. На соседнем участке Ромбон и Чезсока войска некоторое время сопротивлялись на первой линии, но под угрозой со стороны австрийцев, продвинувшихся по долине, отошли назад. До 14 часов австрийцы прорвали также фронт 43-й дивизии и распространились в котловину За Краю; на правом фланге дивизии австрийцы захватили пик 2133 к северу от Монте Неро и появились в районе Козляка. 46-я дивизия была атакована 50-й австрийской и 12-й германской дивизиями.

Генерал Штейн атаковал стык между двумя итальянскими корпусами непосредственно севернее Тольмино. Оборона Тольмино, который являлся самым слабым участком, была вначале возложена на бригаду Алессандрия (46-й дивизии), действовавшую на крайнем правом фланге 4-го корпуса, но в последний момент этот участок передали Неаполитанской бригаде (19-й дивизии), действовавшей на крайнем левом фланге 27-го корпуса, и во время наступления Тольмино участок удерживался лишь слабыми частями Неаполитанской бригады. Часть 27-го корпуса занимала высоты против Тольмино, а остальная часть была еще на плато Байнзицца. Многие подразделения 46-й дивизии оказали на участке Мрзли—Слеме энергичное сопротивление и удерживались на своих позициях даже после того, как были обойдены и очутились в безнадежном положении; противник сам свидетельствует об упорстве обороны и о том, с каким трудом он преодолел ее. Однако, во всех других районах оброняющиеся были задавлены, и это привело к прорыву между Мрзли и рекой. 12-й германской дивизии генерала Леки легко удалось преодолеть сопротивление батальона Неаполитанской бригады на стыке двух корпусов и проложить себе путь на правый берег реки, что способствовало прорыву позиций на левом берегу Изонцо, вблизи Габрие; около 11 часов вслед за этим дивизия овладела и второй линией обороны близ Селище. Около 16 часов эта дивизия овладела Капоретто, селением, зловещим именем которого было названо все сражение, и волной прокатилась по всей линии Старийски—Старо Село—Матаюр, а к вечеру фронту 4-го корпуса проходил от долины Валле Уччеа на Робик (у Монте Столь), Потоки и Сан Воларио.

Тем временем Альпийский корпус (из группы Беррера) атаковал итальянские позиции прямо против Тольмино; искусно проведенной атакой он преодолел первую линию обороны, и через созданный таким образом прорыв 12-я германская дивизия получила возможность продвинуться вперед на обоих берегах реки; так как долина вся была покрыта туманом, некоторые итальянские части, расположенные на высотах справа от нее, даже не видели движения противника внизу, и поэтому не приняли мер, чтобы задержать его. Краусс, который стремится превозносить подвиги своих австрийских частей, утверж-

* A. Krauss, The First Defence of the Isonzo, in Schwarte «Der grosse Krieg», стр. 227 и след.

дает, быть может, пристрастно, что 12-я дивизия имела самую легкую задачу. Альпийский корпус, наступавший из Вольцана (к западу от Тольмино), атаковал теперь Коловрат, занятый частью 19-й итальянской дивизии; группы Беррера и Скотти двинулись влево, вниз по Изонцо, между Санта Мария и Санта Лючия и между Санта Лючия и Доблар, в направлении на Монте Ежа и на хребет, отделяющий Изонцо от долины Юдрио и командующий как над рекой, так и над долиной; группа Штейна двигалась вверх по течению.

В тот же день, 24 октября, верховное командование отдало 2-й армии приказ подготовиться к обороне на второй линии 27-го корпуса, вдоль хребта Ежа—Глобочак, так, чтобы не дать противнику удержать линию Чемпони—Крад Врх, если ему удастся выйти на нее. Генерал Капелло ответил, что он это уже сделал. Командование 7-го корпуса, узнав о потере Селище, отдало приказ 62-й дивизии совместно с 4-м корпусом занять Люико и горный выступ Голоби—Идерско, а 3-й дивизии—оборонять Коловрат на участке от Пусно до Глобочак. Но в ночь на 25 октября австрийцы захватили верхнюю часть долины Юдрию. Этот-то широкий разрыв, образовавшийся на фронте 27-го корпуса и своевременно не закрытый 7-м корпусом, и оказался роковым для 2-й армии. К вечеру 24 октября противник захватил три линии обороны на фронте 27-го корпуса, правее 4-го корпуса, достиг Капоретто и разрушил всю систему передовой обороны 4-го корпуса. В этот и последующие дни противник захватил большую часть этого корпуса в плен.

На плато Байнзицца части 27-го и 24-го корпусов, хотя и были атакованы превосходными силами, которыми командовал генерал Генрикез, но оказали стойкое сопротивление и даже сами перешли в контратаку, захватили пленных и отняли у противника несколько только что утраченных ими позиций. Командир 24-го корпуса генерал Кавилья был готов обеспечивать северный фланг остальных сил 2-й армии, действовавших южнее, и принял командование над оставшимися еще в этом районе частями 27-го корпуса. Но искусный маневр группы Скотти создал угрозу этим войскам с тыла. Верховное командование отдало приказ 2-й армии оттянуть войска с плато Байнзицца на линию главного сопротивления и, если нужно, переправиться обратно через Изонцо. Попытка выполнить этот отход не удалась, так как части противника ударили по 24-му корпусу в то время, когда он спускался к реке, захватили некоторые его части в плен, а остальные оттеснили к югу.

Кое-где части различных корпусов еще держались. Части 43-й и 46-й дивизий оставались в течение всего дня на Монте Неро, не зная о том, что произошло в других местах, так как всякая связь была прервана, а альпийские части держались на Монте Неро еще несколько дней. На западных склонах Мрзли и Слеме произошли ожесточенные стычки, и даже там, где части были отброшены назад, они отходили с боем. Здесь отличились бригады Кальтанизетта и Этна, а также 243-й полк. Альпийский батальон Альберджи оставался на Монте Плека до вечера 25 октября. Части этих сил удалось переправиться обратно через реку, но остальные были захвачены в плен. Другие части не оказали энергичного сопротивления, а некоторые и совсем развалились.

Кадорна полагал, что долину Натизоне можно было еще оборонять, удерживая линию от Глобочек до Монте Ксум и через перевал Заградан на Люико, Монте Матаюр и дефиле Робик—рубеж, далеко не идеальный, но представлявший то преимущество, что он был расположен далеко от противника и не наблюдался его артиллерией. Далее в тылу была еще одна линия—последний оборонительный рубеж на равнине Фриуля, опиравшийся на Монте Маджоре и проходивший по дуге высот, окружающих начало долины Натизоне (Монте Куница, Монте Карница и Монте Юанец), примыкая к Монте Корада и к отрогам на правом берегу Изонцо. 24 октября командующему

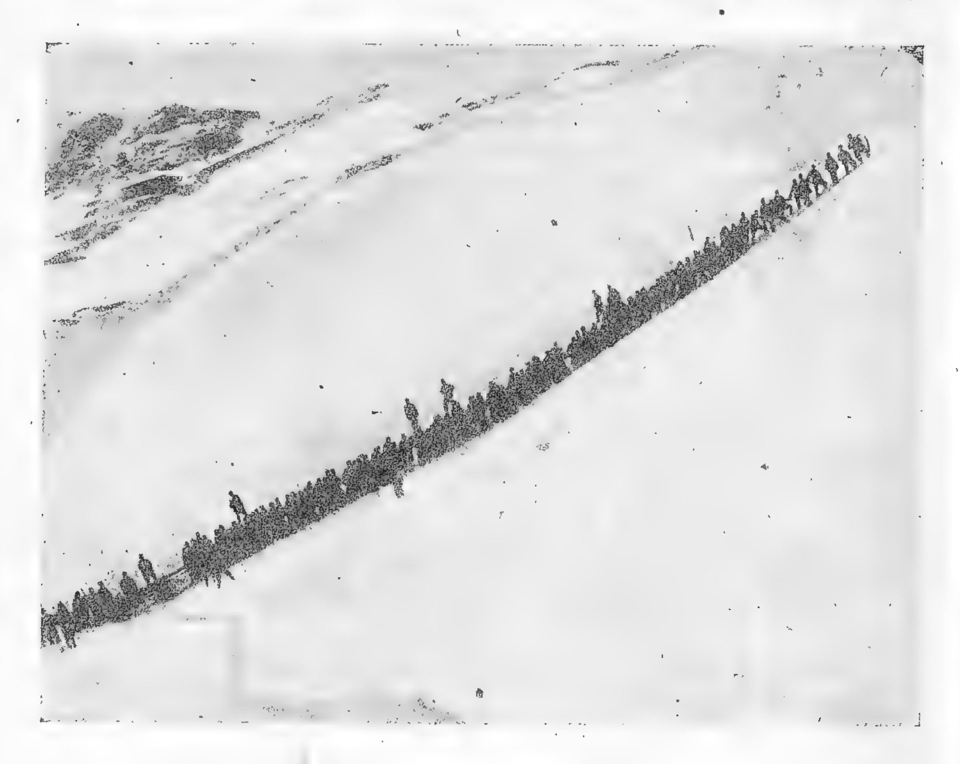


Рис. 11. Подъем орудий на гору.

Карнийской группы было приказано приготовиться к обороне Монте Маджоре и запереть выходы из долины Уччеа и Рио Быянко. На следующий день командующему 3-й армией было приказано оттянуть тяжелую артиллерию назад за Пьяве, а более подвижную артиллерию — к западу от долины Валлоне дель Карсо.

25 октября командующий 2-й армией сообщил Кадорне, что прорыв на фронте 4-го корпуса привел к потере всех позиций, находящихся восточнее Изонцо, и что противник продвигается на Креда, успешно атакует гору Стюль и нажимает на Люико. Гору Стюль обороняли альпийские части, которые избежали пленения у Плеццо и на Монте Неро и после израсходования огнеприпасов отбивались камнями; но

теперь они оказались окруженными и задавленными. Некоторым из них удалось прорваться через неприятельскую линию и добраться до Бергоньи на реке Натизоне. Однако, потеря этой позиции была серьезным ударом. Бригада Потенца храбро выдержала бой в теснине между Монте Матаюр и Монте Миа, но бригада Салерно, направленная для обороны части горы Матаюр, прибыла сюда к исходу дня, не зная, что ей делать, и не смогла удержаться.

26 октября 2-я армия отошла на линию Монте Маджоре — Монте Кавалло—Монте Пурджессимо—Корада—Кук—Водиче—Монте Санто в надежде здесь задержаться, но австро-германцам удалось прорвать и эту новую линию фронта и, захватив ее главные оплоты—Монте Маджоре и Монте Юанец, оттеснить итальянские войска на следующую линию, неудобную для обороны. В долине Валь Резиа австро-германцы достигли Сан Джорджо, а на Карсо—вышли к Доссо Фаити.

После потери Монте Маджоре Кадорна приказал всей 2-й армии отойти по-эшелонно на Тальяменто и оборонять выходы на равнину; отход должен был начаться с северо-запада, причем Карнийская группа должна была оказать сопротивление у Кьюзафорте, где сливаются долины Валь Ракколана и Валь Фелла, а 4-я армия должна была отойти с Кадорских Альп на другую линию сопротивления и в конце концов принять от 1-й армии Монте Граппа. Впервые с самого начала войны на фронте Изонцо противник вступил на итальянскую территорию.

Рано утром 27 октября главнокомандующий решил отдать 3-й армии приказ об отходе с позиций, которые она захватила и удерживала с такой замечательной доблестью и ценою таких огромных потерь. Это было сделано скрепя сердце, так как армия герцога Аоста еще не была расстроена; однако, это было необходимо, ибо над ее тылами уже нависла угроза, и вся группа находилась в серьезной опасности быть целиком захваченной в плен. Перед оставлением района Изонцо равнина была затоплена, чтобы замедлить продвижение противника. Тяжелые орудия не удалось во-время отвести назад, и они остались на своих первоначальных позициях, где и были найдены через год, после победы итальянцев у Витторио Венето.

Огромные массы людей, лошадей, орудий и обозов всех родов устремились теперь через равнину Фриуля в направлении на Тальяменто. Многие части шли спокойно и в порядке, при полном вооружении и снаряжении, сохраняя дисциплину до конца. Особенно части 3-й армии сохранили тот «воинский дух», который вселил в них командующий армией и которым он всегда гордился. Другие части превратились в толпы распущенного сброда, потеряли всякое подобие дисциплины и всякое чувство воинского долга, требовали заключения мира или всячески ругали воображаемых предателей. Вместе с войсками шли толпы граждан—мужчин, женщин и детей, бегущих от врага, от жестокости которого пришлось пострадать тем, кто остался в занятых им районах; эти беженцы вносили в ряды отходивших еще больший беспорядок. Где только было возможно, отходившие солдаты взрывали или поджигали мосты, базы и склады; однако, большое количество запасов все же попало в руки противника неповрежденным.

29 октября 3-й армии удалось без особых трудностей переправиться через Изонцо; ее левый фланг был прикрыт правым флангом 2-й армии (6-й и 8-й корпуса), которая была подчинена герцогу Аоста и развернулась между Изонцо и Торре и на которой катастрофа, случившаяся далее к северу, еще не успела сильно отозваться. Противник все-таки успел разгромить части 7-го корпуса на реке Торре между Сольт и Бейварс, и в тот же день, вскоре после полудня, вступил в Удине, откуда верховное командование и штаб 2-й армии выехали лишь несколько часов назад. Драматическим эпизодом этого дня была смерть командующего германской армией генерала Беррер, который в момент въезда в город на своем автомобиле был застрелен одним итальянским карабинером.

Генерал Кадорна методически руководил отходом и противодействовал продвижению противника, бросая во все расширявшийся прорыв одну бригаду за другой. Он проявил поразительное спокойствие и за все время катастрофы ни разу не растерялся, чего никак нельзя сказать о некоторых из подчиненных ему генералов.

29 октября вся масса войск 2-й и 3-й армий и Карнийской группы продолжала отход без давления со стороны противника; в это же время 4-я армия начала отходить с Кадорских Альп, оставив верхние долины Висденде и Сезис, чтобы прикрыть отход войск с Карнийских Альп и левого фланга 2-й армии и чтобы запереть мосты через Тальяменто у Корнино и Пинцано, Кадорна сформировал новый особый корпус в составе 20-й и 33-й дивизий под командованием генерала Ди Джорджо. Он продолжал учитывать необходимость создания дальше в тылу новой линии обороны. Сначала Кадорна предполагал задержаться на реке Тальяменто, во всяком случае на некоторое время, и уже отдал приказ организовать оборону на правом берегу реки. В ночь с 28 на 29 октября войска начали переправляться через реку, но встретились здесь с большими трудностями, так как вода в реке поднялась и много мостов было сорвано, вследствие чего массы войск, обозов и беженцев столпились на немногих остававшихся мостах. Части уже успевшие переправиться, приступили к оборудованию оборонительных позиций.

Британское и французское правительства сразу же предложили помощь Италии в ее острой нужде. Уже в день прорыва у Капоретто глава британской военной миссии при итальянском верховном командовании генерал Дельме-Радклифф сообщил о готовности Англии оказать необходимую помощь. Предложение об оказании помощи было подтверждено обоими союзными правительствами, которые месяцем раньше, не веря в предстоящее наступление противника, сняли отсюда большую часть присланной ранее тяжелой артиллерии, как только генерал Кадорна принял решение не начинать нового наступления на итальянском фронте.

Утром 30 октября генерал Фош прибыл в Тревизо, куда перешло итальянское верховное командование, чтобы обсудить совместно с генералом Кадорна создавшееся положение. Он внес ряд ценных предложений, но Кадорна мог его уверить, что все его советы либо уже выполнены, либо проводятся в жизнь. Моральная поддержка и ободрение Фоша несомненно укрепили Кадорну в его решении держаться

до конца и организовать новую линию обороны на Пьяве, так как на Тальяменто нельзя было удержаться; но это решение было принято самим Кадорной.

Вскоре в Италию начали прибывать британские и французские части и возник вопрос—как и где использовать эти ценные подкрепления Кадорна мыслил, что их следует послать на Монтелло—лесистую возвышенность, господствующую над средним течением Пьяве и связывающую район Граппа, который должен был удерживаться отходившей с Кадорских Альп 4-й армией, с 3-й армией на нижнем течении Пьяве, пока остатки 2-й армии приводились бы в порядок. Но Фош не согласился с этим. Быть может, он опасался последствий соприкосновения его частей с итальянскими частями, разбитыми у Капоретто, или он не был уверен в возможности удержать линию Пьяве, на которой были в значительной степени лишь импровизованные укрепления; может быть, он также не хотел вводить в дело французские части на этом удаленном участке, убедившись в готовности новой линии к обороне. Во всяком случае, он считал, что итальянцы сами должны задержать противника на Тальяменто и организовать оборону на Пьяве и в Трентино. Тогда Кадорна попросил его послать в район Брешиа две из начавших уже прибывать французских дивизий, чтобы отразить возможное наступление противника со стороны Джудикарии. Но и в этой просьбе ему было отказано; Фош решил пока держать французские части под командованием генерала Дюшен между Брешей и Вероной. В отношении формы командования союзными войсками в Италии не было никакой договоренности, и хотя через несколько дней, на совещании в Рапалло, было признано необходимым установить какие-то формы союзного командования, но этот принцип не был проведен в жизнь ни тогда, ни значительно позднее, даже в отношение французских и британских сил в Италии, которые продолжали получать распоряжения от своих главнокомандующих из Франции, а не от итальянского командования.

Кроме того, помощь со стороны Франции не была предложена безоговорочно. Однако, эта помощь оказалась полезной, так как позволила Кадорне перебросить некоторые итальянские части со спокойных западных участков на боевой фронт, и это имело большое моральное значение; особенно это относится к британским частям, чье командование создало гораздо меньшие трудности, чем французское *. Итальянский народ чувствовал реальность союзной солидарности и впоследствии благодарил Фоша за сделанное им заявление о том, что итальянцы должны задержать противника на Пьяве без посторонней помощи, что они фактически и сделали. Но после войны была создана совершенно неверная «легенда о Фоше». Не Фош посоветовал обороняться на Пьяве и не Фош оборонял эту линию в октябре—ноябре 1917 г. Французская пропаганда просто выдумала Фоша, который энергично советовал итальянцам, намеревавшимся отходить еще дальше назад, обороняться на Пьяве; Фоша, который восстановил уве-

---

* Трудности эти создавались не командирами союзных частей в Италии а инструкциями, данными им их главнокомандующим и военными министерствами.

ренность и мужественную решимость у итальянского командования и правительства, потерявших было веру в свои силы; Фоша, который отказался занять линию Монтелло только потому, что просьба Кадорны обнаруживала его колебание и неуверенность. И действительно, маршал Петэн в своей речи при его приеме во французскую Академию наук в 1931 г. отдал должное усилиям итальянцев: «Послав на итальянский фронт четыре французских дивизии и убедив англичан последовать нашему примеру *, Фош 28 октября лично отправился в Италию.

Пятнадцать дней спустя противник был задержан на берегу Пьяве, еще до того, как возникла необходимость ввести в дело наши дивизии. Оставив итальянской армии заслугу и честь спасения своего отечества, Фош своим личным присутствием и присутствием в Италии французских и британских дивизий подтвердил солидарность союзников».

Всего до конца года в Италию прибыло 5 британских и 6 французских дивизий, но затем 2 британские и 3 французские дивизии были отозваны обратно.

Конница, пребывавшая в бездеятельности почти все время войны, кроме тех дивизий, которые были спешены и которые как пехота действительно очень отличились в окопах **, теперь начала действовать как конница и сослужила неоценимую службу, задержав продвижение противника на равнине. 28 октября полк легкой конницы Салуццо атаковал противника, переправлявшегося через реку Торре у Бейварс и Сан Готтардо; 29 октября 4-я кав. бригада (уланские полки Аоста и Мантуя) атаковали неприятельский авангард у Фаганья, а 1-я бригада (кав. полки Римский и Монферрато)—у Пазьян Скьявонеско. 30 октября Генуэзский и Новарский уланские полки, поддержанные отрядами берсальеров, отлично сражались у Поццуоло дель Фриуль против значительно превосходящих сил противника, прикрывая отход своих войск по дороге Пальманова—Гонарс—Тальмассоне—Кодройпо. Уланы и берсальеры дрались винтовкой и штыком за каждый дом селения, затем уцелевшие остатки двух кавалерийских полков снова сели на коней и несколько раз атаковали противника, нанося ему большие потери, пока не осталась маленькая горсточка. Генуэзский *** и Новарский кавалерийские полки были почти полностью уничтожены; из одного эскадрона, который атаковал, чтобы избежать окружения, уцелело всего 10 человек, и среди них ни одного офицера.

Авиация также творила чудеса. Итальянские летчики атаковали и сбили много неприятельских самолетов и с большим успехом бомбардировали наступающую пехоту и артиллерию.

* Volpe, стр. 132. См. также «Revue des Deux Mondes» от 15 июля 1920 г. относительно легенды о Фоше и ответ Анджелло Гати в «La part dell'Italia», стр. 162 и след. и «La Rassegna Italiana» за май — июнь 1923 г., а также статью Кадорны в «Arnuj Quarterly», т. VII, стр. 235—244.

** Из 25000 сабель большая половина сражалась в окопах, а из 3000 офицеров одна треть была переведена в другие роды войск.

*** «Генуэзская кавалерия» больше чем оправдала свои великолепные традиции и свой гордый девиз: Soit á pied, soit á cheval «mon honneur, — est sans égal» («Пешком ли, верхом ли — моя честь не имеет себе равных»).

В эти тяжелые дни было совершено много подвигов, и если некоторые бойцы и бежали в панике, потеряв всякое чувство дисциплины и воинского долга, то остальные были просто унесены силою событий и готовы были исполнять приказы, если бы таковые им отдавались; зачастую они отыскивали свои части и своих командиров среди ужасной путаницы, царившей тогда на дорогах в Фриуле.

30 октября, когда массы войск медленно переправлялись через Тальяменто, противник занял Сан Даниеле, северо-западнее Удине, создав, таким образом, угрозу мостовым переправам у Пинцано и Кодройпо, находившимся севернее линии отхода. Бригада Болонья и другие пехотные части пытались задержать продвижение противника, и это им на время удалось, но в 14 часов генерал Альярди, командовавший войсками в этом районе, приказал взорвать три моста у Кодройпо. Это было сделано преждевременно, и значительное количество пехоты и батарей, оставшихся на левом берегу, попало в руки противника, в том числе много тяжелых орудий и орудий средних калибров, которые с невероятным трудом были оттянуты сюда с плато Байнзицца благодаря энергии полковников Байстрокки и Гарроне и других офицеров. Теперь еще больше частей, преследуемых австрийскими частями группы Скотти, стало стекаться на дороги, ведущие к переполненным мостам у Мадризио и Латизана. 1 ноября был взорван мост у Пинцано, а затем в тот же день — мост у Латизана.

Крупные итальянские силы развернулись теперь вдоль правого берега Тальяменто, против достигших левого берега австрийцев и германцев. Но Кадорна учитывал, что эта река не может действительно обеспечить итальянцев и что последнее сражение для спасения Италии должно быть дано на Пьяве. Действительно, в ночь со 2 на 3 ноября противник уже начал переправляться через верхнее течение Тальяменто у Корнино и Валерьяно и создал угрозу итальянским частям, занимавшим правый берег реки, ниже по течению. Особый корпус генерала Ди Джорджо провел ряд энергичных арьергардных боев, которые в течение 3 и 4 ноября задерживали противника и тем выиграли для 3-й армии время, необходимое для того, чтобы дойти до Пьяве и переправиться через нее. 4 ноября Ди Джорджо получил приказ отойти за реку Медуна, что он и начал исполнять. 36-я и 63-я дивизии, отходившие с предгорий Карнийских Альп, оказались при этом отрезанными от своих тыловых путей. Под начальством генерала Рокка они с боем пробились на юг, отбросили авангарды противника 5 ноября у Пьелунго и Форно и 6 ноября у Прадис, пока уцелевшие остатки этих двух дивизий не были окружены превосходными силами и принуждены к сдаче.

Теперь появились признаки того, что австро-германское наступление начало замедляться. Генералу Бороевичу не удалось задержать итальянскую 3-ю армию, которая проскользнула у него сквозь пальцы, и теперь, следуя за ней, он не проявлял достаточной энергии, так как жестокие бои на Карсо сломили дух его войск, действовавших на этом участке. Пытаясь наступать в северо-западном направлении, он пересек направление наступления 14-й германо-австрийской армии, внеся этим значительный беспорядок и усилив раздражение фон Белова, вы-

званное неспособностью, которую последний приписывал австрийцам. Арьергардные бои итальянцев и самопожертвование их конницы создали дальнейшую задержку. Австрийская армия не имела достаточного количества подвижных частей, способных стремительно продвинуться вперед и преодолеть все препятствия, а также не располагала соответствующими материалами для восстановления взорванных мостов; наконец, связь между различными частями была непрочной. Австро-германцы достигли поразительного успеха, но командование почти потеряло руководство своими частями и оказалось не в состоянии полностью использовать этот успех.

Эвакуация приморского района на крайнем правом фланге 3-й армии была проведена с помощью морского флота. Адмирал Мурцоло получил об этом приказ 26 октября и блестяще выполнил его, несмотря на исключительно неблагоприятную обстановку. Стояла отвратительная погода; волнение на море и паводок на Изонцо затрудняли его действия, а противник развивал со своих кораблей и с самолетов исключительно сильный огонь. 4 000 или 5 000 моряков предотвратили опасность обходного движения противника по берегу моря, поддерживали связь между лагуной Градо и Венецией по водным путям вдоль берега, спасли огромное количество военного имущества и уничтожили то, что им не удалось увезти. К 30 октября, когда 3-я армия достигла Тальяменто, моряки закончили свою работу и приступили к выполнению другой задачи по усилению укреплений Венеции, хотя было сомнительно, возможно ли еще спасти этот прекрасный город [46].

Отход на Пьяве протекал теперь совершенно планомерно. 3-я армия потеряла много людей, но улучшилась в качественном отношении, так как растеряла свои самые сомнительные элементы, а те, кто остался в ее рядах, были полны решимости сражаться до конца. Арьергардные бои на Тальяменто и на Ливенце были энергично проведены отрядами из всех родов войск. Колонны бойцов и обозов, которые до Тальяменто шли в беспорядке и расползались вправо и влево от главных сил, перейдя через реку, снова присоединялись к ним. Много разложившихся бригад было спешно переформировано. По сторонам дорог вывешивались доски с названием той или другой части, и отбившиеся люди, видя на объявлениях названия своих частей, останавливались и ожидали своих товарищей, пока офицеры не восстанавливали порядка.

Даже в разбитой 2-й армии многие части сохранили свою организацию и моральную стойкость. Некоторые отряды этой армии в течение 12 часов сдерживали противника у горного прохода Маурия между верхним Тальяменто и долиной верхней Пьяве. Альпийский батальон Беллуно, который понес огромные потери на горе Столь, в начале ноября прибыл на место своей постоянной стоянки в Беллуно; командир батальона решил дать своим измученным бойцам, которые уже много дней шли походом и вели бои, небольшую передышку для свидания с семьями, приказав им вернуться через несколько часов; в указанное время они все аккуратно возвратились. Бои в этом горном районе имели целью задержать продвижение противника, они затрудняли связь между группами Кробатина и Конрада и, таким образом, способствовали сохранению порядка в 4-й армии, отходившей с Кадорских Альп.

К 7 ноября большая часть 3-й армии, переправившись через Монтикано и Ливенцу, достигла Пьяве и переправилась через нее. Отход 4-й армии также продолжался; сначала ей было приказано оборонять горный проход Серравалле, близ Витторио, но теперь в этом уже больше не было необходимости, так как этот район должен был быть оставлен. Генерал Кадорна считал, что генерал Ди Робилант отходил чересчур медленно, но, если, поступая таким образом, он подвергал себя очень опасному риску, то на самом деле он смог провести свой отход без особого давления со стороны противника и не неся серьезных потерь. Однако, 9 ноября противник все же перешел через Карнийские Альпы и по долине Вайонт вышел в Лонгароне, севернее Беллуно, и преградил путь отхода большой колонне из частей 4-й армии. 10 ноября итальянцы вели очень упорный бой, чтобы пробиться, но лишь небольшой части удалось уйти через горы из окружения; остальные, всего около 10 000 человек, были захвачены в плен. Эта задержка противника дала возможность другим частям 4-й армии с артиллерией и прочей материальной частью достичь своих новых позиций между Пьяве и Брентой. 9-й корпус занимал теперь фронт от Монте Паллоне, через Монте Томба и Монфенера, вниз до Пьяве, где он прикрывал мосты у Видор, Фенер и Приула. К западу от него развернулся 18-й корпус, вошедший в связь с армией Альтипиани (Азьяго).

6 ноября особый корпус генерала Ди Джорджо вел упорный арьергардный бой у Сачиле, но теперь, выполнив свою задачу, он последовал за другими частями и переправлялся через Пьяве. Полковник Франческо Россо, командовавший арьергардом 13-го корпуса, состоявшим из нескольких эскадронов конницы, батальона берсальерских самокатчиков и других частей, будучи атакован превосходными силами противника у Кампанья ди Чезальто, получил приказ начать отход. Но он продолжал держаться, пока почти все его бойцы не были убиты или ранены, и сам он также пал, вероятно, покончив с собой.

Рубеж Пьяве теперь удерживался довольно крупными силами, а на массиве Граппа между Пьяве и Брентой спешно заканчивалось оборудование позиций, чтобы запереть выход на равнину между этими двумя реками *. 7 ноября Кадорна выпустил страстный призыв к армиям о сопротивлении до последней возможности.

Свое воззвание он заканчивал словами: «Мы сохраняем непреклонную решимость; на новых позициях от Пьяве до Стельвио мы должны защитить честь и жизнь Италии; пусть каждый боец знает, что призыв и веление совести каждого итальянца гласят—умереть, но не отступить!»

Это были последние слова Кадорны как главнокомандующего. 8 ноября ему сообщили, что он освобождается от должности, и 9 ноября он передал командование итальянской армией генералу Армандо Диацу, который был назначен его преемником.

---

* Британский генерал Кевен, следуя в Тревизо на совещание с генералом Кадорной, встретил отходившие части 2-й армии и был очень этим обеспокоен. Но после встречи с Кадорной, найдя его совершенно спокойным и наблюдая, как хорошо он заполнил разрыв между 1-й и 3-й армиями, тоже успокоился.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОЗДОРОВЛЕНИЕ

Положение римского кабинета министров постепенно делалось все более и более шатким, и 21 октября наступил кризис. Капоретто только ускорило, а не решило его падение. 26 октября получение правительством меньшинства (голосов) в парламенте заставило Бозелли и его коллег подать в отставку, и министру внутренних дел Орландо было поручено сформировать новый кабинет. Выбор казался весьма странным, так как никого другого, как именно Орландо, считали ответственным за чрезмерную свободу действий, предоставленную крайним политическим партиям в развертывании пораженческой кампании. Но справедливость требует отметить, что в минуту грозной опасности для страны он лучше справился со своей задачей на посту премьера, чем на посту министра внутренних дел. Барон Соннино остался министром иностранных дел [47], а генерал Джардино — военным министром. Джардино собирался просить нового премьера о том, чтобы правительство подтвердило свое доверие генералу Кадорне, которого он продолжал еще считать, несмотря на Капоретто, лучшим главнокомандующим. Но в самый последний момент он был сменен генералом Альфиери, который был известен своим нерасположением к Кадорне. Тем не менее, когда Джардино был со своим прощальным визитом у Орландо и спросил последнего, останется ли Кадорна на своем посту, Орландо ответил положительно и, действительно, телеграфировал об этом главнокомандующему. Но 7 ноября заместитель начальника штаба, представлявший Кадорну на межсоюзном совещании в Рапалло, доверительно сообщил ему, что его смещают, и 8 ноября он получил об этом официальное извещение *.

Причины этой смены главнокомандования явились предметом больших дискуссий. По одной версии этот вопрос решила парламентская оппозиция, в то время как по другой—отставки Кадорны потребовали представители союзных стран на совещании в Рапалло [48]. Повидимому, главной причиной было то, что одного факта поражения было достаточно, чтобы подорвать доверие к Кадорне армии и всего народа, и что такое отсутствие доверия, даже если оно неполностью оправдано, все равно могло оказаться роковым для дальнейших успехов. Не подлежит сомнению, что общественное мнение было ошеломлено размерами катастрофы. Местные власти из угрожаемых районов, не имея никаких инструкций от верховного командования или от правительства, бежали вместе с большей частью гражданского населения, и вскоре беженцы были рассеяны по всей Италии. Во всей Венецианской области и в не-

* General Giardino's, Ricordi e rievocazioni di guerra, т. I.

которой степени даже в Ломбардии царила паника. Нейтралисты теперь подняли свои головы еще выше, чем прежде. Социалисты провозгласили банкротство «буржуазной Италии» и уже ожидали и надеялись, что она будет просить о сепаратном мире. Из различных кругов неслись проклятия по адресу правительства, правящих классов и против самой монархии. Генерал Кадорна имел много врагов не только среди смещенных им офицеров, но и среди нейтралистов, сторонников Джиолитти, социалистов и т. д. и даже среди интервенционистов, которые принадлежали к демократам и масонам и для которых он олицетворял либо военный дух, либо дух власти и милитаризма. Пока он одерживал победы, его противники держали язык за зубами, но теперь, когда он понес поражение, он сделался мишенью для всех этих враждебных ему сил, и даже его сторонники почувствовали, что почва ускользает из-под их ног.

Наиболее патриотические граждане были охвачены чувством глубочайшей подавленности и приниженности. Барон Леопольдо Франкетти, один из благороднейших людей своего времени и ревностный защитник выступления Италии на стороне Антанты, не смог вынести этого ошеломляющего удара и покончил жизнь самоубийством. Леонид Биссолати, социал-реформист, член кабинетов Бозелли и Орландо, также ярый интервенционист, сражавшийся на фронте, где он был ранен, почувствовал, что весь мир рушится, и чуть не последовал примеру Франкетти. Другие политические деятели, как, например, Нитти, видели в трагедии под Капоретто лишь предвестника предстоящих политических перемен и предусмотрительно готовились к тому времени, когда Италией будут править социалисты и клерикалы. Много итальянцев, независимо от своей партийной принадлежности, считало, что все уже кончено и ничто уже не сможет сдержать триумфального шествия противника.

Мы уже видели, что Кадорна решил во что бы то ни стало задержаться на Пьяве. Оборона на этой реке давала много выгод: фронт обороны был короче прежнего фронта на 200 *км*; горный участок фронта был прикрыт несколькими мощными естественными твердынями, до некоторой степени уже укрепленными и оборудованными, а в равнинной части Пьяве была широка и ее трудно было преодолеть; в то же время в среднем течении реки правый берег командовал над левым. Во всяком случае новая линия обороны подавала надежды на восстановление армии, и по всей стране и среди армии решение удержать ее, убеждение в том, что она может быть удержана, быстро распространилось и стало твердым убеждением.

Потрясающий удар, вызванный катастрофой под Капоретто, не дал того эффекта, на который рассчитывали австрийцы. Полного разгрома и вспышки революции внутри страны не получилось. Австро-германское наступление «повидимому было шедевром военного маневра, но в то же время весьма серьезной психологической ошибкой» *.

Капоретто создало также более тесное сотрудничество союзников. Такая солидарность фактически существовала между Германией и Австрией, но в странах Антанты была лишь в теории; теперь и эти

---

* Tosti, «La guerra itallo-austriaca», стр. 225.

страны должны были дать ей конкретное выражение. Дело не ограничилось только посылкой в Италию английских и французских частей, а 5—6 ноября на совещании в Рапалло были заложены основы такого единства командования, на котором уже давно настаивал Кадорна, но которое было осуществлено только после германского прорыва во Франции в марте 1918 г. В Рапалло было решено создать Верховный военный совет, в который вошли главы союзных правительств, и им в помощь—Военный комитет, где Франция была представлена Фошем, Великобритания—Генри Вильсоном, а Италия—Кадорной, который теперь уже не был больше главнокомандующим.

Первые французские части перешли итальянскую границу 30 октября, и немного позже в Италии была уже целая 10-я французская армия под командой генерала Дюшен (31-й корпус в составе 64-й и 65-й дивизий, а также 46-я и 47-я дивизии альпийских егерей). Как мы видели, эта армия была сперва развернута между Брешией и Вероной, а позднее, т. е. 20 ноября—2 декабря, к ней присоединился еще один корпус в составе двух дивизий. Впоследствии вся эта группа войск была подчинена генералу Файоль. Первым британским соединением, прибывшим в Италию, был 14-й корпус (23-я и 41-я дивизии), который был направлен в район Мантуи. Позднее прибыл еще 11-й корпус (из 3 дивизий).

Новому главнокомандующему генералу Диац было уже 56 лет, и до своего назначения он почти не был известен широким кругам населения. Он был в стороне от политического мира, отличился в чине полковника в Ливийскую войну, где был ранен у Цуары. Он был секретарем у предшественника Кадорны—генерала Поллио и на этой работе приобрел обширные знания военного дела. Некоторое время он служил при Кадорне, в штабе верховного главнокомандующего, затем командовал дивизией, а впоследствии—23-м корпусом в 3-й армии, и был аттестован как хороший корпусный командир. Он глубоко верил в ценность человеческого элемента. В то время как в начале войны ощущался острый недостаток в соответствующих материальных средствах, который впоследствии пополнился, но в некоторых высших военных кругах существовала тенденция рассматривать солдата всего лишь как машину; они забывали, что он человек. Диац был противником таких взглядов и уделил исключительное внимание моральному и материальному состоянию бойцов. Из них двоих Кадорна был более крупной личностью; это был вождь с исключительными личными качествами, как это видно было по его командованию армией в первые два года войны и как это подтвердило его искусное руководство отходом армии после сражения у Капоретто. Однако он потерпел серьезное поражение, и в глазах народа и армии он был побитым генералом. Позднее он был реабилитирован, и его прошлые заслуги были оценены по справедливости. Но в ноябре 1917 г. его имя символизировало поражение и, следовательно, не могло уже считаться достаточно влиятельным *.

* На межсоюзном военном совете в Версале Кадорна проявил самый ясный ум и самое глубокое понимание вещей. Ни один из его коллег не показал такого глубокого понимания общей обстановки или такой же интуиции в выборе линии поведения. Но в связи с образованием комиссии по расследованию причин поражения под Капоретто, под нажимом демагогических и ма-

Диац был человеком совершенно другого типа и иного склада ума, и все желали иметь нового вождя, который был бы совершенно другим; он был более человечным и ближе соприкасался со своими подчиненными—от помощников начальника штаба до последнего рядового. Кадорна принадлежал к стальной когорте, закаленной в боях старой пьемонтской военной знати, Диац был выходцем из неаполитанской буржуазии. Каждый из этих классов имел свои неоспоримые достоинства, и когда представитель одного из этих классов потерпел крах, хотя и временный, было не так уж плохо искать ему преемников в рядах другого класса.

Выбор генерала Диаца был сделан королем по рекомендации военного министра генерала Альфиери, но профессор Вольпе полагает, что Леонид Биссолати как будто первый назвал его имя *.

Если назначение главнокомандующего казалось несколько неожиданным, то назначение Бадольо и Джиардино помощниками главнокомандующего было вначале встречено холодно. Ведь первым в сражении у Капоретто был прорван именно фронт 27-го корпуса, которым командовал Бадольо, а Джардино в глазах общественного мнения был «политическим генералом» (за несколько дней до этого он был военным министром), а политика не считалась хорошей школой для военного вождя. Но если Бадольо потерпел неудачу под Капоретто, то он проявил свои отличные военные качества у Горицы и Саботино, а Джиардино, кроме того, что был военным министром, еще славился в прошлом как отважный солдат. Все трое оказались на высоте возложенных на них ответственных и трудных задач. Из двух помощников Бадольо был более энергичным, и немного позднее Джардино был назначен командующим 4-й армией.

Несмотря на нажим противника, реорганизация итальянской армии продолжалась, и новая линия фронта постепенно занималась войсками и укреплялась. На участке от Стельвио до плато Азьяго почти не произошло перемен; отсюда новая линия обороны шла через массив Граппа, спускалась у Педеробба к Пьяве и дальше шла вдоль этой реки до моря. Но на плато Азьяго и на массиве Граппа фронт еще не стабилизировался, и здесь итальянцам еще предстояло выдержать много ожесточенных боев и серьезных тревожных моментов, прежде чем был установлен непроходимый барьер.

Состояние итальянских войск в первой декаде ноября было следующим. 3-й корпус и 1-я армия, занимавшие фронт от Стельвио до Бренты, насчитывали 400 000 бойцов и были в полной боевой готовности. 4-я и 3-я армии, занимавшие фронт от Бренты до моря, имели около

сонских элементов, а также личных врагов бывшего главнокомандующего, его положение в Версале сделалось невыносимым, и он был сменен. После периода крайней непопулярности произошла реакция в его пользу, и в 1924 г., при Муссолини, он был произведен в маршалы — чин, до сего времени не жаловавшийся в итальянской армии, хотя он и существовал в старом Сардинском королевстве.

* Раньше всего предполагали назначить одного из командующих армиями, но лучшего из них — герцога Аоста — считали неприемлемым кандидатом, так как он принадлежал к царствующей династии, а остальные по разным причинам вызывали критику. Поэтому выбор был ограничен корпусными командирами и пал на одного из командиров корпусов 3-й армии.

300 000 бойцов, чрезвычайно утомленных отступлением и боями; части этих армий были в большом некомплекте, имели недостаточно вооружения и снаряжения и хотя и не были деморализованы, но нуждались в отдыхе и приведении в порядок, прежде чем могли бы снова итти в бой. Остальные 300 000 бойцов—остатки 2-й армии и 12-го корпуса,—почти совершенно утратившие организацию, в значительной мере без оружия и без служб, были деморализованы и пока что не могли учитываться как боевая сила.

Потери составляли 265 000 пленными, 10 000 убитыми, 30 000 ранеными; кроме того, огромное число безоружных людей было рассеяно по всей области: многие из них находились в госпиталях. Из материальной части было потеряно—3 152 орудия, 1 732 миномета, 3 000 пулеметов и много прочего ручного огнестрельного оружия, 22 авиационных парка и огромное количество военного имущества и запасов всех видов [49].

Части, нуждавшиеся в переформировании, были сосредоточены в двух больших группах. В одну группу входили 6-й, 25-й, 28-й и 30-й корпуса, принадлежавшие 2-й армии, а другую группу образовали 2-й, 12-й и 14-й корпуса, составившие новую 5-ю армию со штабом в Борго Сан Доннино близ Пармы. 27-й корпус был переформирован тут же на месте и 22 ноября направлен на фронт; 6-й, 25-й, 28-й и 30-й корпуса присоединились к нему немного позднее. В общей сложности было восстановлено 50 пех. бригад, 47 отдельных батальонов, 812 пулеметных рот, 910 отделений ручных пулеметов, 22 полка легкой артиллерии (188 батарей), 50 горных батарей, 75 минометных батарей, 91 батарея осадных орудий, 570 гранометных взводов, 23 саперных батальона, 72 роты связи, 11 понтонных рот и различные мелкие части.

К началу февраля переформирование частей было закончено. Это потребовало огромных усилий, поскольку в течение двух месяцев из четырех, которые на это требовались, непрерывно шли бои. В середине ноября оставалось проделать еще огромную работу, прежде чем можно было бы считать положение не внушающим беспокойства. Генерал Джиардино отмечает в своем дневнике, что 6-й и 25-й корпуса были в удовлетворительном состоянии и могли быть приведены в полный порядок при условии получения пополнений, а 2-й, 24-й, 27-й и 30-й корпуса были в менее удовлетворительном состоянии, но все же могли быть переформированы при их усилении маршевыми бригадами. На будущее он считал, что к 24 ноября можно привести в порядок 4 корпуса, а позднее еще 3, остальные же корпуса нуждались в полном восстановлении вдали от фронта.

В действительности это предсказание не исполнилось. 10 ноября наступление противника потребовало посылки в самом спешном порядке нескольких маршевых бригад для усиления 1-й армии и отправки 27-го корпуса на поддержку 4-й армии на массиве Граппа; минометные части, оставшиеся без минометов, пришлось переформировать в 7 пехотных батальонов и послать в район Пьявы.

В начале нового оборонительного сражения все наличные силы были введены в действие; раньше чем через 2 недели, нельзя было ожидать никаких резервов. К концу сражения некоторые корпуса

были введены в дело еще до приведения их в полный порядок, и в резерве остался лишь один 19-й корпус.

Верховное командование не могло надеяться изменить моральное состояние войск, пока шло сражение; пришлось примириться с тем, что было налицо, и надеяться на лучшее. И несмотря на то, что укрепления на 100-километровом фронте новой линии обороны были едва обозначены, этим частям пришлось принять на себя удар противника. При этом плотность здесь достигала лишь 3 человек на 1 *м* фронта, включая в этот расчет и вторые эшелоны, при наличии очень слабых участковых резервов и полном отсутствии общих резервов.

10 ноября снова началось сражение и длилось целых 2 недели. Это сражение рассеяло опасение командования, так как бойцы сражались без поддержки, и хотя на многих пунктах они и отошли назад, все же им удалось удержать основные позиции и добиться успеха. Присутствие союзных частей в Италии еще не могло оказать должного материального влияния, но оно давало очень ценный моральный эффект. Верховное командование делало все, что могло, и насколько возможно быстро, для того чтобы восстановить уверенность и поднять дух бойцов, но ни одно из его мероприятий не могло дать немедленного эффекта или привести к быстрому моральному оздоровлению войск.

В этом сражении итальянские части были распределены следующим образом:

— 3-й корпус (2 дивизии) — от Стельвио до озера Гарда;
— 1-я армия 12 дивизий) — от озера Гарда до Бренты;
— 4-я армия (7 дивизи) — от Бренты до Нервеза на Пьяве;
— 3-я армия (8 дивизий) — от Нервеза до моря.

Всего здесь было 29 дивизий с весьма недостаточным количеством артиллерии; что касается самолетов, перевозочных средств, моторизованных и гужевых, а также военных запасов всех прочих видов, то их было исключительно мало.

Против этих «отрызков» армий действовала австро-венгерская армия силой в 55 дивизий (650 батальонов), богато снабженная артиллерией всех калибров и всеми прочими боевыми средствами, воодушевленная победой и сохранившая уверенность, что ничто уже не может остановить ее дальнейшее триумфальное шествие. «Если командующие мечтали о получении своих фельдмаршальских жезлов во дворце дожей [50] в Венеции, то солдаты были опьянены бешенством грабежа и разорения, которым они предавались на этой несчастной фриульской земле» *.

Едва последние части отступающей итальянской армии переправились через Пьяве (самым последним отходил батальон знаменитой бригады Сассари) и взорвали последний мост, как авангарды группы Бороевича были уже на левом берегу. На следующий день появились части группы фон Белова, но его движение вдоль нижних склонов Альп было более медленным. Он выделил часть 14-й армии под начальством генерала Краусса для преследования итальянцев в горах, так как опасался, что итальянцы перейдут в наступление в лесу Кансильо. В горном районе Конрад и Кробатин еще не были готовы и не могли дей-

* Tosti, La guerra italo-austriaca, стр. 258.

ствовать вместе с Изонцской армией на Пьяве. Вскоре армии приняли следующее расположение:

— группа армий фельдмаршала Конрада (10-я и 11-я армии, всего 17 дивизий) — от Стельвио до Вальсугана;

— 14-я австро-германская армия генерала Белова (всего 19 дивизий) — от Вальсугана до Понти делла Приула на Пьяве;

— группа фельдмаршала Бороевича (1-я и 2-я Изонцские армии, всего 19 дивизий)—от Понти делла Приула до моря.

Эти армии имели всего до миллиона бойцов. Казалось совершенно невозможным, что разбитая итальянская армия сможет оправиться до такой степени, чтобы удержать новую и пока еще недостаточно оборудованную линию обороны против этих огромных полчищ. И все же свершилось чудо, хотя и не без серьезной тревоги и опасности.

Перед Диацом, действительно, стояла нелегкая задача, но самой важной проблемой для командования и штабов было предвидеть, как войска будут вести себя. С другой стороны, солдаты и строевые офицеры задумывались над тем, что будут делать генералы и высшее командование. Командиры еще не были уверены в своих бойцах, а бойцы—в своих командирах, ибо после 30 месяцев побед, которые так мало дали, при постоянном смещении генералов с их командных должностей, было совершенно естественно, что бойцы потеряли уверенность в способности своих начальников, претендующих на непогрешимость. Общественное мнение своей демагогической тенденцией превозносить рядовых и осуждать генералов также помогло поколебать эту уверенность. * Над командирами все еще витал кошмар Капоретто.

Свою первую атаку противник начал на плато Азьяго, излюбленном поле сражения Конрада. Преграда, отделявшая австрийские позиции от Венецианской равнины, сделалась теперь угрожающе тонкой, казалось, что энергичный нажим прорвет ее без особых трудностей и вынудит войска, расположенные на Пьяве, отойти на Адидже.

Верховное командование надеялось, что союзные войска, находящиеся теперь в Италии, сменят некоторые утомленные до крайней степени итальянские части, ибо, как мы видели, в наличии не было никаких иных резервов. Но союзное командование отказало в этом под предлогом, что эти части должны прикрывать участок Джудикарии и что оно не может дробить свои силы. Командующие союзными войсками сами понимали всю неловкость своего положения, но они должны были повиноваться приказу, и было признано более целесообразным иметь союзные части в резерве, пока не выяснится, что итальянцы могут удержаться на Пьяве. Хотя итальянцы фактически уже были в состоянии удержать эту линию, но союзники и некоторые высшие чины итальянской армии в то время еще не были убеждены в этом. **

Первыми были атакованы 10 ноября передовые позиции у Галлио и на Монте Ферраг; бригады Писса и Тоскана были несколько оттеснены назад, но на следующий день они перешли в контратаку и снова овладели утерянным было пространством. 12 ноября бой продолжался с пе-

---

* Были такие люди, которые считали, что генерал — не человек, а сочетание невежества и безнравственности.

** Giardino, см. выше, стр. 183.

ременным успехом. Итальянцы вынуждены были оставить высоты у Галлио, но, несмотря на продолжавшиеся 3 дня отчаянные атаки на Монте Сиземоль и на линию Мелетте-Монте, Фиор-Кастельгомберто (прикрывающую долину Валь Френцела, из которой имеется доступ в долину Бренты), противник не смог продвинуться вперед. В этом оборонительном сражении особенно отличились бригады Реджина и Лигурия и альпийские батальоны Монте Бальдо и Мармолада.

В районе Грапла австрийцы достигли большего успеха, атаковав между 15 и 17 ноября в значительно превосходных силах, они захватили северные пики этого массива, Монте Томатико и Монте Ронконе, а позднее Монте Прассолан и Монте Корнелла, овладели также ущельем Кьеро и заставили итальянскую бригаду Комо после упорного сопротивления отойти на Монте Томба, на Монфенера и к селению Фенер. На Пьяве, где оборонительные сооружения, как и на массиве Граппа, были только обозначены и где было очень мало убежищ и проволочных заграждений, первая попытка переправиться через реку была сделана силезской дивизией у Видор, но, несмотря на сильный нажим, попытка эта не удалась. В ночь на 12 ноября австрийцам удалось переправиться в том месте, где река делает петлю у Ценсона, и создать на противоположном берегу небольшую предмостную позицию, но, хотя итальянцы и не смогли прогнать их обратно, во всяком случае они не позволили переправившимся австрийцам расширить захваченный плацдарм. В ночь на 16 ноября австрийцы переправили через реку у Понте ди Пьяве, вдоль железной дороги Тревизо—Одерцо, еще 4 батальона. Однако, у Фагаре их встретили бригада Новара и 3-я берсальерская бригада 13-го корпуса (генерала Сани), а у Фолина — бригада Лечче, которые яростно атаковали австрийцев, выбили их из приспособленных ими для обороны домов, захватили обратно часть пространства, потерянного за последние дни, и оттеснили австрийцев обратно к реке. Из 92-го австрийского полка ни одному бойцу не удалось переправиться обратно через Пьяве. Было захвачено около 1 000 пленных. Этот бой у Фагаре был первым успехом итальянцев за все время с 24 октября.

Бойцы, участвовавшие в этих боях, были надерганы отовсюду: тут были ветераны с Карсо, сохранившие порядок при отходе, были бойцы рассеявшихся частей, которые, достигнув лагерей для сбора рассеявшихся полков, получили винтовки и были посланы обратно на фронт, тут были юноши рождения 1899 г. (18 лет от роду), которые, едва успев сойти с поезда или грузовика, были сразу же брошены в горнило боев и которые отлично дрались. «Армия должна знать,—писал генерал Диац,— что наши младшие братья, родившиеся в 1899 г., показали себя достойными преемниками переданной им по наследству доблести». Остальные попытки противника оказались также безуспешными, и австрийцы, переправившиеся было на правый берег Пьяве, были вынуждены вернуться обратно. Кроме небольшой группы в Ценсон, 1 200 пленных и большого числа убитых, австрийцев на правом берегу больше не было. Наконец-то итальянцы приобрели уверенность, что новую линию обороны они в состоянии удержать.

Потерпев неудачу на Пьяве, противник начал очередное наступление на участках Граппа и Азьяго, решившись во что бы то ни стало про-

рвать тонкую линию обороны и выйти на Венецианскую равнину. Между 18 и 22 ноября 27-й корпус генерала Ди Джорджо вел беспрерывные упорные бои на уже обильно политых кровью высотах массива Граппа. Борьба велась винтовками, штыками, ручными гранатами и камнями,— всем, что могло быть использовано для задержки напиравшего врага; иногда бойцы создавали из трупов баррикады, из-за которых вели огонь. Противник отчаянно нажимал, атакующие части все время сменялись свежими силами. 20 ноября противник занял Монте Фонтанасекка. В действовавшем на Монфенера 9-м горно-артиллерийском дивизионе, батареи которого стояли на самых передовых позициях, все орудия были уничтожены огнем противника или засыпаны при обвалах, вызванных разрывами неприятельских снарядов, а бойцы почти все были убиты или ранены; наконец, его командир капитан Ди Рокко бросился с несколькими оставшимися в живых бойцами в штыковую атаку на пулеметы противника. Монте Томба с ее низкими возвышенностями и очень легко доступными долинами была самым уязвимым пунктом во всем районе Граппа. На склонах этой горы шли горячие бои, сюда были брошены лучшие австрийские и германские части. Австрийцы заняли часть горы Томба, а 23 ноября ими была взята, потеряна и, несмотря на беззаветное самопожертвование альпийских стрелков батальона Бальдо, снова взята вершина горы Пертика. Когда бригада Базиликата была сменена на горе Томба, то в одном из ее полков оставалось в живых всего 400 бойцов.

Теперь массив Граппа находился в полукольце огня, и в итальянских штабах смертельно беспокоились о судьбе этого массива, так как казалось, что уже ничто не может его спасти, а если австрийцы овладеют массивом Граппа, то разрушится вся линия обороны.

19 ноября к фронту был подведен 6-й корпус и поставлен за 27-м корпусом; он еще не закончил реорганизации, но это был единственный резерв, который можно было привлечь для помощи сильно утомленному 9-му корпусу.

Однако, теперь появились признаки, что противник ослабил свой нажим, между тем как обороняющиеся стали окрыляться надеждами. В то время как сражение было еще в полном разгаре, оказалось возможным укрепить тыловые позиции обороны как на массиве Граппа, так и на Альтипиани. 23 ноября наступление на Альтипиани было приостановлено, так как если Конраду и удалось захватить выступ Мелетте, то это стоило ему потери 5 дивизий. 25 ноября началась последняя атака на массиве Граппа, но она была повсюду отбита. Остатки частей, оборонявших Монте Пертика (бригады Аоста и Мессина, альпийский батальон Валь Брента и 60-й берсальерский полк), атаковали и разгромили на Коль делла Берретта знаменитую Эдельвейскую дивизию. В течение нескольких часов вершина Монте Пертика переходила из рук в руки. В конце концов, ожесточенно обстреливаемая артиллерийским огнем обеих сторон, она осталась незанятой, причем итальянцы удержались на одном ее склоне, а австрийцы—на другом, закрепившись на позициях непосредственно ниже вершины горы, где они и держались до последовавшей через год окончательной победы.

В общем положение Италии значительно улучшилось. Если некоторые из ее выдавшихся вперед позиций и были потеряны, то главные естественные ее оплоты были сохранены и оборона их была успешной. Боевой дух войск повысился. Генерал Ди Робилант писал, что в эти дни горячих боев военная полиция не обнаружила в тылу 9-го корпуса ни одного бойца, который пытался бы удрать с передовых позиций. «После месяца тяжелых испытаний, — пишет профессор Вольпе, — горизонт проясняется. Еще до того, как правительство приняло необходимые меры, еще прежде, чем результаты этих мероприятий дали себя чувствовать, удачно проведенное сражение явилось первым фактором восстановления морального состояния армии и всей страны, перехода верховного командования и прочих командиров к новым принципам руководства армией, и, наконец, нового отношения гражданского населения к фронтовикам».

22 ноября внимание было перенесено на район Азьяго, где австрийцы поставили перед собой цель—обойти выступ у Мелетте и срезать его путем атак с севера и запада. Однако, бригада генерала Феррари держалась блестяще. Гора Монте Цомо успешно оборонялась альпийским батальоном Монте Червино, который потерял две трети своего состава. Кастельгомберто удерживался бригадой Перуджия, которая сумела отбить все атаки австрийцев, несмотря на то, что командир бригады генерал Эуклиде Турба был убит в бою.

Теперь австрийцы начали выдыхаться, и в течение нескольких дней атаки были повсюду отбиты итальянскими частями, теми самыми, которые понесли поражения под Капоретто. Двухнедельное яростное сопротивление вселило уверенность в способности оказать сопротивление и в дальнейшем. Тем временем повсюду, где только было возможно, продолжались усиленные работы по организации и окончанию устройства оборонительной полосы и по подготовке новых тыловых оборонительных рубежей. На Баккильоне были проделаны большие работы, были составлены планы обороны на линии Минчио на случай, если нельзя будет удержаться на линии Пьяве—Граппа, хотя никто не хотел допускать такую возможность.

К 29 ноября итальянская армия не могла еще вырвать у противника инициативу, так как австрийцы располагали превосходными по численности и лучше вооруженными силами. Но уже никакой успех австрийцев не мог бы теперь принудить итальянцев принять открытый бой, где численное превосходство могло бы иметь решающее значение. Новая оборонительная полоса, даже, если оборудование ее кое-где и было еще не закончено, была вполне достаточной, чтобы изменить характер сражения, в котором до сего времени итальянцы отходили. Верховное командование не могло еще определенно утверждать, на какой линии удастся окончательно задержать противника, но оно могло уверенно заявить, что где-то противник будет задержан.

Однако, единство командования, которого Кадорна так добивался в отношении всех союзных армий в целом, не было еще полностью достигнуто даже на итальянском фронте. 18 ноября, когда на горном массиве Граппа шли горячие бои, командующие союзных войск предложили послать в район Альтипиани 5 французско-британских и

5 итальянских дивизий, но сначала нужно было разрешить вопрос об едином командовании этими смешанными силами. Итальянское верховное командование согласилось с этим предложением, но в свою очередь предложило, в целях объединения командования, сосредоточить все союзные дивизии к востоку от Астико, а итальянские дивизии — к западу от него; к этому оно добавило, что для действий на этом участке необходимы части, обученные и обмундированные для горной войны. План этот провалился, и вместо него на межсоюзном совещании 22 ноября британский и французский командующие предложили оставить все неитальянские дивизии в резерве по обеим сторонам Бренты, не выводя их на фронт. Итальянское верховное командование согласилось и на это, и совещание наметило начать сосредоточение этих дивизий 24 ноября. Но этого не случилось. В этот день британское командование предложило взять на себя участок Монтелло; на это весьма важное предложение итальянское верховное командование согласилось, но об этом нужно было запросить французское командование. Оно было запрошено, но ответ задержался на несколько дней; и только, 29 ноября было достигнуто соглашение о том, что французские и британские части, наконец, займут этот участок фронта. Район массива Граппа, который сначала удерживался одним 18-м корпусом, а затем 18-м и 27-м, теперь должен был обороняться, кроме указанных двух корпусов, еще 6-м корпусом и двумя альпийскими группами, все части которых были переформированы и усилены личным составом. В районе от правой границы Монте Томба до Нервеза правый участок 4-й армии (9-й и 1-й корпуса) должен был быть передан 6 союзным дивизиям (3 французским от Томба до Ривасекка и 3 британским от Ривасекка до Монтелло). Армия, действовавшая на массиве Граппа, должна была иметь 1 корпус и 1 дивизию в резерве, в то время как еще 3 корпуса (15-й, 28-й и 30-й) должны были находиться в непосредственном распоряжении верховного командования. Таким образом, 6 союзных дивизий были на фронте, 4 дивизии в резерве и еще 1 британская дивизия должна была прибыть 11 декабря. Сообщалось о предстоящем прибытии еще нескольких британских дивизий, но наступление германцев во Фландрии задержало их там, и они уже на итальянский фронт не попали.

4 декабря противник снова перешел в наступление и на этот раз вновь атаковал выступ у Мелетте после ужасающего обстрела его тяжелой артиллерией, главным образом химическими снарядами. Этот выступ прикрывался справа горами Монте Баденекке и Монте Тондерекар и слева горами Монте Сиземоль и Монте Цомо. На левом фланге позиции были удержаны, но атаки на правом фланге, несмотря на оказанное длительное и героическое сопротивление, имели успех. Поэтому итальянцам пришлось очистить этот выступ. Гора Сиземоль, атакованная целой германской дивизией, была потеряна 6 декабря, после того, как она несколько раз переходила из рук в руки. На горе Монте Фиор и на Кастельгомберто альпийские стрелки, отрезанные от своих путей отхода, держались до последней возможности. Оборона этого выступа принесла большую пользу, так как хотя она и была в конце концов подавлена, но все же на несколько недель задержала

противника и дала итальянцам время для организации обороны в долине Валь Френцела и для предотвращения наступления на массив Граппа с запада. Итальянцы, усиленные 25-м и 30-м корпусами на равнине, теперь удерживали линию Чима Экар—Монте Вальбелла—Коль дель Россо—Цайбена—правый край долины Валь Френцелла, многозначительно названную «предельной линией». Теперь на фронт прибыли первые союзные части—2 французские дивизии на Монфенера и 2 британские дивизии на Монтелло (на правом берегу Пьяве), но в первые несколько дней с момента их прибытия они не были атакованы.

Тем временем австрийцы уже подумывали о наступлении с моря, с целью охватить с фланга оборонительные сооружения на нижнем течении Пьяве, для этого они сосредоточили в Триесте морскую дивизию. Однако, в ночь на 9 декабря два противолодочных моторных катера, которыми командовал Луиджи Риццо, проникли в бухту Муджия, прорвались через заграждения и торпедой потопили крейсер *«Вена»*, сорвав этим весь наступательный план противника [51].

11 декабря крупные германские и австрийские силы возобновили атаки на горный массив Граппа и взяли Азолоне, Коль делла Берретта и Спинончиа. В результате контратак итальянцы снова овладели большей частью Коль делла Берретта, а на следующий день и ее вершиной, но остальные позиции остались у противника. Однако, Коль дель Орсо успешно оборонялся, и наступление противника в долине Валь Кальчино, между Спинончиа и Вальдероа, было задержано. В следующие дни противник снова несколько раз атаковал линию Коль дель Орсо—Солароли—Валь Кальчино—Порте ди Сальтон и Монте Вальдероа; 18-й корпус генерала Теттони своей храброй обороной против численно и по вооружению сильнейшего противника покрыл себя славой. 14 декабря противник овладел Коль Каприле и южными склонами Коль делла Берретта, а 18 декабря занял и обильно политую кровью вершину горы Азолоне, но Солароли еще некоторое время удерживалась итальянцами.

Хотя противнику отчаянными усилиями значительно превосходных сил и ценою очень больших потерь и удалось захватить некоторые позиции к северу от главного массива Граппа, но он не мог продолжать атаки без конца. Обстановка для итальянцев была еще угрожающей, ибо если сам массив Граппа мог теперь считаться спасенным, то оставалась еще опасность проникновения противника на равнину через Канале ди Брента и через долину Санта Феличита. 19 декабря итальянцы перешли в контратаку и захватили обратно большую часть Азолоне, не будучи, однако, в состоянии достичь ее вершины. Нажим противника на всем участке как будто стал выдыхаться, и некоторое время противник уже больше не атаковал.

Однако, фельдмаршал Конрад твердо решил, прежде чем наступит зима и сделает все дальнейшие операции невозможными, произвести последнюю попытку прорвать фронт итальянцев на Альтипиани. Чтобы побудить солдат к наступлению, он обещал им, что если наступление будет успешно, то они проведут рождество далеко от снежных полей, в Бассано, на Венецианской равнине с ее обильно наполненными складами. После обычной короткой и интенсивной артиллерийской подго-

товки пехота 23 декабря бросилась в атаку и в своем первом порыве ей удалось овладеть передовыми позициями итальянцев на Монте Вальбелла, Коль дель Россо, Коль д'Экеле, Монте Мелаго и Буза дель Термине. Теперь австрийцы командовали над средней частью долины Валь Френцела, и итальянский правый фланг подался назад; положение сделалось действительно тревожным, и одно время казалось, что ничто уже не может предотвратить прорыв через последнюю, угрожающе тонкую стенку и проникновение противника на равнину, что являлось заветной мечтой Конрада. Но, как и в июне 1916 г., контратаки итальянцев снова были произведены как раз во-время: Монте Мелаго и Буза дель Термине были отняты у австрийцев обратно, на Коль дель Россо итальянцы снова овладели всей горой, кроме самой вершины, а бригаде Пиза удалось после стремительной атаки еще раз продвинуться на Вальбелла, но, будучи обстреляна ураганным артиллерийским огнем, она вынуждена была оставить захваченный было обратно пик; бригаде Тоскана, 5-му берсальерскому полку и другим частям в день рождества удалось восстановить сильную оборонительную полосу в этом районе и запереть наиболее угрожаемые проходы, которые давали противнику доступ на расположенную под ними равнину.

Больше австрийцы уже не атаковали. В последних операциях зимней кампании итальянцы и их союзники захватили инициативу в свои руки. 30 декабря 37-я французская дивизия после тщательной и разумно проведенной артиллерийской подготовки храбро атаковала гору Монте Томба (968 *м*) и отняла у противника эту важную позицию. Одновременно с этим части 3-й итальянской армии, обстреляв сильным артиллерийским огнем переправы через Пьяве, так что австрийцы на правом берегу реки оказались отрезанными от своих тылов, энергично атаковали их, срезали выступ у Ценсон и заставили противника уйти обратно на левый берег реки. Теперь на правом берегу Пьяве, ниже Педеробба, не оставалось больше ни одного австрийца, за исключением частей, удерживавших район между старой и новой Пьяве у устья реки, где эти части и оставались до самого лета 1918 г.

Атака на Азолоне, произведенная 14 января 22-й пех. дивизией, была менее успешной, так как итальянцы, захватив при первом ударе вершину этой горы, должны были после двухдневного упорного боя оставить ее. Однако, 27 и 28 января бригада Сассари произвела со своим традиционным порывом внезапную атаку на плато Азьяго и овладела Коль дель Россо и Коль д'Экеле, в то время как альпийские батальоны Валь д'Адидже, Монте Бальдо, Стельвио и Тирано захватили гору Монте Кордоне и склоны горы Сассо Россо. Противник не ожидал этого удара и начал без всякого порядка бросать в бой свои подтянутые со всех сторон резервы. 4-я берсальерская бригада должна была взять обратно гору Монте Вальбелла, но здесь она встретила самое упорное сопротивление, и хотя вначале ей удалось достичь вершины, но 28 января она была оттеснена с нее обратно; 29 января она произвела еще одну очень трудную атаку, и теперь ей удалось захватить все позиции на этой горе.

Этим и закончилось на новом оборонительном фронте зимнее сражение, которое справедливо может быть названо «Оздоровительным

сражением». Если остатки разбитой армии непосредственно вслед за катастрофическим отступлением (нельзя забывать, что последние итальянские части переправились через Пьяве 9 ноября, а первая атака австрийцев на новую линию обороны началась 10 ноября) задержали победоносную армию, гораздо более многочисленную, лучше организованную и вооруженную, воодушевленную успехом, превзошедшим все ее надежды, то это несомненно один из наиболее замечательных успехов за всю войну, которым Италия с полным правом может гордиться. По этому поводу фельдмаршал Гинденбург писал: «Я убедился, что наши силы были недостаточными, чтобы обеспечить овладение Венецианскими Альпами, которые господствуют над значительным пространством итальянской равнины, и чтобы преодолеть сопротивление на Пьяве. Операции зашли в тупик. Самые стойкие командиры и их войска были принуждены сложить оружие перед этой реальностью... В итоге, наша победа осталась незавершенной». * В то время как германский министр иностранных дел Кюльман говорил о «конце Италии», его австро-германский коллега граф Чернин в речи, произнесенной 5 декабря в венгерской комиссии по иностранным делам, намекал на необходимость предложить Италии заключить мир на основе территориального «status quo» **. Однако, 13 декабря итальянский премьер синьор Орландо заявил на заседании итальянского парламента, что, прежде чем принять это «status quo», Италия будет продолжать борьбу, даже если ее армиям придется отойти до самой Сицилии.

Не следует забывать, что оборона массива Граппа, по крайней мере, отчасти, была возможна благодаря генералу Кадорне. Оборонительные работы на этой горе начались еще в 1916 г., после наступления австрийцев в Трентино, и хотя в период Капоретто эти работы были еще далеко не закончены, но уже были готовы автомобильные дороги к различным участкам позиций, заготовлены цистерны с водой на безводных склонах горы, некоторое количество убежищ было высечено в скалах, и вся оборонительная полоса была уже намечена и частично готова. Если бы не были приняты своевременно указанные меры предосторожности, эту гору нельзя было бы удержать, позиции на Пьяве оказались бы под угрозой охвата и с них пришлось бы отойти, ввергнув армию в еще одно катастрофическое и, возможно, окончательное отступление ***.

К концу этих операций численное неравенство между итальянскими и австро-германскими силами было в значительной мере исправлено. 13 ноября итальянцы имели 423 батальона неполного состава и 3 500 орудий против 736 австро-германских батальонов полного состава и 7 000 орудий. Считалось, что обороняющийся может удержать наступающие части, если силы первого достигают $2/3$ сил последнего; в тот период, учитывая более слабую силу итальянских батальонов, итальянское верховное командование придерживалось мнения, что для обороны необходимо довести армию до $5/6$ всех сил наступающего.

---

* «Aus meinem Leben, 1914—1916», стр. 262—263 (итальянское издание).
** «Status quo ante bellum» — положение, которое было до войны.
*** См. Cadorna, La Guerra alla Fronti Italiana, т. II, стр. 250 и след.

Чтобы достичь такого соотношения, итальянцам нехватало 200 батальонов и 1 560 орудий. К 25 ноября итальянская армия усилилась на 114 батальонов и 964 орудия; нехватало еще 86 батальонов и 600 орудий. В начале декабря, к концу сражения, было уже 552 итальянских и 86 французско-британских батальонов, всего—638. Кроме того, так как итальянские части были доведены до полного состава, то соотношение 2 : 3 могло уже считаться достаточным; таким образом, фактически было на 148 батальонов больше, чем было необходимо для чисто оборонительных целей. 5-я армия (70—80 батальонов) была уже реорганизована и теперь нуждалась лишь в вооружении; последним она в первое время снабжалась Францией, так что эта армия в феврале была готова начать военные действия.

Благодаря всему этому, можно было теперь думать о наступательных операциях. Однако, наступление зимы и другие соображения сделали эти операции на некоторое время невозможными.

Мирные переговоры между центральными державами и советским правительством в Брест-Литовске быстро продвинулись вперед; в то время на русском и румынском фронтах всего было 75 германских и 34 австрийских дивизий, и даже если бы после заключения мира было оставлено для охраны восточных границ около 30 германских и 10 австрийских дивизий, то еще оставалось 45 германских и 24 австрийских дивизий, которые можно было послать на запад. Если бы все германские дивизии были сосредоточены на франко-британском фронте, а все австрийские дивизии на итальянском фронте, то франко-британские армии оказались бы слабее германцев всего на несколько корпусов, а итальянцы слабее австро-венгерцев на гораздо большее количество корпусов.

С момента русской революции и разгрома Румынии германцы и австрийцы не только уменьшили количество своих сил на этих фронтах, но держали здесь только свои более слабые части.

Но удержание за собой линии Граппа—Пьяве, как пишет генерал Джиардино, было «определенно совершившимся фактом, имевшим решающее значение для нашей войны и для всей войны в целом» *.

---

* Giardino, Ricordi e rievocazioni di guerre, т. I, стр. 254.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АРМИИ

1918 г. начался для Италии более благоприятно, чем это можно было предполагать, учитывая события минувшей осени. Не только противник был удержан на новой линии обороны, но вся страна подтянулась и оказывала армии полнейшую поддержку. Теперь армии доверяли, и ее действия показали, что Капоретто было временной слабостью, проявленной некоторыми частями.

Кипучая деятельность была развита в отношении восстановления потерянных военных запасов и пополнения новых складов за линией фронта. Правительство и фабриканты напрягали все свои усилия для выполнения этой задачи. Фирма Ансальдо уже выпустила сотни орудий сверх плана, и этими орудиями теперь можно было пополнить потери артиллерии после Капоретто. Многие другие крупные фирмы проявили такую же предусмотрительность. Министр вооружения и снабжения генерал Даллолио оказал стране неоценимые услуги в деле ликвидации тяжелого кризиса, и очень скоро массы вооружения, снарядов и прочих военных припасов потекли беспрерывным потоком на всепоглощающий фронт. Число вспомогательных предприятий в 1918 г. выросло до 3 700 с общим числом рабочих 800 000 и с капиталом в 2 миллиарда лир. К концу февраля армия имела 5 282 орудия и 6 500 самолетов, и заводы ежемесячно выпускали 1 700 грузовых автомобилей.

По всей стране создавались многочисленные гражданские комитеты, которые начали собирать для солдат подарки: табак, шерстяную одежду, медикаменты, шоколад, мыло, книги и т. п., и каждый, даже самый бедный, шел на жертвы, чтобы внести свою лепту. Не менее активной была деятельность комитета борьбы с пропагандой. Для солдат устраивались также различные увеселения и развлечения. «Дома солдата», которые были созданы в некотором количестве перед Капоретто и потеряны во время отступления, были теперь восстановлены по всей прифронтовой полосе. Для различных частей устраивались театральные представления, концерты и пр., и самые крупные итальянские артисты охотно предлагали для этого свои услуги. Для повышения квалификации офицеров печатались периодические издания на различные политические и военные темы. Солдат, бывших уроженцами захваченных австрийцами районов, гостеприимно приглашали проводить свои отпуска в другие районы страны.

Тем временем восстановление разбитых и расстроенных частей и создание новых быстро подвигались вперед. Около Пьяченца создавалась новая 5-я армия генерала Капелло. Деморализованные капореттской катастрофой бойцы были теперь снова обмундированы, во-

оружены, оздоровлены в моральном отношении и вскоре отправлены обратно на фронт, где они очень хорошо дрались. Восстановленная 2-я армия весною заняла район Монтелло и, переименованная в 8-ю армию, сыграла важную роль в сражении Витторио Венето.

Военные уроки Капоретто не были забыты. Вместо сосредоточения большой массы бойцов в передовой линии, где они подвергались непрерывному истощению от потерь даже в периоды, когда не было крупных операций, и несли огромные потери во время неприятельских атак, была принята система эшелонирования войск в глубину, с выдвижением на передовые позиции небольших частей для образования тонкой завесы и расположением более крупных частей во второй линии. Кроме того, для обеспечения флангов позиций были приняты другие меры во избежание опасности охвата со стороны противника и для заполнения прорывов, могущих возникнуть в результате внезапных атак.

Новый главнокомандующий был менее, чем его предшественник, склонен к смещению своих генералов за пустяковые ошибки или за потерю каких-либо не особенно важных позиций. При Кадорне каждый офицер в чине выше полковника постоянно чувствовал себя под дамокловым мечом отстранения от должности и позора; если такие строгие наказания иногда и являются необходимыми, то чересчур частое их применение приводит к подавлению в людях всякой инициативы. Кроме того, чрезмерно строгий отбор, длившийся свыше двух лет, облегчал задачу генерала Диаца, но и сам он в свою очередь был склонен более снисходительно относиться к ошибкам своих подчиненных.

Как мы видели, первые французские и британские дивизии были уже на фронте с начала декабря; французский 31-й корпус (47-я и 65-я дивизии)—в районе Томба—Монфенера, британский 14-й корпус (23-я и 41-я дивизии) на Монтелло, между Видор и Понти делла Приула. Прочие союзные части приняли на себя часть участка Азьяго, а 2 французских дивизии оставались у выхода из долины Валь Джудикария в составе 7-й итальянской армии. Первым командующим британскими частями в Италии был генерал Кевен. Позднее, когда число дивизий увеличилось с 3 до 5, сочли необходимым послать офицера более высокого ранга, и выбор пал на генерала Плюмера; но когда численность этих экспедиционных войск была снова уменьшена до 3 дивизий, Плюмер был отозван, и командование снова принял генерал Кевен. Под его командованием британские части провели в Италии главные бои, и вряд ли можно было избрать для этой задачи лучшего командующего.

Отношения между итальянскими и союзными частями не всегда были гладкими. Некоторые союзные части, особенно французские, иногда держались с видом известного превосходства, выставляя себя спасителями итальянского фронта, хотя следует сказать, что это не относится к командующим или офицерам, занимавшим ответственные должности. Австрийцы часто разбрасывали на итальянские позиции с самолетов агитационные листовки, в которых писали, что англичане являются хозяевами Италии, что британские солдаты расстреливают итальянцев, принимавших участие в демонстрации за мир в Милане,

и т. д. Не могла не бросаться в глаза огромная разница между очень богатым обмундированием и снаряжением английских частей и более бедным у итальянских. Но, в общем, отношения были хорошие, и то обстоятельство, что на занятых союзниками участках вначале боев не было, вызвало у итальянцев сознание того, что почти до самого конца года они сражались одни и без посторонней помощи удерживали наступающего противника. Это придало итальянцам новый прилив чувства гордости, который способствовал повышению взаимного уважения.

Синьор Орландо на посту премьер-министра сделал гораздо больше, чем в бытность свою министром внутренних дел в кабинете Бозелли, и проявил подлинную решимость поднять всю страну на готовность к наивысшему напряжению и жертвам, необходимым для того, чтобы выиграть войну. «Национальный союз фронтовиков», организованный для обеспечения морального и материального благополучия демобилизованных после войны, «Объединение матерей, вдов и семейств павших и пропавших без вести», созданное для оказания помощи наиболее нуждающимся членам семей убитых на войне и для увековечения их памяти,—имели огромное моральное, равно как и материальное значение. Синьор Командини, которому было вверено дело оказания помощи гражданскому населению и ведение внутренней пропаганды, блестяще проделал эту работу, согласуя ее с другими подобными организациями.

Следующим фактом, способствовавшим усилению воли к победе, было поведение австрийских и германских войск в занятых ими итальянских районах. Ежедневно военнопленные итальянцы и местные жители, которым удавалось бежать и переправиться через Пьяве, рассказывали ужасные повести о положении оставшихся по ту сторону фронта, о грабежах, бессмысленных разрушениях, о голоде, насилиях над женщинами и прочих проявлениях жестокости, которые впоследствии подтвердились.

Все эти факторы помогли рассеять кошмар Капоретто и подготовить армию и народ к будущим действиям. К несчастью, «дух Капоретто» снова воскрес, когда была создана комиссия по расследованию причин поражения под Капоретто, не столько для установления виновников, сколько для того, чтобы запятнать политических противников и возродить давно уже подлежавшие забвению споры. Как пишет профессор Вольпе, «Капоретто» создано было в значительной степени нами самими, как были созданы 50 лет назад Кустоца и Лисса и 20 лет назад Адуа [52]. «Каперотто» еще не забыто, и время от времени нас, итальянцев, упрекают этим именем те, которые заинтересованы в замедлении нашего прогресса. Но задача становится для них все более трудной. После того, как Италия пережила Капоретто, она нашла Пьяве и Витторио Венето, т. е. сознание победы».*

Подготовка к предстоящим наступательным операциям поспешно проводилась теперь на всех фронтах. В Италии зима исключала возможность ведения больших операций, но авиация обеих сторон проявляла активность. Неприятельские самолеты сбрасывали множество бомб

* Volpe, Ottobre 1917 — dell'Isonzo al Piave, стр. 213.

в Венеции * и других городах с целью терроризировать гражданское население. Задача итальянской авиации была труднее, ибо бомбардировка неприятельских позиций и складов сопровождалась бы неизбежным нанесением вреда итальянским городам и их населению; поэтому самолеты должны были разыскивать для себя цели, находящиеся подальше от фронта—за Альпами и за морем. Тем не менее итальянская авиация совершила ряд смелых воздушных налетов. В 1917 г. авиация много раз бомбардировала арсенал и укрепленный порт Пола, для чего пролетела 300 *км* туда и обратно, а в октябре 14 бомбардировочных самолетов перелетели через Адриатическое море из Джоя дель Колле (в Апулии) в Катарро и сбросили 3,5 тонны взрывчатых веществ на подводные лодки, стоявшие в заливе, и на морскую базу на берегу. Было также проведено бесчисленное множество разведывательных полетов для фотографирования неприятельских позиций и передвижений и для наблюдения за результатами артиллерийского огня. Один австрийский летчик называет эти действия авиации «восхитительными до бесстыдства». Дирижабли также действовали успешно, бомбардируя укрепления в Пола, Монфальконе и Триесте.

После Капоретто итальянские самолеты прикрывали отход, бомбардируя и обстреливая из пулеметов наступавшие австрийские и германские колонны. Были произведены дальние налеты на неприятельские базы в Лайбахе и Клагенфурте, а в феврале 1918 г. были подвергнуты сильной бомбардировке железнодорожные сооружения в Клагенфурте и обстреляны пулеметным огнем стоявшие на станции воинские эшелоны. 26 декабря неприятельская эскадрилья в составе 25 самолетов, направившаяся к итальянскому аэродрому в Тревизо, была атакована итальянскими истребителями, и 8 самолетов противника было сбито, а когда еще 8 самолетов сделали вторичную попытку налета, то было снова сбито 3 самолета. 28 и 29 декабря австрийские самолеты бомбардировали Падую, причем во время этой бомбардировки было убито много граждан, в том числе стариков и старух, находившихся в доме призрения престарелых, и было повреждено несколько церквей, представляющих художественную ценность. 4 и 5 марта подверглись бомбардировке Венеция, Падуя, Местре и Тревизо. Венеция бомбардировалась 8 часов подряд; за это время на город было сброшено 300 бомб; во время этой операции было сбито 13 неприятельских самолетов. В отместку за это эскадрилья итальянских самолетов бомбардировала Полу, где своими бомбами вызвала много пожаров. Вместе с бомбами самолеты разбрасывали листовки с надписью: «Месть за Венецию».

Было замечено, что перед Капоретто большой процент бомб, сброшенных с неприятельских самолетов, не взрывался, тогда как впоследствии бомбы стали взрываться гораздо чаще; это приписывали тому, что австрийские летчики смогли использовать более совершенные бомбы, найденные ими на итальянских складах после отступления итальянцев.

---

* Я встречал многих иностранцев, которые были крайне изумлены, услыхав, что на этот город было сброшено 3 000 бомб.

Среди многих отважных подвигов итальянской авиации было также много случаев, когда итальянские летчики высаживались на неприятельскую территорию позади линии фронта. Они оставались в тылу у противника в течение нескольких дней, чтобы собирать необходимые сведения путем личных наблюдений или от местных жителей, которые, рискуя собственной жизнью, укрывали их и кормили из своих скудных продовольственных запасов; эти летчики возвращались обратно на свои итальянские позиции, переплывая ночью через Пьяве.

Итальянский морской флот продолжал господствовать в Адриатическом море, хотя на море не было крупных операций, так как суда противника почти никогда не выходили из портов. После Капоретто итальянские морские отряды время от времени высаживались близ устья Пьяве и на берегах лагун между Кортеллаццо и Кавацуккерина и принимали деятельное участие в сухопутных операциях. Много набегов совершили итальянские эскадренные миноносцы, подводные лодки и противолодочные моторные катера. Луиджи Риццо, который потопил крейсер «*Вену*», проник также с 3 моторными катерами, вместе с д'Аннунцио и капитан-лейтенантом Чиано, в гавань Буккари и потопил австрийский корабль «*Сент Истван*».

В течение некоторого времени после января 1918 г. на фронте не было никаких крупных операций. В апреле небольшие группы противника пытались производить поиски в горном районе, но все попытки неизменно отбивались. Как только германцы начали свое большое мартовское наступление на франко-британском фронте, итальянское правительство решило послать свои части на помощь союзникам в отплату за помощь, оказанную французскими и английскими дивизиями в Италии.

10 мая несколько пехотных и ударных отрядов провело небольшую блестящую операцию на Монте Карно и Валларса. Лейтенанту Карло Сабатини и 4 ударникам удалось добраться до самой вершины горы, где они внезапно напали на неприятельский гарнизон и рассеяли его; за ними последовали другие, и, несмотря на ряд контратак противника, эта позиция осталась в руках у итальянцев. 25 мая альпийцы из 6-й группы произвели атаку в районе Тонале-Адамелло, и после прекрасно произведенного боя среди снежных полей и глетчеров им удалось захватить и удержать за собой позиции на линии Монте Циголон (3 040 *м*) — Креста Маррокkаро — Чима Презена (3 069 *м*) — озера Презена—Ментичелло (2 550 *м*). Теперь австрийцы уже не могли ни угрожать с этих пиков верхней долине Камоника, ни наблюдать за передвижениями итальянцев по лежащим внизу долинам.

На правом берегу нижнего Пьяве у Капозиле остался, как мы видели, еще один занятый противником тет-де-пон. В ночь на 26 мая группы берсальеров и ударников внезапно ворвались в окопы противника, разгромили всю оборону и захватили 400 пленных. Две контратаки противника на эти вновь захваченные позиции были отбиты.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ИЮНЬ 1918 г

(Схема 16 и 17)

Ранней весной 1918 г., когда германцы решили напрячь все свои силы, чтобы осуществить окончательный прорыв на западном фронте, они потребовали от своих австрийских союзников «немедленного и энергичного наступления, которое вывело бы из строя противника на юго-западном фронте (Италию), позволило бы усилить австро-венгерскими частями германцев во Франции, отвлекло бы значительную часть американских войск и тем самым сделало бы возможным достижение решительной победы в короткий срок». Этого генерал Крамон настойчиво требовал в Бадене от австро-венгерского главного командования. Так зародилась идея июньского наступления австрийцев на фронте от Азьяго до моря.

Обстановка на союзных фронтах в начале 1918 г. была не вполне благоприятной. Французский фронт почти полностью застыл в своей неподвижности. Длившееся 3 месяца наступление на британском участке фронта закончилось и при огромных потерях не дало никаких ощутимых результатов. Румыния была совершенно разгромлена, и ¾ ее территории было занято противником. В Македонии операции зашли в тупик. Правда, к Антанте присоединились США, но их войска переправлялись через океан в Европу очень медленно, и вряд ли какая-либо часть была готова вступить в бой. Единственной относительно светлой точкой было то, что с германской неограниченной подводной войной началась успешная борьба, хотя подводная война все еще продолжала причинять союзным флотам большие потери и была особенно опасна для Италии, у которой сравнительно слабый торговый флот был в значительной части уничтожен.

Однако, Германия не была удовлетворена политикой Австрии, и генерал Либерт публично осуждал бездеятельность австрийцев, которая дала Италии возможность послать войска во Францию, «так что Германии все время приходилось нести на себе все бремя войны». Наличие во Франции итальянского корпуса было вызовом по адресу Австрии, у которой к итальянскому фронту фактически были прикованы все силы; это послужило одним из факторов, побудивших ее принять решение произвести попытку нового наступления против Италии—наступления, которое должно было одновременно явиться попыткой оживить исчезающую австро-германскую солидарность.

Как мы видели, обстановка на итальянском фронте улучшилась; потери под Капоретто и после него потребовали огромной работы по реорганизации армии, фронт прочно установился поперек района

Альтипиани—Граппа и по нижнему течению Пьяве. Итальянская армия была усилена 6 французскими и 5 британскими дивизиями, занимавшими теперь участок фронта. Но к июню, вследствие событий на западном фронте, 2 британских дивизии и 3 французских были отозваны обратно.

Маршал Фош, который сразу же после германского прорыва во Франции был назначен главнокомандующим всеми союзными силами хотел, чтобы итальянцы немедленно перешли в наступление. Но в это время было точно известно, что австрийцы сами готовятся перейти в наступление почти всей своей армией. Император Вильгельм телеграфировал императору Карлу: «Наша задача—атаковать на всех фронтах», а генерал Крамон в Бадене все время превозносил победы германцев во Франции и нажимал на австрийское главное командование, чтобы побудить его к возобновлению наступательных действий. В Австрии также чувствовали, что только одна большая военная победа может спасти австро-венгерскую монархию. Победа у Капоретто дала на некоторое время огромный моральный эффект, но в результате все же не удалось вывести Италию из строя. Итальянская территория, занятая победоносными австро-венгерскими войсками, оказалась менее богата продовольственными запасами, чем ожидали, в значительной степени потому, что австрийцы вместо того, чтобы конфисковать и вывозить эти запасы, лишь забирали и использовали то, что им было нужно в данный момент, а остальное уничтожали.

Австрийцы все еще полагали, что итальянские части морально уступают австрийским и считали итальянские позиции между Астико и Брентой чрезвычайно ненадежными. Фельдмаршал Конрад, отлично знавший этот участок фронта, сказал, что положение Италии подобно потерпевшему кораблекрушение моряку, цепляющемуся руками за бревно, и если ему отрубить топором пальцы, он неизбежно погрузится в пучину моря.

Хотя германские части, присланные на итальянской фронт перед Капоретто, были давно отозваны обратно, австро-венгерская армия была еще в отличном состоянии, даже несмотря на то, что внутреннее политическое положение монархии становилось все менее удовлетворительным. В итальянской армии была чешская дивизия, а затем появилась и румынская дивизия. Они не принимали участия в боях, но их наличие в итальянской армии было все же полезно, даже если они и не вызывали большого прилива перебежчиков из австрийской армии.

В конце апреля австрийское главное командование начало серьезно думать о наступлении на итальянском фронте и, наконец, 12 мая, на совещании в Спа, приняло окончательное решение. По плану, намеченному Конрадом, наступление должно было проводиться одновременно по обеим сторонам Бренты с целью достичь р. Баккильоне, в то время как через Пьяве вдоль дороги Одерцо—Тревизо должны были начаться демонстративные действия. Однако, Бороевич, командовавший Изонцской армией, настаивал на том, чтобы на Пьяве вместо демонстративной операции был нанесен главный удар *. Штаб эрцгер-

* Его все еще мучило то, что он под Капоретто сыграл сравнительно небольшую роль.

цога Иосифа, командовавшего 6-й армией против Монтелло, придерживался того взгляда, что для того, чтобы прикрыть правый фланг Изонцской армии, необходимо сначала овладеть Монтелло. Затем генерал Вальдштеттен предложил атаковать перевал Тонале, чтобы получить возможность спуститься в равнину Ломбардии. Австрийское главное командование было несколько озадачено этим обилием различных планов и после некоторых колебаний решило объединить три плана в один и начать две главных наступательных операции: одну в районе Граппа—Брента и другую на Пьяве, причем этим двум операциям должны были предшествовать меньшие по размаху, но все же достаточно важные демонстративные действия на перевале Тонале. Ввиду расходящихся направлений коммуникационных линий резервы должны были быть распределены между двумя наступающими группами. Это значительно затруднило управление операциями.

Австрийское главное командование было совершенно уверено в успехе, и так как за линией Граппа—Пьяве не было больше естественных препятствий, оно полагало, что победа приведет к далеко идущим результатам. Еще в конце марта генерал Арц писал Гинденбургу: «Я убежден, что в результате нашего наступления, которое должно привести нас к Адидже, мы добьемся военного разгрома Италии». Австрийский генеральный штаб рассматривал предстоящую победу не только как военный успех, который должен будет спасти империю, но и как средство для захвата обильных продовольственных запасов на богатых равнинах северной Италии. В своем воззвании к армиям начальник генерального штаба писал: «Мы располагаем гораздо большим числом дивизий, чем противник, наша артиллерия намного сильнее, чем у него. Мы атакуем его одновременно и концентрически на очень широком фронте; его слабые резервы окажутся, естественно, недостаточными, чтобы оказать сопротивление нашему нажиму со всех сторон; в бесполезных усилиях они скоро выдохнутся, и наша победа сделается более легкой и более решительной, так как мы будем продвигаться вперед все быстрее и решительнее».

Однако, генерал Крамон выразил генералу Арцу свои сомнения в шансах на успех ввиду недостатков в плане наступательной операции — ее разделении на две операции, равных по важности, не считая третьей, менее важной,—но Арц, хотя и не был большим оптимистом, все же уверил его, что все обойдется благополучно.

Трем операциям были даны громкие названия: операция на Альтипиани была названа «наступление Радецкого», операция на Пьяве — «операция Альбрехта», наступление на перевал Тонале — «лавинная атака». Частям были розданы карты, охватывавшие весь район за Пьяве до самого Минчио. Солдатам была обещана большая добыча в виде продовольствия, мануфактуры, кожи и мыла для них лично и для их семей. А Бороевич в своих воззваниях намекал, что «захват неприятельских позиций означает хорошее питание и богатую добычу». Лейтмотивом служила необходимость смягчить повсеместный в Австро-Венгрии недостаток продовольствия и прочих предметов потребления. Для того, чтобы избежать бесцельного уничтожения трофеев, происшедшего после Капоретто, были созданы специальные реквизицион-

ные части под командой опытных офицеров с задачей собирать, сохранять и распределять добычу и реквизированное добро. «Должен соблюдаться принцип,—гласил приказ по армии,—что части должны есть и пить вполне достаточно, но не расточительно». Перед тем как Диац убедился в том, что австрийцы действительно готовятся к большому наступлению, он составил план итальянского наступления с Альтипиани на Вальсугана и сообщил о нем союзникам. Однако, уже 28 мая он уведомил Фоша и Генри Вильсона, что ввиду готовящегося наступления противника он не сможет начать свое наступление, а вместо этого обратит все свое внимание на подготовку к обороне. Итальянская разведывательная служба, полностью реорганизованная после Капоретто и очень улучшенная, добыла обильные данные о том, что наступление австрийцев начнется 15 июня на фронте от Астико до моря, и действительно, это в точности и сбылось.

Непосредственно перед самым началом наступления на море был достигнут весьма важный успех. 10 июня капитан-лейтенант Луиджи Риццо торпедой специального типа, пущенной с противолодочного катера, потопил в водах Премуды один из самых мощных кораблей австро-венгерского флота, «*Сент Истван*», предотвратив этим атаку на Отрантское заграждение, пересекавшее Адриатическое море; эту операцию адмирал Хорти намечал как преддверие к сухопутному сражению. В Австрии и Венгрии потерю этого корабля несколько дней держали в тайне, но в официальных кругах о ней знали; когда это стало известно широким кругам, то этот факт, наряду с потерей корабля «*Вены*» в декабре предыдущего года, произвел угнетающее впечатление.

Силы, имевшиеся в распоряжении австрийского главного командования для предстоящего наступления, составляли 60 дивизий большего состава, чем итальянские; для участия в наступлении были назначены 50 дивизий — 27 в горном районе и 23 на равнине. Кроме того, у австрийцев было 7 500 орудий и 580 самолетов. Главнокомандующим был эрцгерцог Евгений и его силы были разделены на две группы.

Т и р о л ь с к а я г р у п п а фельдмаршала Конрада должна была наступать на фронте от Стельвио до Монфенера; в нее входили: 10-я армия генерала Кробатин — от Стельвио до Астико — и 11-я армия генерала Шейхенштюля—от Астико до Монфенера.

Г р у п п а П ь я в е фельдмаршала Бороевича, в которую входили: 6-я армия эрцгерцога Иосифа—от Монфенера до Понти делла Приула, Изонцская армия генерала Вурма—от Приула до моря.

Итальянская армия была переформирована и теперь имела в своем составе 56 дивизий (50 итальянских, 3 британских *, 2 французских и 1 чехословацкую) 7 043 орудия, 2 046 минометов и 523 зенитных орудия. 44 дивизии были на фронте и 12—в резерве. Итальянская авиация имела 676 самолетов, 37 привязных аэростатов и 4 дирижабля.

Итальянская армия была развернута следующим образом:

—против австрийской 10-й армии, на участке от Стельвио до озера Гарда, была расположена 7-я армия генерала Тассони, а от озера

** 7-я, 29-я и 48-я дивизии, входившие в состав 14-го корпуса.

Гарда до Астико—1-я армия генерала Пекори Джиральди — всего 12 дивизий;

— против австрийской 11-й армии развернулась 6-я армия генерала Джардино, от Бренты до Педеробба на Пьяве—всего 16 дивизий;

— против группы Бороевича, вдоль нижнего течения Пьяве, развернулась 8-я армия генерала Панелла, от Педеробба до Палаццон, и 3-я армия герцога Аоста—всего 13 дивизий.

Так как день наступления противника был точно известен, генерал Диац подготовил сильный контрбатарейный артиллерийский огонь с целью ослабить действие австрийской артиллерии. Кроме того, он создал очень сильный подвижный резерв из 19 дивизий, которые имели 539 легких и 28 тяжелых орудий, 228 минометов и 1 800 грузовиков, на которых, в случае прорыва противника, войска могли быть быстро переброшены на любой участок фронта. Из резервных дивизий 10 было сосредоточено в районе 9-й армии и оставлено в непосредственном подчинении верховного командования и 9 дивизий, хотя и составляли армейские резервы, но не могли быть использованы без разрешения верховного командования.

Как мы видели, общее наступление должно было начаться 15 июня, но ему 13 июня должна была предшествовать предварительная операция на Тонале. Однако, наступление на Тонале было сразу же задержано и не привело ни к каким результатам. Рано утром 15 июня, после обычной очень короткой, но исключительно интенсивной артиллерийской подготовки, начавшейся в 3 часа, австрийцы перешли в наступление на фронте от Астико до моря. Австрийский император Карл в своем императорском поезде переехал в Меран в сопровождении генерала Арца, преемника Конрада в должности начальника генерального штаба. Генерал Вальдштеттен с частью оперативного отдела находился в Беллуно, чтобы быть как можно ближе к району «наступления Радецкого», остальные офицеры штаба главнокомандующего остались в Бадене близ Вены. Такое распыление командования и штабов, как замечает Крамон, не могло не повлиять неблагоприятно на качество общего руководства операциями; штаб главнокомандующего был разделен на три части, из которых ни одна не была придана командующему одной из групп, проводивших главные операции; кроме того, ни одна из этих трех частей штаба не могла принять какое-либо важное решение, не согласовав его с прочими двумя группами.

Итальянское верховное командование, располагавшее теперь обильными резервами и запасами со спокойной уверенностью ожидало начала наступления. Гражданское население прилегавших к фронту районов было занято уборкой урожая, так как и оно инстинктивно чувствовало не меньшую уверенность в успешном исходе операций.

Как ни был силен артиллерийский огонь противника, огонь итальянской артиллерии был не менее сильным, и кроме того, внезапным. Большое количество австрийских орудий было приведено к молчанию, а ряд районов сосредоточения австрийских войск был настолько сильно обстрелян, что связь и передвижения резервов стали очень затруднительными, а то и вовсе невозможными.

Целью главного наступления в горном районе (схема 18) было прорвать итальянский фронт на правом фланге, между долинами Валь д'Асса и Валь Френцела и спуститься по долине Валь Каналья к Тьене и по долине Валь Френцела к Бассано а на левом фланге захватить южную часть Монте Граппа и обойти итальянские позиции на Пьяве. С первого удара частям австрийской 11-й армии удалось вторгнуться в районе Альтипиани на участки возле Пергеле и к югу от Ронкальто, обороняемые британскими частями, однако, в результате контратаки, в которой приняли участие и французы, австрийцы были отбиты. Южнее австрийцы захватили некоторое пространство близ Чезуна, но в 13 часов, после контратаки, поддержаной и артиллерией 10-го корпуса, они отошли, оставив 1 000 пленных и 7 орудий.

В центре австрийцы заставили французов очистить выступ Капителло Пеннар и заняли его, но несмотря на неоднократные попытки, не смогли продвинуться дальше, а вечером того же дня 78-й французский полк выбил австрийцев из этого выступа, взяв 500 пленных.

На правом фланге бой носил еще более ожесточенный характер. Австрийцы, разгромив артиллерийским огнем укрепления Вальбелла, Коль дель Россо и Коль д'Экеле, занятые частями итальянского 13-го корпуса, прорвались до Чима Экар и Буза дель Термине, запирающих вход в долину Валь Кьяма, но энергичными контратаками бригад Пинероло и Лечче были постепенно вытеснены назад, удержав в своих руках лишь Коль дель Россо и Коль д'Экеле.

На горном массиве Граппа (схема 19), который оборонялся 9-м корпусом под командованием Де Боно, части группы Конрада* вначале достигли некоторого успеха. Как и прошлой осенью, план действий заключался в том, чтобы охватить фланги главного массива, овладев позициями итальянцев к востоку и западу от массива—долиной Валь Брента—с одной стороны и Солароли, Монте Томба и Монфенера—с другой стороны, так чтобы выйти на Пьяве близ Педеробба. Если бы пала Граппа, то рухнула бы вся оборонительная система между Пьяве и Брентой, а вместе с нею и система обороны всего Альтипиани, и угрожаемые с тыла армии на Пьяве вынуждены были бы отойти, даже и не будучи разбитыми, как это случилось с 3-й армией после Капоретто. С первого удара австрийцы захватили важнейшие позиции: Коль дель Мильо, Коль Фенилон и Коль Москин, создав этим угрозу Коль Раниеро, на который опирался фланг линии главного сопротивления. Только на Азолоне 18-я дивизия и бригада Бари удержали свои позиции. Восточнее австрийцы, воспользовавшись легким туманом, также продвинулись вперед и захватили у 6-го корпуса Монте Пертика и Монте Костон. Однако, этот корпус, несмотря на свои более слабые силы, не допустил дальнейшего продвижения противника. Пехотинцы и артиллеристы сражались совместно; легкие орудия пришлось бросить, но сначала с них были сняты прицелы и вынуты затворы, а горные батареи продолжали вести огонь до тех пор, пока австрийцы не подошли вплотную к орудиям, и даже тогда артиллеристам удалось перетащить орудия на другой рубеж на склоне Остериа делла Чибера, откуда они снова открыли огонь.

Самые сильные атаки были произведены на Солароли (1601 *м*), Бальдероа, Костон Вальдероа, Валь Кальчино и Коль дель Орсо, и несмотря на оказанное бригадами Комо и Равенна (18-го корпуса) упорное сопротивление, северная часть выступа была взята противником, но центральный участок был удержан, а у Порте ди Сальтон батальон 120-го полка, несмотря на то, что был окружен и подвергся сильному нажиму, оказал отчаянное сопротивление. Австрийцы пытались полностью овладеть Солароли, введя в дело 20-ю и 48-ю дивизии, но даже и при поддержке последних им не удалось достичь определенных успехов.

В итоге утреннего наступления левый фланг армии на Граппа был прорван на глубину в 3 *км*, на правом фланге создалась угроза обхода, а в центре 18-й корпус был принужден произвести попытку перейти в контратаку независимо от обстановки на его правом и левом флангах, ибо отход был бы чрезвычайно затруднителен ввиду сильно пересеченного характера местности в тылу. Армейские резервы были целиком израсходованы. Между Коль дель Мильо и Азолоне австрийцы повели атаки по сходящимся направлениям: с северо-запада против итальянской «предельной линии» и с северо-востока на два хребта— Коль Спиаццоли и Остерия делла Чибера—и на «воронку» Коль Раниеро — Капителло с тем, чтобы прорвать фронт и пройти вдоль хребта между Брентой и Валь Феличита. Вершина и западный фланг этого треугольника наступающих войск глубоко вклинились в расположение итальянских частей, но их восточный фланг был задержан. Уже после окончания боя узнали, что, когда туман на мгновение рассеялся, находившийся на Чима Граппа наблюдатель увидел движение крупных сил противника из Валь Чезилла через Азолоне, и это дало возможность итальянской артиллерии открыть огонь по обнаруженному противнику, оказавшемуся австрийской 4-й дивизией, и помешать ему поддержать атакующие части.

Резервы, обещанные армии на Грапла, не подошли, так как они были направлены на Пьяве, где положение в тот момент представлялось еще более тревожным. Зато фронтовые части этой армии перешли в контратаку, и вскоре 6-й корпус добился успеха. Один пехотный батальон взял обратно пик 1503 к востоку от Азолоне, в то время как часть ударного батальона поднялась по долине Валь Дамон и уничтожила вклинившиеся группы австрийцев. Артиллеристы приняли участие в контратаках и захватили обратно потерянные было орудия. Таким образом, противник потерял все захваченное им было пространство, за исключением важного пика 1490. Бригада Равенна, отбившая пик 1671, не смогла взять пик 1676 на Солароли. Батальон 119-го полка (18-го корпуса) и несколько подразделений 120-го полка произвели контратаку в направлении на Порте ди Сальтон, захватили 200 пленных, взяли обратно пики 1292 и 1240 и атаковали Монте Спинончиа. Здесь они были задержаны, а затем оттеснены назад.

В 16 часов ударная группа 9-го корпуса атаковала Фагерон и редут на пике 1316, захватила обратно оба эти пункта и принудила противника отойти на Коль Фенилон и Коль Москин, в то время как части бригад Базиликата и Абруцца и саперы заняли очень сильно укреплен-

ную линию Фагерон—Сан Джованни, закрыв таким образом очень опасную дыру на фронте. В 22 часа ударная группа 9-го корпуса, поддержанная батальоном 92-го полка, атаковала Коль Фенилон и к 23 часам заняла его. Австрийцы неоднократно атаковали Коль дель Орсо, но всякий раз безуспешно. После этого боевые действия прекратились на несколько часов для ночной передышки.

16 июня, в 7 часов утра, ударная группа 9-го корпуса при поддержке артиллерии 9-го и 20-го корпусов (артиллерия 20-го корпуса стреляла с позиций на Альтипиани) возобновила наступление и в течение 10 минут захватила обратно переходивший из рук в руки Коль Москин с орудиями двух батарей, потерянных 13 июня. В ночь на 16 июня была взята обратно у австрийцев вся «белая» или вторая передовая линия, а части 6-го корпуса снова овладели передовым укреплением на Чима Граппа в направлении на Монте Пертика. Половина позиций на Казе Тассон и другие пункты были также взяты обратно в течение утра, и у Вальпоре ди Фондо была восстановлена связь с 18-м корпусом. В этих операциях были освобождены из плена ранее захваченные австрийцами 200 итальянских солдат и взято обратно несколько итальянских 149-*мм* гаубиц. К полудню был снова взят пик 1490 в направлении на Азолоне, а некоторые передовые дозоры достигли оставленного австрийцами пика 1478.

18-й корпус, наступавший от находящегося на Солароли пика 1671, предпринял теперь попытку взять обратно пики 1676 и 1672, но эти позиции оказались сильно укрепленными, и без подкреплений он не смог ничего сделать; однако, подкреплений не было, ибо все резервы были брошены на участок Монтелло. Эти позиции были единственными, которые остались еще в руках у австрийцев в этом районе.

К концу сражения 9-й корпус отошел немного назад, с линии «Альба» на линию «Бьянка»; этот отход не имел большого значения. Позднее были сделаны повторные, но безуспешные попытки взять обратно Солароли, с утратой которого была окончательно потеряна вершина выступа.

Командовавший армией на Граппе генерал Джардино писал: «15 июня, в 3 часа утра, над Граппа пронесся смерч, к 10 часам все было разгромлено, три последние стержневые позиции были потеряны, австрийцы смотрели с гор вниз на Бассано; солдаты, дравшиеся на Граппа, без поддержки, изнуренные и понесшие большие потери, снова и снова бросались вперед, в атаку. Гигант тряхнул своей львиной гривой, отшвырнул своих противников далеко назад и рассеял их. Через сутки все было кончено, и мы уже чувствовали, что линия Пьяве остается ненарушимой» *.

Как мы видели, в начале наступления австрийцы были полны уверенности, и в первые его часы казалось, что все идет для них превосходно. Однако, теперь в обстановке произошла резкая перемена.

Войска Конрада встретили на Альтипиани и на Граппе такой отпор, который сделал дальнейшее наступление невозможным. «Не было ни одной дивизии, — пишет фон Крамон,—которую в данное время можно было бы считать боеспособной». Группа Конрада потеряла 347 офи-

* G i a r d i n o, Ricordi e ricevocazioni.

церов и 7 095 солдат убитыми, 1 262 офицера и 12 484 солдат ранеными и 171 офицера и 13 667 солдат пленными и пропавшими без вести.

На Пьяве (схема 20) Бороевич стремился овладеть всей высотой Монтелло, которая господствует над этим участком реки с ее правого берега, а затем развернуться за этой высотой на равнине, покрытой густой сетью дорог. Другие части должны были форсировать реку у Салеттуол, в северной части острова Граве ди Пападополи. Таким образом, должен был быть создан широкий и мощный предмостный плацдарм, который позволил бы резервам переправиться через реку и овладеть железной дорогой Монтебеллуна—Тревизо.

6-я австрийская армия начала наступление своей обычной ожесточенной артиллерийской подготовкой, применяя большое количество дымовых снарядов, чтобы замаскировать наводку мостов. Итальянские передовые части были подавлены, и 15 июня, после полудня, часть выступа у Монтелло была взята австрийцами, которые дошли до линии Каза Серена—Коль Марсейле—Бавария; ниже по реке были заняты еще две предмостные позиции у Фагаре и у Музиле. 8-я и 3-я итальянские армии понесли очень большие потери, включая несколько тысяч пленными, и оказали довольно слабое сопротивление

Австрийцы надеялись достичь соединения 17-й дивизии (24-го корпуса) на Монтелло с 33-й дивизией (16-го корпуса), наступавшей от Граве ди Пападополи. Однако, движение 17-й дивизии на юг было задержано итальянской 50-й дивизией (близ Джавера и Аббация ди Нерверза), 48-й дивизией (к юго-востоку от Монтелло) и 79-м саперным батальоном, тогда как 31-я дивизия атаковала части 16-го австрийского корпуса. Таким образом, соединение достигнуто не было.

Частям группы генерала Вурма удалось форсировать реку ниже по течению и выйти на правый берег между Канделу и Капо Силе (схема 21). Однако, переправившиеся части оказались не в состоянии расширить занятый плацдарм и могли только оказать некоторое давление на противостоящие им итальянские части. Бригада Казерта сдерживала часть неприятельских сил между Канделу и Сан Бартоломео, в то время как бригады Козенца и Потенца и части 3-й армии сдерживали 7-й и 23-й австрийские корпуса, не позволяя, таким образом, противнику соединить в одно целое оба предмостных плацдарма. 25-я итальянская дивизия стойко держалась между этими двумя австрийскими корпусами (между Ценсон и Кроче).

Таким образом, как в районе Монтелло, так и на нижнем течении Пьяве обе попытки создать оперативные клещи не удались, и все усилия установить связь между двумя главными районами, уже занятыми противником, на правом берегу реки и расширить захваченные плацдармы оказались бесплодными. Главное командование еще надеялось использовать успехи, достигнутые на Пьяве, и отдало приказ Бороевичу во что бы то ни стало занять Монтелло и движением в юго-восточном направлении облегчить форсирование реки остальной части Изонцской армии. Когда, таким образом, армия Бороевича стала в конце концов играть главную роль в общем сражении, она оказалась в самых неблагоприятных условиях и не могла ожидать никакой помощи от опе-

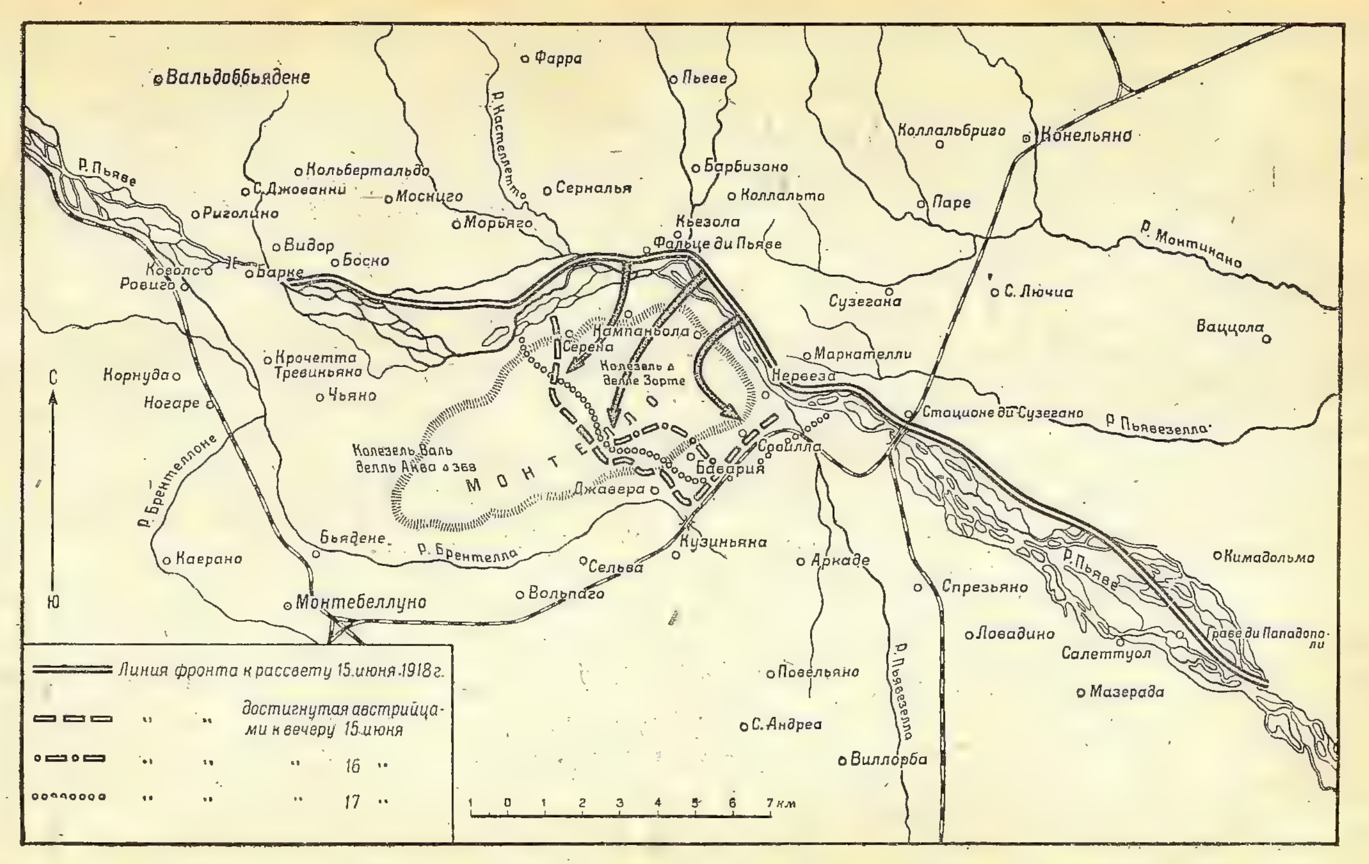


Схема 20. Бои на р. Пьяве в районе горы Монтелло во время австрийского наступления в июне 1918 г.

рации на участке Альтипиани—Граппа. 15 июня, после полудня, австрийское наступление потеряло весь свой первоначальный темп и было сведено к попытке медленно и методически продвигаться в глубину и оказывать нажим на итальянцев. Бороевич, который раньше особенно подчеркивал численное превосходство австрийцев, теперь заявил, что «немедленное продолжение операций против Тревизо будет в высшей степени неблагоразумным ввиду численного превосходства противника. В настоящее время ни я, ни мои командующие армиями не располагают резервами. Кроме того, у нас недостаточно артиллерии средних калибров, снарядов и мостового имущества. Мы можем надеяться на успех лишь в том случае, если просьбы, с которыми я уже раньше обращался *, будут исполнены и если мне дадут время для подготовки наступления. Но я не могу советовать отдавать распоряжения о преждевременных атаках недостаточными силами». Вначале группа Бороевича по своей численности, по крайней мере, равнялась находившимся на ее фронте итальянским частям. Встреченные этой группой трудности вытекали из чрезмерной ограниченности района, которым части Бороевича овладели, и из того, что в своих попытках расширить предмостные плацдармы они оказались не в состоянии преодолеть сопротивление итальянцев; кроме того, итальянская артиллерия своим огнем по переправам препятствовала переходу австрийских подкреплений на правый берег. Однако, в ночь на 16 июня смогли переправиться еще некоторые австрийские части.

К полудню 16 июня итальянцы начали контратаки на Монтелло. Бригады Палермо и Барлетта и 48-я и 50-я дивизии овладели обратно некоторой частью потерянного пространства, а также отбили у противника несколько ранее отданных ему орудий. На нижнем течении Пьяве 3-я армия также перешла в контрнаступление и захватила обратно Фагаре, Бокка ди Коллальто и Ла Фосса, в то время как неизменно блестящая бригада Сассари и 4 берсальерских самокатных батальона снова овладели позицией у Кроче. Неприятельское командование направило в бой свежие подкрепления, которым удалось несколько расширить предмостные плацдармы у Фагаре и Музиле, а 17 июня атаками от Ценсона и Гонфо эти плацдармы сомкнулись.

В тот же день австрийцы также перешли в контратаку на Монтелло и продвинулись до самой железной дороги между Сан Мауро и Сант Андреа, но благодаря контратакам частей бригады Аквила, им не удалось достичь Понти делла Приула.

В общем положение итальянцев было вполне удовлетворительное, так как австрийцы, несмотря на ряд довольно значительных местных успехов, не были в состоянии расширить пространство, захваченное на правом берегу реки, и большие массы войск оказались сосредоточенными на весьма ограниченном захваченном ими участке, находившемся под сильным огнем итальянской артиллерии и имевшем недостаточное количество дорог. Переброшенных через реку 20 мостов было недостаточно, чтобы переправить на правый берег большую

---

* Как только Бороевич узнал о неудаче Конрада, он обратился с просьбой, чтобы все резервы, предназначенные для операций в горах, были переброшены на его фронт.

массу запасов, необходимых для крупного наступления, а к тому же в ночь на 18 июня река поднялась на 80 *см*, и почти все эти мосты были снесены. 18 июня австрийцы продвинулись еще немного вперед: на участке Монтелло к железнодорожному мосту у Нервеза, а на нижнем течении Пьяве—к Салеттуол и к Сан Бартоломео, но итальянская 1-я ударная дивизия снова овладела частью потерянного было пространства близ Сан Дона и захватила 500 пленных.

Две австрийские группы, переправившиеся через Пьяве, были теперь окончательно отрезаны друг от друга и окружены с трех сторон итальянскими частями, имея у себя в тылу широкую и быструю реку. 18 июня Пьяве вздулась еще больше, вследствие чего сообщение с левым берегом сделалось еще более трудным. Австрийские авторы впоследствии приписывали поражение в июньском сражении этому подъему воды в Пьяве, однако, его последствия никоим образом не были решающими. Июньский паводок был гораздо менее серьезным, чем паводок в октябре-ноябре, во время сражения у Витторио Венето, а к 19 июня вода уже значительно убыла. Еще 18 июня, когда подъем воды достиг наибольшего уровня, австрийцев уже можно было считать разбитыми. Некоторые австрийские военные историки сами признают это. Так, капитан генерального штаба Регеле пишет: «Подъем воды на Пьяве во время июньского сражения может считаться неблагоприятным для нас фактором лишь в том смысле, что в начале паводка мы были еще слишком близко к берегу реки. Действительно, если бы наше наступление дало такие же первоначальные результаты, как прошлогоднее, то подъем воды Пьяве никогда не мог бы так пагубно отразиться на нас, ибо в этом случае наши части уже двое суток продвигались бы вперед за рекой. С другой стороны, в условиях, в которых мы оказались, паводок очень затруднил сообщения и подвоз запасов, которые, в силу необходимости, пришлось проводить в районе, находившемся под сильным неприятельским огнем» *. Сам генерал Бороевич, возлагая главную ответственность за поражение на главное командование, которое не дало ему оставшихся еще в горном районе частей, добавляет: «Мы можем упрекать за события не реку Пьяве, а скорее легкомыслие и колебания главного командования»**.

19 июня итальянцы повели контратаку на Монтелло, и Бороевич, предвидя неизбежность катастрофы, попросил об аудиенции у императора, который переехал со ставкой в Спилимберго на Тальяменто. Подробно изложив ему обстановку, Бороевич заявил, что положение могло бы быть спасено в случае присылки свежих частей, снарядов и продовольствия. Однако, генерал Арц заявил, что не может оказать поддержку, на что глубоко подавленный и раздраженный Бороевич ответил: «Так не воюют», и затем вернулся в свой штаб, где он услыхал еще более неблагоприятные новости. Весь день шли горячие бои, потери были огромны, и силы итальянцев все возростали. Вечером 20 июня Бороевич телеграфировал главному командованию: «То обсто-

---

* См. его статью в «Österreiche Wehrzeitung» за 6—7 августа и 3 сентября 1926 г.

** Письмо к барону фон Больгар, опубликованное вместе с другими письмами по этому вопросу в газете «Neue freie Presse» от 3 февраля 1929 г.

ятельство, что 11-й армии (в Тироле) не удалось добиться победы и что моей армией достигнуты ничтожные успехи, дает мало надежды на возможность продолжать наступление в направлении на Бренту. Пространство, выигранное 6-й и Изонцской армиями, настолько незначительно, что ввиду подъема воды на Пьяве и все продолжающегося усиления итальянцев не исключена возможность, что при малейшем нажиме на обе армии, оставшиеся без резервов, может произойти катастрофа. Так как наше государство своим настоящим наступлением лойяльно выполнило свой долг союзника и не может итти на риск при продолжении наступления оказаться, может быть, безоружной, я предлагаю отвести 6-ю и Изонцскую армии обратно за Пьяве с тем, чтобы затем в соответствующий момент начать новое наступление».

Это было поистине полным признанием неудачи.

Австрийские части на правом берегу Пьяве подверглись мощному нажиму со всех сторон, и, хотя 19 июня вода в реке снова спала, как сопротивление, так и снабжение войск, становились все более затруднительными. В тот же день верховное командование приняло решение о переходе в общее контрнаступление. Целью этого контрнаступления был избран участок Монтелло, так как он господствовал над широким равнинным пространством и над значительным участком реки, а также ввиду его большой важности для остального фронта далее к западу. Операции в этом районе были поручены 8-й армии, усиленной для этой цели 22-м корпусом (в составе 2 дивизий), 47-й дивизией 30-го корпуса, 3 ударными батальонами и артиллерией усиления. План операции заключался в том, чтобы атаковать с двух сторон часть Монтелло, занятую австрийцами, так, чтобы обе атакующие группы соединились на вершине выступа возле Фальце́, в то время как с юга на север должна была вестись лобовая атака ме́ньшими силами.

Сражение началось в 15 часов 30 минут 20 июня. Наступление на северном участке развивалось с переменным успехом в течение всего времени после полудня, а с наступлением ночи итальянцы немного продвинулись вперед, хотя австрийцы и продолжали еще упорно сопротивляться. На южном участке 22-й корпус произвел ряд весьма энергичных атак и значительно продвинулся вперед в направлении на Нервезу, где произошли самые тяжелые бои за всю кампанию. В самую критическую минуту командир корпуса генерал Ваккари лично повел войска в атаку. В этой операции большую роль сыграла артиллерия как во время артиллерийской подготовки, так и при создании огневого вала, сопровождавшего итальянскую атаку. Противник бросил на итальянцев большое число самолетов, однако, итальянские истребители сбили 14 самолетов, а остальных отогнали. В одном из этих воздушных боев был убит пулей храбрый Франческо Баракка, победитель в 14 воздушных поединках. Ожесточенное сражение продолжалось весь день 20 июня без каких-либо решающих результатов, и многие позиции по нескольку раз переходили из рук в руки.

На нижнем Пьяве австрийцы переправили 19 июня через реку свои резервы и оттеснили итальянцев с линии Фоссальта—Казериа—Капо д'Аржине, которую те накануне захватили; однако, дальше этой линии австрийцам продвинуться не удалось. Постепенно стало чувство-

ваться, что нажим австрийцев ослабевает. Теперь верховное командование сосредоточило огонь артиллерии 1-й, 6-й и 4-й армий по австрийским позициям, особенно по мостам, и 21 и 22 июня были предприняты новые пехотные атаки на нижнем Пьяве. В ночь на 23 июня Бороевич отдал, наконец, приказ об отходе за реку. Уже 22 июня части австрийской 6-й армии начали обратную переправу через реку; за ними последовали части Изонцской армии. 23 июня отход обозначился еще резче, и части итальянской 8-й армии продвинулись вперед и в 13 часов снова заняли развалины Нервезы. Немного позднее итальянские части распространились на остальную часть района Монтелло, встречая весьма слабое сопротивление, пока весь участок правого берега реки не был очищен от противника. В тот же день части 3-й армии атаковали ниже по течению между Канделу и Ценсон, где захватили 2 000 пленных и вернули батареи, потерянные в первые дни сражения. Между Ценсон и Капо Силе австрийцы еще упорно держались в надежде, что им удастся сохранить за собой эту предмостную позицию и позднее возобновить свое наступление. Однако, после ряда ожесточенных схваток 23 и 24 июня весь правый берег Пьяве, даже и в этом районе, оказался снова в руках у итальянцев.

Итальянское командование подверглось критике за то, что оно не организовало преследования австрийцев и немедленного наступления во время и после их отхода. Но итальянцы понесли очень большие потери, войска были сильно измучены, а австрийские позиции на левом берегу Пьяве были еще почти совершенно не тронуты и их можно было бы атаковать только при условии усиления армии свежими частями, которых не было. Без этих резервов преследовать противника на том берегу реки было невозможно, даже если бы форсирование реки и удалось, и те итальянские части, которые переправились бы на тот берег, оказались бы тылом к Пьяве, т. е. в таком же положении, как несколько дней назад австрийцы, переправившиеся на правый берег.

Одно то, что наступление австрийцев полностью провалилось, имело само по себе огромное значение как в моральном, так и в военном отношении.

В первый раз со времени Новары австрийская армия увидела, что Италия является, наконец, госпожей своей собственной судьбы. Австрийский военный министр генерал Чапп фон Бирхенштеттен пытался в своей речи, произнесенной в рейхсрате, снять с военных властей вину за понесенное поражение, но он должен был признать ошибки, допущенные некоторыми лицами из главного командования, и хотя он и стал на защиту Конрада, но вынужден был подписать приказ об его отставке*.

Таким образом, большое австрийское наступление, которое должно было вывести Италию из строя и дать Австро-Венгрии возможность послать подкрепления германской армии во Францию, вместо этого превратилось в серьезное поражение.

* Австрийский император принял «отставку» Конрада милостивым письмом и пожаловал ему графский титул и звание «шефа всей гвардии». Von Cramon, стр. 109—110.

Психологические результаты этого сражения на Пьяве, как его потом стали называть, были почти такими же важными, как и материальные. При тщательном изучении событий нельзя не оценить значения этой победы, которая была первой победой союзников в 1918 г. и доказала, что одна из двух главных неприятельских держав сделалась больше неспособной к успешному наступлению; это был первый случай, когда большое наступление, проведенное со всеми возможными материальными средствами и подготовленное с предельной тщательностью, не только было отбито, но закончилось потерей всего пространства, которое было раньше захвачено. Эта победа несомненно подняла дух всей Антанты в целом и соответственно понизила моральное состояние центральных держав, укрепив в первых уверенность в окончательной победе, уверенность, которой они раньше никогда еще не чувствовали.

Гинденбург надеялся, что Австрия после Пьяве пошлет подкрепления на западный фронт. Однако, если она не могла сделать этого до сих пор, так как ее армии были скованы итальянцами, то тем менее она была в состоянии сделать это теперь, после понесенных тяжелых потерь и упадка, наступившего в результате такой ужасной неудачи.

Теперь итальянцы приступили к проведению ряда различных частных наступател.ных операций. 29 и 30 июня армия в Альтипиани снова овладела горой Монте Вальбелла, Коль дель Россо и Коль д'Экеле, захватив 2 000 пленных и несколько орудий. На массиве Граппа бригада Базиликата и части бригады Калабрия 2 июля взяли снова Коль дель Мильо и продвинулись вперед к Роччи Анцини. Гора Солароли была захвачена бригадой Равенна, но затем австрийцы контратакой снова захватили ее; вторая попытка обратного овладения этим пунктом, сделанная 15 июля, не удалась, и эта позиция осталась в руках противника до последнего сражения войны.

3-я армия, которая 24—25 июня полностью очистила занятый австрийцами предмостный плацдарм у Капо Силе, предприняла 2—6 июля еще одну наступательную операцию между Старым и Новым Пьяве. На рассвете 2 июля 54-я дивизия атаковала со стороны Старого Пьяве в юго-восточном направлении, а 4-я дивизия—со стороны Кавацуккерина—Кортеллаццо в северо-восточном направлении, и после четырехдневных упорных боев частям 23-го корпуса генерала Петитти ди Рорето удалось вытеснить австрийцев из всего района между двумя руслами реки. В этой операции было захвачено около 3 000 пленных и 20 орудий, и она явилась для итальянцев первым важным выигрышем пространства со времени стабилизации новой линии фронта, установившейся предыдущей осенью.

Так закончилось большое сражение на Пьяве.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВИТТОРИО ВЕНЕТО

(Схема 22)

В оставшийся период лета 1918 г. обстановка на итальянском фронте была сравнительно спокойной. Союзники начали оказывать давление на итальянское командование с целью побудить его начать летом большое наступление, согласованное с операциями на западном фронте. В связи с этим генерал Диац рассматривал два плана: первый заключался в общем наступлении всеми наличными силами, при условии, если будет обеспечена возможность достижения решительных успехов на всех фронтах; второй предусматривал более ограниченную операцию на плато Азьяго как преддверие к более крупной операции, которую надлежало провести позднее. Первый план был отклонен, так как общая обстановка не могла гарантировать таких исключительно напряженных усилий со стороны итальянцев вскоре после сражения на Пьяве. Второй план, как мы это выше видели, весной был уже в стадии подготовки, которая была приостановлена в связи с полученными сведениями о подготовке противником большого наступления в июне. Теперь этот план снова принял отчетливую форму в виде наступления 30 дивизий с целью захватить гору Портуле и район Азьяго и таким образом расширить занимаемое итальянцами пространство и устранить угрозу вторжения противника на Венецианскую равнину, а также распространиться на запад до района Пазубио, где предстояло взять обратно Коль Санто и продвинуться вперед на плато Фольгария.

Слухи об этом плане были уже распространены в хорошо осведомленных кругах, но предполагавшаяся операция не была проведена. Во-первых, генерал Диац ожидал, что союзники пришлют танки для применения их впервые на итальянском фронте и, во-вторых, он полагал своевременным возродить свой план более широкого наступления с целью добиться действительно решительных результатов на итальянском фронте одновременно с тем, что должно было иметь место на других фронтах. Ограниченные же действия в лучшем случае привели бы к местному успеху, который обошелся бы очень дорого, и привел бы только к занятию более удобных позиций для общего наступления, намеченного на весну 1919 г.

Маршал Фош был раздражен этим отказом, но в конце августа генерал Диац отправился во Францию и объяснил положение в Италии как ему, так и французскому президенту и премьер-министру, которые раньше неправильно понимали его. Генерал Кевен считал, что итальянское наступление в июле могло быть успешным; такого же мнения был и генерал Гэторн-Харди.

17 июля германское наступление на Марне было окончательно задержано, а 18 июля началось французское контрнаступление с много-

обещающими результатами. 8 августа перешли в наступление англичане, и сопротивление германцев, казалось, начало, наконец, ослабевать. Наступление французов, англичан и американцев во Франции проходило медленно, и германцы отходили в полном порядке, всюду оказывая сопротивление и не проявляя признаков общего развала [53]. Но на македонском фронте события развивались более решительно и более драматически; после большого победоносного наступления союзников Болгария стала просить о перемирии, которое и было заключено в Салониках 29 сентября. Это дало возможность союзным войскам вновь вступить в Сербию, восстановить связь с Румынией и впоследствии вторгнуться в Венгрию. В Палестине лорд Алленби достиг полной победы и преследовал безудержно бежавших турок, и, хотя перемирие с турками было заключено только 31 октября, турецкой армии уже не существовало.

Верховное командование разослало командующим армиями циркулярное письмо с запросом относительно их мнения о возможности проведения осенью большого наступления итальянской армии. Начальник оперативного отдела 3-й армии полковник Николоси предложил план атаки на Пьяве против стыка двух неприятельских группировок, но в нескольких общих чертах. Начальник оперативного управления штаба верховного главнокомандующего полковник Каваллеро (впоследствии военный министр) сразу же подхватил эту идею и развил ее более подробно во всех деталях; убедить главнокомандующего утвердить этот план ему удалось не без труда, так как операция казалась рискованной, и если бы она потерпела неудачу, итальянцы могли очутиться в таком положении, в каком оказались австрийцы после сражения в минувшем июне. Это и было началом Витторио Венето.

Против наступления прямо на восток говорило то соображение, что, чем дальше будут продвигаться итальянцы, тем больше их фланг будет подвергаться угрозе из горного района. Наступление же в северном направлении через горный район в такое позднее время года было связано с очень большими трудностями. Решение атаковать в стык двух австрийских фронтов (групп армий) между двумя трудными направлениями было основано на здравых стратегических соображениях и заслуживало большего внимания и более тщательной разработки, чем ему до тех пор уделяли.

Диац начал подготовку к наступлению на всем итальянском фронте в конце лета и закончил ее к 25 сентября, за несколько дней до перемирия с Болгарией. Особенное внимание было обращено на то, чтобы противник не узнал о готовящихся операциях; через прессу нейтральных стран упорно распространялись сообщения об атаках, которые готовятся на различных участках фронта, но не на том, где она действительно намечалась. До противника действительно дошли слухи о предстоящем наступлении, и 20 сентября эти сведения появились в венской «Neue freie Presse», а затем и в других газетах. Однако, австрийское правительство было еще полностью уверено в своей армии, положение которой с августа значительно укрепилось благодаря улучшению питания [54] и более обильному снабжению огнеприпа-

сами, а главному командованию удалось устроить позади войск изоляционную зону, оградившую их от революционных националистических волнений, назревавших внутри империи.

Итальянский план состоял из двух частей. В первый период должно было быть предпринято наступление в районе Граппа между реками Брента и Пьяве с целью разрезать австрийскую армию на две части и отделить войска, действующие в Трентино, от войск, расположенных на левом берегу Пьяве. Во второй период должны были быть атакованы силы противника, расположенные вдоль Пьяве от Монтелло до моря, с нанесением главного удара по стыку между австрийскими 6-й и Изонцской армиями. Это был классический маневр, имевший целью расколоть противника на две части и затем уничтожить каждую из них в отдельности.

25 сентября командующий 8-й армией, на которую возлагалось форсирование Пьяве, генерал Кавилья был вызван в штаб верховного главнокомандующего и здесь ему был сообщен план операции. День-два спустя этот план был также сообщен командующему 4-й армией на Граппа генералу Джардино. Тем временем продолжался спешный подвоз войск и материальной части, что являлось далеко не легкой задачей, так как в район сражения надо было подвезти 21 дивизию, 1 600 орудий, 500 минометов и 2 400 000 снарядов. К 10 октября все приготовления к наступлению были закончены.

Итальянская армия заняла следующее расположение:

7-я армия (генерал Тассони)—от Стельвио до озера Гарда;

1-я армия (генерал Пекори-Джиральди)—от озера Гарда до Мелетте ди Галлио в районе Азьяго;

6-я армия (генерал Монтуори)—на Альтипиани;

4-я армия (генерал Джардино)—на горном массиве Граппа;

8-я армия (генерал Кавилья)—на Монтелло;

3-я армия (герцог Аоста)—на нижнем течении Пьяве.

Между 4-й и 8-й армиями была развернута вновь сформированная 12-я армия под командованием французского генерала Грациани, а на участке между 8-й и 3-й армиями была поставлена новая 10-я армия, которой командовал британский генерал Кевен; в состав 12-й армии входили 1 французская и 3 итальянских дивизии, а 10-я армия состояла из 2 британских и 2 итальянских дивизий. Создание этих двух армий, которыми командовали генералы неитальянской службы, объясняется желанием союзников подчеркнуть общесоюзный характер этих операций *. Эти армии выполняли исключительно тактические задачи; 12-я армия должна была согласовывать свои действия с 4-й армией, а 10-я армия—с 8-й. Оставались еще одна французская и одна британская дивизии, входившие в состав армий, которыми командовали итальянские генералы.

Общий план операций, воплощенный в боевом приказе верховного главнокомандующего от 12 октября, заключался в том, чтобы разделить 5-ю и 6-ю австрийские армии на две части, с сосредоточением

* Возможно также для того, чтобы заручиться поддержкой британского и французского главнокомандующих в операции, к которой они относились довольно сдержанно.

наибольших усилий на стыке между ними, выйти на сообщения 6-й армии, прижать ее к Пьяве, чтобы воспрепятствовать ее отходу или переходу к обороне, и использовать все возможные результаты этого маневра. Прорыв фронта противника должен был быть осуществлен между Монтелло и Граве ди Пападополи, и выполнение этого прорыва было возложено на 8-ю и 10-ю армии, причем командующий 10-й армией генерал Кевен должен был действовать согласно указаниям командующего 8-й армией (генерала Кавильи).

4-я армия в составе 9 дивизий должна была наступать в направлении Чисмон—Артен—Фельтре, чтобы перерезать сообщения между Тирольской группой и группой Бороевича. 12-я армия, действовавшая далее к востоку, должна была поддерживать операции 4-й армии, а часть ее (1 французская и 1 итальянская дивизии) должна была переправиться через Пьяве вместе с 8-й армией и наступать на Вальдоббьядене, имея объектами Фельтре и котловину Беллуно до начала долины Кордеволе.

Как впоследствии оказалось, именно 4-й армии пришлось в конце концов оказывать помощь 12-й армии.

8-я армия (14 дивизий) должна была переправиться через Пьяве у Серналья, занять Витторию Венето, подняться на Санта Кроче и спуститься к Понте нелле Альпи на Пьяве выше Беллуно, ее левый фланг должен был занять котловину Беллуно, а правый фланг достичь источников реки Ливенца.

10-я армия генерала Кевен (4 дивизии) должна была переправиться через реку у острова Граве ди Пападополи и продвинуться до реки Ливенца; по достижении этой реки подчинение генералу Кавильи прекращалось, и армия должна была перейти в непосредственное подчинение верховного главнокомандующего.

3-я армия (4 дивизии) должна была действовать совместно с 10-й армией и также наступать через Пьяве.

1-я армия (5 дивизий) и 7-я армия (4 дивизии) должны были быть готовы к движению, но оставаться на месте, в то время как 9-я армия (2 итальянских и 1 чехословацкая дивизии) и 331-й американский полк вместе с 4 дивизиями, не входившими в состав армий, оставались в непосредственном подчинении верховному командованию.

Кавалерийский корпус под командованием графа Туринского, в составе 4 дивизий по 4 кавалерийских полка в каждой, сосредоточенный в районе Падуя, должен был находиться в готовности немедленно перейти к преследованию противника, как только будет осуществлен прорыв фронта.

Всего в составе итальянской армии было 57 дивизий (704 батальона пехоты), из них 51 итальянская, 3 британских, 2 французских и 1 чехословацкая, кроме того, 1 американский пехотный полк. Артиллерия имела 7 700 орудий (7 250 итальянских, 250 британских и 200 французских) и 1 745 минометов.

Главнокомандующим (начальником генерального штаба), как мы видели, был генерал Армандо Диац, а его заместителем генерал Пьетро Бадольо.

Австро-венгерская армия в отношении живой силы была несколько сильнее: она имела 58 дивизий, всего 724 батальона (ее батальоны обычно были четырехротного состава, в то время как итальянские — трехротного); зато в отношении артиллерии она была слабее и имела всего 6 030 орудий, причем австрийская армия испытывала большие неудобства, так как она была рассредоточена по внешним линиям, с неудовлетворительной связью между Тирольским районом и районом Пьяве. Она была разделена на две группы армий: одна группа была в районе Тироль — Трентино — Азьяго, которой сначала командовал фельдмаршал Конрад, и другая—на нижнем Пьяве, генерала Бороевича. С 15 июля Конрад был заменен эрцгерцогом Иосифом, который перед самым сражением был назначен командующим всем итальянским фронтом, а генерал Кробатин принял командование Тирольской группой.

Хотя, как мы видели, австрийцы были осведомлены о готовящемся наступлении итальянцев, но они не знали, где именно оно будет произведено. В конце лета они считали, что итальянцы избрали участок Валларса — Валь Лагарина, а позднее — участок Граппа — Монтелло. К концу сентября они установили, что подготовляется наступление на Пьяве, и главное командование отдало приказ в том смысле, что «общая обстановка заставляет нас предполагать, что противник будет пытаться добиться успеха также и на итальянском фронте. Он должен застать нас совершенно готовыми отразить его попытки во что бы то ни стало и должен убедиться, что его предприятие является бесполезным и убийственным, как это уже имело место на Карсо». К 20 октября противник знал, что наступление должно быть предпринято в обоих районах.

Австрийская армия была в значительной степени реорганизована: самые потрепанные части были приведены в порядок; были призваны родившиеся в 1900 г.; находившиеся в России военнопленные, отпущенные большевиками ,были опять призваны под знамена; число пулеметов было доведено в среднем до 72 на каждый полк. В итальянской армии было лишь 24 пулемета на полк да ручные пулеметы, которые оказались не особенно полезными; кроме того, в непосредственном подчинении командиров бригад было 2 пулеметных роты, по 6 пулеметов в каждой. Были приложены все усилия к тому, чтобы повысить моральное состояние австрийских войск: распространение газет было запрещено, а почтовая цензура была усилена.

Утверждают, что к указанному моменту австрийская армия была уже в состоянии разложения. Однако, единственными симптомами, вызывавшими беспокойство, были случаи, когда 22 октября два хорватских полка отказались сменить на позициях два других, также хорватских полка, и когда 24 октября две роты из Боснии и Герцеговины, получив приказ отправиться на фронт, заявили, что они уже достаточно навоевались. В обоих случаях мятежники были быстро приведены к повиновению, и подобного рода явлений уже больше не было. В то время как страна была политически на грани разложения, армия оставалась крепкой, дисциплинированной и послушной в руках своих командиров до самого последнего момента. 23 октября австрийский

император Карл обратился к войскам с горячим воззванием, но, сомневаясь в успехе, в тот же самый день телеграфировал папе римскому, умоляя его попытаться убедить итальянское правительство воздержаться от подготовленного наступления.

Операции должны были начаться 18 октября, но были отложены на несколько дней ввиду плохой погоды и подъема воды в Пьяве. Эта оттяжка наступления оказалась небесполезной, так как позволила подвести еще 400 орудий для 4-й армии, действия которой, намеченные по плану как демонстративные, должны были фактически стать решающими. Даже к 23 октября обстановка была не вполне удовлетворительна; вода в Пьяве все еще не спала и не все батареи смогли закончить подготовку к стрельбе. Тем не менее был отдан приказ о наступлении 24 октября, ровно через год после Капоретто.

Сражение под Витторио Венето разделялось на две больших операции: одну на Граппа, другую на Пьяве. В районе Граппа 4-я армия развернулась следующим образом: на левом фланге участок от Роччи Анцини до пика 1490 занял 9-й корпус генерала де Боно, в составе 17-й и 18-й дивизий, имея 21-ю дивизию в армейском резерве; в центре от склонов Азолоне до Кроче ди Вальпоре—6-й корпус генерала Ломбарди, в составе 15-й и 30-й дивизий, с 22-й дивизией в армейском резерве; участок на правом фланге до горы Томба занимал 30-й корпус генерала Монтанари, в составе 47-й и 50-й дивизий, с 80-й дивизией в армейском резерве. Участок между горой Томба и Пьяве занял 1-й корпус генерала Этна, входивший в состав 12-й армии, которой командовал французский генерал Грациани. Большинство частей, действовавших на Граппе, было в горах уже много месяцев и выработало свои армейские традиции, подобно 3-й армии герцога Аоста; эти чувства и поныне связывают между собой старых боевых товарищей *.

Наступление началось 24 октября в 3 часа утра артиллерийским огнем 30-го корпуса на крайнем правом фланге, за 2 часа до открытия огня всей 4-й армией, с тем, чтобы дать пехоте этого корпуса время преодолеть трудно проходимый участок, отделявший ее от неприятельских позиций, расположенных на крутых скатах в Валь Кальчина и на склонах Солароли и Вальдероа, овладение которыми составляло задачу этого корпуса. В 5 часов утра громовыми раскатами разразился весь концерт артиллерийского огня. Когда рев тяжелых орудий начал затихать, раздалось рычание легких орудий, вслед за которыми началось злобное ворчание пулеметов и трескотня винтовок. Затем пехота пошла в наступление.

Противник сопротивлялся с отчаянным упорством, и хотя первым же натиском бригада Бари 9-го корпуса захватила Азолоне, а бригада Базиликата—передовые позиции на Коль Каприле, австрийцы контратакой принудили бригаду Бари отойти с Азолоне и задержали продвижение бригады Базиликата. На центральном участке бригада Пезаро 6-го корпуса овладела Монте Пертика и Кремона на хребте между пиком и горой Прассолан, но скоро ураганный артиллерийский и пулеметный огонь и пехотные контратаки противника заставили ее

* На ежегодное празднование на Граппу съезжаются многие тысячи бывших бойцов 4-й армии, включая ее бывшего командующего маршала Джардино.

отдать захваченное пространство. Орудия и пулеметы противника занимали такие хорошие позиции, что итальянцам не удалось подавить их своим огнем. Правее, бригады Ломбардия и Аоста 30-го корпуса захватили ряд позиций на Солароли и горе Вальдероа, причем бригада Аоста взяла 400 пленных. Противник принудил эти части отдать обратно часть захваченного ими пространства, и бригада Ломбардия вынуждена была отойти на седловину между Солароли и Вальдероа. Но бригаде Удине и части бригады Аоста, несмотря на отчаянное сопротивление противника, удалось продвинуться на Спинончиа и в долины Валь Кальчино и Валь Орник, а части 1-го корпуса заняли склоны Вайаль в котловине Алано.

К концу первого дня итальянцы захватили 1 800 пленных и много пулеметов, но понесли очень большие потери, а захваченное пространство оказалось незначительным. Моральное состояние итальянских войск было превосходным, и они были твердо уверены в конечном успехе.

В районе Альтипиани итальянские и союзные части сковали австрийцев, чтобы не позволить им посылать подкрепления в район Граппа. Французский полк захватил Монте Сиземоль и взял 800 пленных; он удерживал захваченные позиции до вечера с тем, чтобы скрыть подлинные намерения итальянского командования. Британский батальон также захватил возле Азьяго 200 пленных.

Между тем на Пьяве началась другая операция, еще более широкого масштаба. Как мы видели, план операции предусматривал форсирование реки 24 октября у Граве ди Пападополи, где покрытый галькой остров разделяет реку на два главных русла. В ночь на 24 октября частям 10-й армии генерала Кевен удалось переправиться на остров, однако, вода в реке после сильных дождей снова поднялась, и только утром 25 октября удалось навести мосты через реку. Таким образом, вся тяжесть боев продолжала оставаться в первые дни сражения на Граппской армии, и австрийцы послали еще 4 дивизии и 1 полк для усиления своих войск в этом районе, вместо того, чтобы послать подкрепления на Пьяве, где должно было начаться главное наступление итальянцев.

Рано утром 25 октября итальянцы атаковали главные укрепления противника на Граппа—Азолоне, Пертика и Солароли. Атаке предшествовал убийственный артиллерийский огонь, в котором также приняла участие артиллерия 20-го корпуса. В результате, энергичной атакой часть бригады Бари и 9-й ударный отряд захватили Азолоне, продвинулись к окопам у Коль делла Берретта и взяли 600 пленных. Однако, отчаянная контратака со всех сторон привела к почти полному окружению этих отважных частей и вынудила их отдать захваченное, было, пространство, причем им удалось с боем отойти обратно на свои позиции и привести с собой всех захваченных пленных.

После жаркого четырехчасового боя бригада Пезаро и 18-й ударный отряд 6-го корпуса овладели Монте Пертика. 13-й дивизион горной артиллерии выдвинул свои орудия вперед на дистанцию ружейного огня противника и продвинулся еще дальше вперед для поддержки пехотной атаки. Несмотря на неоднократные контратаки, проведенные

при поддержке сильнейшего пулеметного огня, итальянские горные орудия уничтожили неприятельские пулеметы и дали возможность своей пехоте удержать вновь захваченный пик. Вправо от Пертика бригада Болонья и 8-я Альпийская группа несколько раз атаковали Коль дель Кук, Коль дель Орсо и Солароли, но продвинуться вперед им не удалось; один батальон Леванна потерял 692 человека, а 42-я рота батальона Азоло—114 человек.

Противник продолжал еще упорно сопротивляться, и пока не было еще никаких признаков отхода, а тем менее общего разгрома армии, 25 октября в горнило боя на Граппа были брошены еще 10 австрийских батальонов и Эдельвейская альпийская дивизия. 34-й дивизии было также приказано двигаться в этот район, но она была задержана ввиду нового итальянского наступления на Монтелло в ночь на 26 октября. Бригада Форли, сменившая бригаду Бари, еще раз атаковала грозную гору Азолоне и добралась, было, до ее вершины, но под нажимом противника вынуждена была отойти с большими потерями. Не намного лучше закончилась и атака бригады Пезаро и 18-го ударного отряда на сильно укрепленные позиции у Остерия дель Форчелетто. Попытка бригады Абруцци взять Коль Каприле 26 октября оказалась также безрезультатной, а атака бригад Римской и Кремона на Прассолан вызвала большие потери при незначительном продвижении вперед; зато 39-й полк бригады Пезаро и 18-й ударный отряд несколько продвинулись вперед на северные склоны Пертики.

Восточнее австрийцы перешли в контратаку на позицию у Истриче, занятую остатками альпийского батальона Аоста. Они бросились на эту позицию со всех сторон с огромной силой, однако, альпийцы встретили противника контратакой в штыки и отбили их. Атака двух австрийских полков на гору Форчелетто была также отбита итальянским 40-м полком, а позднее несколько рот последнего, а также 39-го полка и альпийского батальона Пельмо захватили пик 1186 и гору Форчелетто. Первые две атаки на Коль дель Кук были отбиты, а третья удалась.

Бригаде Ломбардия и двум альпийским батальонам менее посчастливилось в своей попытке овладеть позициями на Коль дель Орсо—Солароли, и противник перешел в наступление с этих позиций и с Вальдероа и пытался уничтожить 2 роты альпийского батальона Аоста на Истриче. Однако, отважные горные роты держались упорно и заставили противника отойти. Батальон потерял 8 офицеров и 97 солдат убитыми, 11 офицеров и 44 солдата ранеными и 8 человек пропавшими без вести.

Новые атаки итальянцев на участках Солароли, Вальдероа, Спинончиа, Порте ди Сальтон, Пунта Цокана и Фенера привели к некоторому продвижению вперед, но затем захваченное пространство пришлось снова отдать, и ввиду тяжелых потерь 4-й армии Граппа генерал Джардино решил приостановить операцию, чтобы дать своим бойцам отдых и время закрепиться на своих позициях.

26 октября вечером фельдмаршал Бороевич выразил свою «особую признательность и сердечную благодарность» бойцам Беллунской группы и полную уверенность в том, «что они докажут противнику,

что он напрасно пролил свою кровь». Однако, усилия австрийцев начали ослабевать, и они также понесли огромные потери; кроме того, некоторые части подавали явные признаки мятежных настроений и отказывались продолжать борьбу. После провозглашения об отделении Венгрии от двуединой монархии венгерская дивизия, действовавшая на Альтипиани, между 26 и 27 октября потребовала снятия ее с фронта, и ее примеру последовали другие две дивизии. По словам генерала Альберти, из 49 полков, входивших в состав группы, 11 почти целиком взбунтовались, так что положиться можно было только на 38 полков (и даже из них 3 полка были под сомнением), да еще на 12 ударных батальонов — против 36 полков итальянской 4-й армии, 8 полков 1-го корпуса и 5 ударных отрядов.

На Граппе, однако, ожесточенные бои продолжались, не ослабевая, и австрийцы усилили свои обороняющиеся части 60-й дивизией и 20-й спешенной кавалерийской дивизией. 27 октября прошло на Азолоне спокойно, но на участках Пертика, Солароли и Вальдероа шли упорные бои. Пертика, перешедшая в руки итальянцев, была занята остатками 14 батальонов, которые не имели времени для переустройства оборонительных сооружений, и в 5 часов утра противник открыл убийственный огонь по пику, который через 50 минут был атакован его пехотой. Уцелевшие бойцы были вскоре потеснены, но им удалось зацепиться за нижние склоны непосредственно под вершиной и задержаться в ожидании подкреплений. Итальянская артиллерия сильно обстреляла австрийцев, занявших эту спорную вершину, а затем пехота бросилась в атаку; после шестичасового отчаянного рукопашного боя, в котором приняли участие артиллеристы, пулеметчики, саперы и штабные посыльные, противник был сбит, и атакующие части преследовали его по пятам.

На участке Солароли—Вальдероа контратаки противника оказались более удачными; туман позволил австрийцам незаметно подойти к седловине Вальдероа и к Истриче и захватить обе эти позиции, вследствие чего уже нельзя было больше удерживать самое Вальдероа; это принудило оборонявшихся отступить с нее, оставив в руках противника 600 пленных, большей частью 5-го полка (бригады Аоста). 28 октября итальянцы обстреляли сильным артиллерийским огнем неприятельские позиции и подступы, чтобы задержать дальнейшие контратаки, а утром 29 октября бригада Калабрия и 3 ударных отряда захватили Азолоне, в то время как 9-й ударный отряд и 2 пехотных батальона приблизились на 1 *км* к Коль делла Берретта. Однако, австрийцы смогли еще броситься в атаку, которая была для них последней, и взяли обратно потерянные было ими позиции.

Пока в районе Граппа шли эти гигантские демонстративные действия, велись приготовления к намеченному главному наступлению через Пьяве. Река течет к морю в юго-восточном направлении, за исключением участка у подошвы Монтелло, где она течет прямо на восток. Между Кверо и морем ее ширина равна в среднем 250—300 *м*, но сразу же ниже Кверо русло реки расширяется до 1 500 *м*; у Граве ди Чьяно между Видор и Фальце ее ширина достигает 2 *км*, а у Граве ди Пападополи—4 *км*. Берега реки крутые и трудно доступные, а между

Понти делла Приула и морем имеются искусственные дамбы, построенные для защиты от наводнений. Паводки внезапны и часты, но никогда не длятся более 5 дней.

План предусматривал форсирование реки на фронте 8-й армии, на котором должно было быть наведено 8 мостов и 13 пешеходных мостиков; один мост и один пешеходный мостик предназначались для 12-й армии и один мост и несколько пешеходных мостиков—для 10-й армии. Перед наводкой мостов несколько ударных отрядов и пехотных подразделений должны были переправиться через реку на лодках. Уже с 14 октября мостовое имущество было подвезено и тщательно укрыто от наблюдения противника. Но сильные дожди сделали подвоз весьма трудным и привели также к значительному подъему воды в реке, что принудило верховное командование приостановить намеченное форсирование реки на фронтах 8-й и 12-й армий. Ниже по течению, где река разделяется на много рукавов островами Граве ди Пападопули, на фронте 10-й армии итальянским понтонным ротам удалось вечером 23 октября переправить на остров 2-й дивизион британского Особого артиллерийского полка и 1-й Уэльский фузилерный батальон. Австрийский гарнизон острова был захвачен врасплох, и было взято 350 пленных. В то же время 3 батальона бригады Фоджа, 3 бригады Мачерата и ударный отряд (все 11-го корпуса) переправились на остров Казерту, лежащий ниже по течению, но ввиду сильного огня противника и большой глубины реки переправиться на остров Маджиоре им не удалось. 24 октября австрийская артиллерия разрушила большинство пешеходных мостиков и открыла по островам сильный огонь, который, однако, не мог вытеснить устроившуюся на них итальянскую пехоту. Тем не менее позднее часть этих войск все же отошла обратно на правый берег, оставив на островах лишь незначительные подразделения, необходимые для удержания позиций, пока не прибудут дальнейшие подкрепления.

8-я армия была развернута по правому берегу реки выше по течению, в готовности сделать еще одну попытку переправиться через реку: 27-й корпус (51-я, 66-я и 2-я дивизии)—между Педеробба и Граве ди Чьяно, 22-й корпус (12-я, 57-я и 60-я дивизии) и 1-я дивизия ударного корпуса—на Монтелло, а 8-й корпус (7-я, 48-я и 59-я дивизии и 2-я ударная дивизия)—против Приула до Палаццон. Во втором эшелоне стояли в резерве 2 кавалерийских дивизии. Против итальянской 8-й армии была расположена австрийская 6-я армия в составе 2 корпусов (6 дивизий), развернутых от Кверо до Сузегана.

26 октября в 21 час саперам удалось с неимоверным трудом переправить через реку у Педеробба несколько лодок и начать наводку мостов. Однако, все сделанное ими было снесено течением, и работы пришлось полностью начать снова в 23 часа под сильным артиллерийским огнем противника. К 3 часам утра 27 октября на противоположный берег переправились первые части—альпийские батальоны Бассано и Верона, французский 107-й полк и 2 роты бригады Мессина. В 6 часов противник уничтожил мосты. У Видор понтонеры навели пешеходные мостики через девять рукавов реки, но предпоследнего мостика им построить не удалось, и от дальнейших попыток его наводки пришлось отказаться.

На участке 22-го корпуса понтонерам удалось переправить через реку ударный отряд, и к 23 часам был наведен один мост; работы по наводке другого моста шли всю ночь, но на рассвете их пришлось приостановить. Второй мост был наведен выше по течению. Теперь в мертвой тишине части начали переправляться через реку. Противник не прекращал огня, но переправа продолжалась непрерывно. Вскоре 57-я дивизия, 1-й ударный отряд и 2 горных батареи в полной сохранности переправились на левый берег. На рассвете 27 октября огонь противника усилился, и к 8 часам оба моста, построенные с такими огромными трудностями, превратились в бесполезную массу исковерканного железа и сломанного леса.

Ввиду того, что навести мост на участке 8-го корпуса было невозможно, 400 ударников 2-й ударной дивизии были погружены на лодки, но лишь 200 человек переправились на тот берег, остальные утонули. Дальнейшие попытки навести мосты закончились неудачей.

Действия 10-й армии, происходившие под прикрытием островов Граве ди Пападополи, были более счастливыми. В ночь на 26 октября итальянская 37-я и британская 7-я дивизии захватили все острова Граве, а на следующую ночь был наведен большой мост, по которому удалось переправить на тот берег 2 корпуса.

Теперь на левом берегу реки было занято три предмостных плацдарма, однако, между ними еще не было установлено связи, и кроме плацдарма 10-й армии, остальные два были отрезаны от правого берега, а следовательно, и от своих тылов; а подъем воды в реке продолжался. Участок Педеробба между Вальдоббьядене и Понти делла Приула удерживался австрийскими 2-м и 24-м корпусами (3 дивизии и 2 батальона в первой линии, 1 дивизия и несколько меньших частей в резерве), а справа их поддерживал 15-й корпус Беллунской группы.

Итальянские войска, переправившиеся на левый берег Пьяве, оказались изолированными и лишенными связи, за исключением отдельных донесений и распоряжений, которые удавалось доставлять отважным пловцам, знаменитым «кайманам» (крокодилами) Пьяве. Однако, 3-я ударная группа и бригада Кунео немедленно атаковали противника, преодолели его сопротивление на так называемой линии мельниц и продвинулись на линию прибрежных селений (Видор, Мосниаго, Мориаго, Сернaлья, Фальце). Мосниаго и Сернaлья были вскоре захвачены сильной атакой, и итальянцы дошли до первых неприятельских батарей, где захватили 700 пленных и 20 орудий. Австрийская артиллерия продолжала наносить наступающим частям большие потери, но к полудню было захвачено в плен и рассеяно несколько эскадронов спешенной гонведной конницы, часть бойцов которой начала требовать отправки их домой в Венгрию. Однако, 25-я австро-венгерская дивизия мужественно перешла в контратаку и вначале ей удалось оттеснить ударников, но когда последние были усилены бригадой Кунео и несколькими ротами бригады Мессина, продвижение итальянцев возобновилось. На участке Мориаго, Сернaлья бригады Пиза и Мантуа, сменившие изнуренные 1-ю и 2-ю ударные группы, подавили сопротивление венгерских частей и легко отразили попытки противника перейти в контратаку. Стрелкам 77-го ударного отряда удалось провести бы-

строе обходное движение, в результате которого были захвачены в плен 2 батальона 32-го гонведного полка. 3-й батальон отошел и рассеялся. Теперь было захвачено около 2 200 пленных, но так как их невозможно было переправить через Пьяве на тот берег, они несли потери от огня своих собственных батарей.

Тем временем 10-я армия продолжала развивать свои блестящие успехи. Британский 14-й корпус на левом фланге быстро продвигался вперед; продвижение итальянской 37-й дивизии вначале было несколько задержано множеством каналов, через которые ей пришлось переправляться, и большими потерями, которые она несла от неприятельского пулеметного огня, но, будучи поддержана 6-й берсальерской бригадой и 11-м ударным отрядом, дивизия также достигла поставленных ей целей и отразила контратаки противника. К вечеру 10-я армия заняла сильные предмостные позиции, проходившие по линии, самыми передовыми пунктами которой были Стабилуццо, Сан Поло ди Пьяве, Борго Цанетти, Борго Маланотте и Кава Тонон. У противника было захвачено около 5 600 пленных и 40 орудий.

Если положение итальянских частей 8-й армии и французских частей 12-й армии, сильно нуждавшихся в огнеприпасах и продовольствии и отрезанных от своих баз снабжения и резервов, было затруднительно, то положение австрийцев было гораздо более серьезным. В бой были брошены последние резервы—34-я австро-венгерская дивизия на Серналью и 44-я спешенная кавалерийская дивизия для обороны фронта к югу от Витторио Венето; но 2 батальона 34-й дивизии восстали, а 2 полка 44-й дивизии рассеялись и вопреки приказу повернули на восток. Артиллерия противника еще не была заражена этим духом неповиновения и продолжала вести сильный огонь по переправам через реку. 28 октября были произведены попытки восстановить разрушенные мосты у Молинетто ди Педеробба, против Видор, два моста у Мориаго и два у Нервеза. На участке 12-й армии также был построен мост, по которому удалось перебросить на тот берег французский 108-й полк и альпийский батальон Стельвио, а также продовольствие и огнеприпасы, и перевезти на правый берег раненых. Однако, через короткое время мост снова был разрушен огнем противника. К полуночи был готов еще один мост, и 60-я дивизия и батальон бригады Мессина успели переправиться по нему до того, как он также был разрушен. Во время этой переправы понтонеры 4-й понтонной роты, которые мужественно работали над его наводкой, были почти все убиты на месте одним 305-*мм* снарядом в то время, как они собирались восстановить мост. У Нервеза ничего сделать не удалось, и все офицеры и две трети рядовых 4 понтонных рот были выведены из строя во время работ по восстановлению мостов на этом участке. К утру сообщение между обоими берегами снова прервалось, и на тот берег удалось доставить лишь небольшое количество продовольствия и огнеприпасов, сбрасывая их с самолетов, да храбрые «кайманы» продолжали нести вплавь службу связи. Были установлены также гелиографы, а позднее с невероятным трудом под водой было протянуто два телефонных кабеля. И все же, несмотря на опасное изолированное положение, бойцы на восточном берегу инстинктивно чувствовали, что

сопротивление противника, значительно превосходящего их численностью, начинает ослабевать и что его моральное состояние падает, хотя они еще ничего не знали о мятежном поведении некоторых австро-венгерских частей.

Теперь генерал Кавилья задумал один из тех мастерских ходов, которые так часто решают исход сражений. Видя невероятную трудность наводки мостов на фронте его 8-й армии, он решил перебросить часть своих сил на тот берег реки по мостам 10-й армии, учитывая, что 10-я армия, хотя ей и удалось создать сильный тет-де-пон в районе Граве ди Пападополи, была недостаточно сильна, чтобы в полной мере использовать выгоды своего положения и преодолеть сопротивление австрийцев, сильно укрепившихся на высотах Сан Сальваторе. Поэтому он временно передал 18-й корпус из 8-й армии в 10-ю, приказал ему переправиться на тот берег по мостам 10-й армии у Граве и затем повернуть влево на Сузегана и Конельяно, с целью облегчить положение частей 8-й и 12-й армий, уже переправившихся через реку выше по течению, и проложить путь для наступления от Нервеза. Вечером 27 октября 18-й корпус начал переправляться по мостам 10-й армии, а утром 28 октября началась наводка еще одного моста у Палаццон, к северо-западу от Граве, где река имеет ширину 800 *м* и разделяется на восемь или девять рукавов. К полудню этот мост был готов, и 23-й полк (бригада Комо) беглым шагом перешел по нему и бросился в бой, который уже вели части, переправившиеся по другим мостам. Бригады Бизаньо и Сассари переправились непосредственно за 23-м полком и присоединились к его атаке. Вся эта операция представляла собой блестящий пример тесного и искреннего сотрудничества между британскими и итальянскими войсками.

На Граппа бои возобновились, и противник продолжал свои контратаки, но его попытки у Вальдероа были несколько раз отражены, и части 8-й и 12-й армий, находившиеся на левом берегу Пьяве, продолжали атаку, чтобы расширить захваченный плацдарм. Очень важной неприятельской позицией близ Вальдоббьядене была усеянная пулеметными гнездами высота Монтаньола, которую альпийская группа, усиленная батальоном Стельвио, теперь решила взять. Атака, предпринятая батальоном Верона и одной ротой батальона Стельвио, была сперва задержана убийственным огнем противника, но капитан Тонолини, пожилой гражданский инженер, вступивший добровольцем в альпийскую бригаду, во главе двух взводов своей роты прорвался через наиболее угрожаемый участок и атаковал противника во фланг с такой силой, что часть оборонявшихся была захвачена в плен, а остальные обращены в бегство. Батальону Верона удалось овладеть Монтаньола. В этот же день французские 107-й и 108-й полки захватили гору Пианар и гору Перло, альпийская бригада Бассано вышла на Коль ди Рок, и вся альпийская группа вскоре подошла совсем близко к самому Вальдоббьядене.

В районе Серналья австрийцы, не проявившие еще никаких признаков разложения, начали сильно наседать на 22-й корпус, и к ночи на 28 октября итальянцы ожидали сильной контратаки, так что командиры некоторых соединений корпуса предложили несколько отойти, чтобы сократить занятое пространство. Но генерал Ваккари, учтя, что

такой отход был бы грубой ошибкой как в психологическом отношении, так и с тактической точки зрения, отклонил это предложение и отдал приказ об удержании всех захваченных позиций. Несмотря на трудности связи и сообщений, части, находившиеся на левом берегу реки, чувствовали мощную поддержку тяжелой артиллерии, стрелявшей через реку из района Монтелло.

Теперь противник оказался уже не в состоянии обороняться, и в 8 часов 30 минут 28 октября командование 6-й австро-венгерской армии отдало приказ об общем отходе. Штаб армии переехал из Витторио Венето, где он больше не мог считать себя в безопасности, в Порденоне, а командующий армией князь Шенбург-Гартенштейн сдал командование командиру 24-го корпуса генералу Гадфи, а сам уехал в Вену.

Теперь была произведена еще одна попытка переправить на левый берег 8-ю армию, для чего были восстановлены все ее мосты. Нужно было перебросить через реку возможно большие силы и бросить их в наступление, чтобы достичь указанных целей.

Только что Кавалья отдал об этом приказ, как к нему явился офицер и доложил, что он видел части бригад Бизаньо и Комо повыше Ка деи Пескатори, а другое донесение гласило, что вода в реке, наконец, спадает, дождь прекратился и засияло яркое солнце.

К полудню 18-й корпус, теперь, как мы уже видели, под командованием генерала Кевен, окончательно преодолел сопротивление противника, пересек железную дорогу у Сузегана против Понти делла Приула и таким образом расчистил путь для наступления 8-го корпуса. К этому времени 10-я армия вышла на линию Ронкаделле, Ормелле, Темпио-Раи, Ка Миланезе, Санта Лючия, Понти делла Приула и быстро продвигалась к потоку Монтикано. Граф Кевен в специальном приказе отметил блестящий порыв, с которым бригады Комо и Бизаньо атаковали и захватили у противника 3 000 пленных, 7 орудий и 150 пулеметов.

Австро-венгерская сводка от 29 октября сообщала, что итальянские атаки на Пьяве ни в одном пункте не привели к прорыву фронта, но добавляла, что «вечером было решено отойти с наиболее сильно атакованных участков на тыловой рубеж; этот отход был выполнен в течение ночи».

В ночь на 29 октября батареи противника, стоявшие на высотах выше Сузегана, одна за другой прекратили огонь. Это уже было началом конца. Генерал Бороевич, который хорошо знал, какие части охвачены мятежом, а на какие еще можно положиться, обратился к последним с настойчивым призывом держаться до последней возможности. Но к полуночи все мосты 8-й армии были восстановлены, и больше не обстреливаемая противником пехота в сопровождении нескольких батарей устремилась непрерывным потоком через реку; к рассвету 29 октября все три предмостных плацдарма были прочно соединены в одну систему. Девять армейских корпусов развернулись между Педеробба и Стабилуццо по дуге на глубину от 3 до 9 *км*, и наступление продолжалось.

8-я армия продвигалась на Витторию; на ее левом фланге в направлении на Миане наступала бригада Кампанья; в центре в направлении

на Фолина и Солиго наступала 66-я дивизия; 22-й корпус наступал на Вальмарино и на Витторио, а 8-й корпус, на правом фланге, достиг уже Колле делла Тромбола и Монте Куккo, захватил оставшиеся в этом районе батареи противника и овладел Сузегана. Восточнее, к югу от Конельяно, австрийские 43-я и 26-я спешенная кавалерийская дивизии, стоявшие до сих пор в резерве, пытались было перейти в контратаку на фронте 10-й армии, но были легко отбиты частями итальянского 18-го и британского 14-го корпусов, а бригады Сассари и Бизаньо, несмотря на сопротивление противника, заняли Конельяно. После этого британская конница захватила мост через Монтикано между Ваццола и Чиметта, который австрийцы тщетно пытались взорвать.

12-я армия также переправилась через Пьяве у Сеттоло Альто, и пока французский 78-й полк овладевал Сегусина, где он захватил 1 000 пленных и 18 орудий, альпийцы наступали в районе Чезен, овладевая одной высотой за другой и везде преодолевая сопротивление, пока не окружили последние силы противника в лощинах этих высот. 1-й корпус; наступавший по правому берегу вдоль по течению Пьяве, достиг Кверо.

На Граппа ожесточенные бои продолжались весь день 29 октября, так как здесь австрийцы еще упорно держались. Вся тяжесть боев легла на части 9-го корпуса и несколько ударных отрядов, и некоторым из них удалось достичь вершины Азолоне, но, будучи атакованы превосходными силами противника, они вынуждены были отойти. 9-й ударный отряд, действовавший на Коль делла Берретта и превратившийся теперь в горсточку бойцов, был также яростно атакован превосходными силами австрийцев, но держался до тех пор, пока не оказался полностью изолированным от прочих частей и не вынужден был также отойти назад. Но и противник понес огромные потери — один 26-й корпус потерял 40% своего состава. В полдень 29 октября командование Беллунской группой отдало приказ об общем отходе, но приказ этот не выполнялся до ночи на 31 октября, и обороняющиеся были полны решимости держаться до конца. Их оборонительное расположение не было полностью прорвано, но моральное состояние войск падало. Итальянская армия на Граппе блестяще выполнила свою задачу, приковав к себе лучшие части австро-венгерской армии, не позволяя ей перебрасывать подкрепления на Пьяве и даже привлекая на себя последние австрийские резервы.

К утру 29 октября 12-я армия проникла далеко в расположение противника на обоих берегах Пьяве и приближалась к Кверо, которого один из ее корпусов, как мы видели, уже достиг. 50-я австро-венгерская дивизия была теперь вытеснена из Алано, 31-я дивизия, оборонявшая Вальдоббьядене, была почти целиком уничтожена, а 20-я гонведная дивизия отходила вдоль высот Чезен, ведя арьергардные бои.

Далее к востоку 8-я армия продолжала наступление: ее 60-я дивизия была непосредственно южнее Рефронтоло, где весь день шел бой, а ее 58-я дивизия вместе с подвижным отрядом флорентинских улан, берсальерами-самокатчиками и пулеметными отделениями на грузовиках приближались к Витторио Венето. 10-я армия достигла Конельяно и переправилась через поток Монтикано.

Совместные операции 8-й и 10-й армий привели к желанному результату—расщеплению 6-й австрийской армии, 2-й корпус которой отходил на Коль Визентин (к востоку от Беллуно), а 24-й корпус—на Тальяменто. Теперь генерал Бороевич сообщил главному командованию, что «следует считаться с той возможностью, что придется очистить Венето под давлением противника», а в ночь на 29 октября донес императору, что положение на фронте «безнадежно». В полдень 29 октября командование 6-й армии отдало приказ об общем отходе всех сил армии на третий рубеж высоты северо-восточнее Витторио, Канева, Сачиле и р. Ливенца, а позднее, вечером, главное командование объявило о своем решении «последовательно планомерно очистить Венето, чтобы показать свою готовность заключить мир». Как мы увидим, к этому времени мирные предложения были уже сделаны.

К утру 30 октября в Витторио вступила итальянская конница и самокатчики, а непосредственно за ними бригада Тевере и 58-я дивизия. Австрийская 34-я дивизия была вытеснена, и итальянцы поднялись на высоты, отделяющие равнину от котловины Беллуно. Юго-восточнее наступающая пехота пропустила через свой боевой порядок всю конницу (16 полков), сопровождаемую 3 батальонами берсальеров-самокатчиков, 4 батареями конной артиллерии и двумя группами бронеавтомобилей, которые перешли через Ливенцу, чтобы начать преследование противника, отступавшего теперь всеми своими силами.

Правый фланг 8-й армии и левый фланг и центр 10-й армии встречали в отдельных местах все еще упорное, но разрозненное сопротивление; у местечка Чиметта очень отличилась британская 7-я дивизия. В этот же вечер части достигли Сачиле на р. Ливенца и после ожесточенного уличного боя овладели им. Ниже по течению теперь была двинута вперед 3-я армия; в 4 часа утра открыла огонь ее артиллерия, а в 6 часов 53-я, 25-я и 54-я дивизии, 3 ударных отряда, полк морской пехоты Сан Марко и полк легкой конницы Аквиля переправились через Пьяве между Салгаредо и Реведоли. На этом участке противник оказывал еще упорное сопротивление, и до самого полдня итальянцам удалось захватить только три пункта на левом берегу реки. Но к 13 часам 11-й ударный отряд и 6-я берсальерская бригада атаковали Понте ди Пьяве, а вслед за ними вступила в бой вся 23-я дивизия, имея в голове кавалерийский полк Аквиля. Эти части образовали авангард 3-й армии, которая наступала теперь через Венецианскую равнину. 70-я гонведная дивизия была сбита со своих позиций на берегу реки, а южнее австрийский 22-й корпус получил приказ отойти под прикрытием сильного арьергарда; но на следующий день все эти прикрывающие части были захвачены в плен, не оказав особого сопротивления.

12-я армия быстро продвигалась на север вверх по течению Пьяве; к вечеру альпийские части заняли Чезен, 24-я дивизия (итальянского 1-го корпуса) прошла теснины у Кверо, 17-я дивизия пришла в Узон, а французская 23-я дивизия прошла Сегузино. 27-й, 22-й и 8-й корпуса 8-й армии заняли обширный район на высотах над Витторио и вступили в бой с арьергардами противника на перевале Сан Больдо и в ущелье Серравалле.

Австро-венгерские армии оказались в очень затруднительном положении, а австрийское командование было приведено в замешательство и смущение. Беллунская группа все еще держалась на Граппа, хотя большинство позиций она уже потеряла; 5-я (Изонцская) армия, оказав сопротивление итальянской 3-й армии, переправлявшейся через реку Пьяве, начала в полном порядке отходить, но 6-я армия пришла в полное расстройство. Хотя главное командование понимало, что на победы больше нет ни малейших шансов, но оно надеялось на то, что еще удастся в порядке отойти и сдержать наступление итальянцев, оказывая им сопротивление на последовательных рубежах —сначала на линии Визентин, Сачиле, Ливенца, а затем на линии Кортина, Авиано, Леонардо, Виварo, Арцена; из остатков различных соединений предполагалось сформировать новые группы. Но в тот же день командование 6-й армией получило сообщение из Вены о том, что различные национальные советы стремятся установить в стране республиканские правительства и по этому вопросу запрашивается мнение армии, в особенности австрийских немецких частей «без давления со стороны офицеров». Это сообщение окончательно убедило армию, что австро-венгерская монархия рухнула, и это решило полное разложение группы Бороевича.

Захват Чезенских высот альпийскими стрелками привел к расщеплению 6-й австро-венгерской армии на две части, а наступление итальянской 12-й армии по естественной линии отхода группы противника на Граппа и 24-часовая задержка начала этого отхода решили судьбу всей австро-венгерской армии. Джардино отдал приказ о переходе в общее наступление всей 4-й армии; на рассвете 31 октября 3 его корпуса начали движение вперед всей своей массой и захватили грозные позиции, на которых прежде велись такие ожесточенные бои. Последнее сопротивление австрийцев к югу от Коль Каприле и к северо-востоку от Пертина было сломлено, и фронт противника был теперь прорван во многих пунктах. Вскоре были заняты Коль Каприле, Коль делла Берретта, Азолоне, Прассолан, Спинончиа, Солароли и Монте Цок, причем противник оказывал в отдельных пунктах неорганизованное сопротивление и даже пытался иногда переходить в контратаку, как это было у Прассолан. Но ничто не могло уже сдержать надвигавшейся лавины, и к 17 часам альпийские батальоны Экзиллез и Пьяве ди Кадоре были уже в Фельтре, где гражданское население помогло итальянцам разгромить последних австрийцев, засевших в городских зданиях. Масса пленных, захваченных в этих боях, была под охраной горсточки конвойных отправлена в тыл, в концентрационные лагери.

57-я дивизия (8-й армии) встретила упорное сопротивление на перевале Сан Больдо, но она скоро сломила его и устремилась вперед так быстро, что ее авангард захватил в плен целый неприятельский батальон, стоявший на привале. Эта дивизия вышла на Пьяве на участке между Лентиаи и Трикиана. 48-я дивизия этой же армии также преодолела упорное сопротивление на перевале Фадальто и в лесу Кансильо, в то время как 2-я дивизия наступала на Понте нелле Альпи на Пьяве.

В 15 часов 2-я кавалерийская бригада (уланские полки Генуэзский и Новара) * достигла Фиаскетто, где атаковала в конном строю противника, пытавшегося в этот момент взорвать мост через Ливенцу, и в самый последний момент помешала ему сделать это, затем переправилась через реку и преследовала другие части противника в направлении на Порденоне. Главные силы 10-й армии генерала Кевен достигли Ливенцы и заняли оба берега между Сачиле и Мотта, в то время как 3-я армия развернулась вдоль этой реки от Мотта до моря, выдвинув вперед свой авангард.

Путь отступления австрийской 6-й армии был перерезан итальянцами у Витторио, и австрийцы могли лишь попытаться отойти на Канал дель Ферро, но в этом же направлении устремилась итальянская 1-я кавалерийская дивизия. Путь отступления Беллунской группы также оказался отрезанным у Чисмон и у Лентиаи на Пьяве. Противник начал теперь отходить и с плато Лавароне, взрывая или поджигая свои склады, но его по пятам преследовала итальянская 6-я армия, которая к вечеру 31 октября после ряда незначительных стычек с австрийскими арьергардами вышла на фронт Канове, Фортино, Стелла, Чима Тре Пецци, Мелагетто.

В ночь на 1 ноября два итальянских морских офицера Раффаэле Россетти и Раффаэле Паолуччи проникли на крошечном торпедном катере в порт Триест и потопили австрийский линейный корабль *«Вирибус Унитис»*. Вопреки всем законам международного права, австро-венгерский флот был только что передан австро-венгерским правительством организовавшемуся в Загребе югославскому национальному совету, что вызвало ожесточенные споры между итальянским правительством и сербами, тогда находившимися под полным покровительством Франции.

Теперь все итальянские армии продвигались вперед, а австрийские все быстрее превращались в недисциплинированный сброд; однако, несколько австрийских частей все еще сохранило некоторую боеспособность. 13-й корпус, в составе итальянской 14-й и французской 24-й дивизий, имея впереди себя два ударных отряда и бригаду Лечче, 1 ноября вышел на плато Азьяго, а бригада Мурдже, преодолев последнее неприятельское сопротивление в этом районе, захватила так долго оспаривавшийся выступ Мелетте, взяла 3 000 пленных и всю оборонявшую этот выступ артиллерию. Предыдущей ночью 70-й пех. полк при помощи канатов взобрался из долины Бренты на крутую гору Монте Спиц и на Коль Киор и захватил 35 орудий, которые немедленно повернул против отступающего противника. Ближе к левому флангу 6-й армии 12-й корпус встретил более энергичное сопротивление; правому флангу 48-й британской дивизии удалось подняться на гору Монте Кац, но левый фланг этой дивизии и итальянская 20-я дивизия были на некоторое время задержаны и не смогли выйти из долины Валь д'Асса. Тогда командир 48-й дивизии решил попытаться обойти позиции противника путем атаки Монте Москиаг, пока 20-я дивизия

---

* Полки, которые так отличились после Капоретто, особенно у Поццуоло дель Фриули.

будет продолжать свои попытки подняться из долины Валь д'Асса. К рассвету 2 ноября 48-я дивизия была уже на Монте Москиаг и Монте Интерротто, а 20-я дивизия также значительно продвинулась вперед. Когда были разрушены оборонительные сооружения у Кампо-ровере, 20-й корпус (также 6-й армии) получил возможность быстро двинуться вперед.

4-я армия, спустившись с Граппа и заняв котловину Фельтре, поднялась по долине Вальсугана к Примолано и Теще, а одна из ее дивизий у Гриньо отрезала австрийцам пути отхода с Альтипиани. Кавалерийский полк Падуа по тропинкам спустился с Граппа, и один из его эскадронов, пройдя в 24 часа 90 *км*, достиг Пьяве выше Фельтре. Части 8-й армии, которые достигли Пьяве еще выше по течению, после четырех боев, к 23 часам 1 ноября вышли к Беллуно, а 2-я ударная дивизия, прорвавшись через расположение противника, сосредоточившегося возле Понте нелле Альпи, бросилась на Лонгароне и Пьяве ди Кадоре. Эти передвижения привели к выходу на пути отхода с Пьяве крупных сил противника, которые вследствие этого повернули назад и начали быстро уходить, пытаясь ускользнуть вверх по течению р. Кордеволе (приток Пьяве), но здесь они встретили ожидавшую их бригаду Реджио, которая захватила много пленных и орудий.

1 ноября австро-венгерское главное командование издало свою последнюю сводку: «Эвакуация Венето продолжается».

Итальянская 1-я армия, действовавшая между озером Гарда и Альтипиани, до 2 ноября не начинала наступления, а теперь выделила авангард в составе 32-й дивизии, 4-й альпийской группы, 20-й ударной группы и 3 эскадронов кавалерийского полка Алессандрич; авангарду был отдан приказ подняться по долине Адидже в направлении на Триент. В ночь на 2 ноября бригада 10-го корпуса без особых трудностей преодолела последнее сопротивление противника в долине Валь д'Астико, к вечеру один эскадрон полка Алессандрия шел на рысях по дороге на Триент, а к 21 часу отряд, состоявший из альпийских стрелков и конной артиллерии, вступил в Роверето, где захватил в плен весь 36-й стрелковый полк; 2 ноября в 3 часа утра этот отряд был в Калльяно.

5-й корпус наступал в районе Коль Санто, и пока эту знаменитую гору занимала бригада Пичено, бригада Лигурия была временно задержана у укреплений Поццаккио. Район Альтипиани был почти весь в итальянских руках, и с наступлением темноты пути отхода противника с плато Фольгария и из Валь Терраньоло были отрезаны, и таким образом были также отрезаны сообщения неприятельских сил между Адидже и долиной Астико. В бассейне реки Фонцано несколько австрийских частей пыталось остановить наступление 4-й армии, но бригада Масса—Каррара в тот же день рассеяла их, и к вечеру авангард армии уже был в Оспедалетто и Чима ди Кампо.

Кавалерийский корпус несся вперед по равнине с возможной быстротой. 1-я дивизия была нацелена на участок Ампеццо-Тольмеццо с таким расчетом, чтобы отрезать части, отходящие с перевала Маурия (к западу от верховьев Пьяве). Кавалерийский полк Салуццо (3-й дивизии) имел недалеко от Пинцано стычку, в которой он захватил 300 пленных и батарею; в то же время уланские полки Савойя и Мон-

тебеллю конной атакой овладели Спилимберго и также захватили большие трофеи.

На крайнем западном участке 7-я армия, в которой осталось всего 2 корпуса (15-й и 29-й), начала свое наступление 2 ноября и вначале встретила подготовившиеся к обороне неприятельские части, но утром 3 ноября бригаде Павиа, поддержанной канонерскими лодками с озера Гарда, удалось овладеть Монте Пари, самым главным естественным бастионом в этом районе, а несколько альпийских частей опустилось с высоких перевалов в долину верхнего Адидже и отрезало австрийцам все пути отхода на западных участках.

Итальянские колонны стремительно продвигались вперед вверх по долине Валь Латарина и обоим берегам Адидже, и когда кавалерийский полк Алессандрия догнал альпийскую часть возле Кальяно, последняя передала кавалеристам трехцветный флаг, который командир 32-й дивизии вручил ей, чтобы водрузить его на замке в Триенте. Теперь между алессандрийскими кавалеристами и альпийскими стрелками на грузовиках началось соревнование в том, какая из этих двух частей первой войдет в Триент. Бригада Вольтурно также спешила к этой цели усиленными маршами, но победителями в этом соревновании оказались алессандрийцы, и в 15 часов 15 минут первые кавалеристы вступили в город; почти непосредственно вслед за ними в город вошли стрелки 29-го ударного отряда.

Триент был переполнен австрийскими частями, находившимися в состоянии полного хаоса и дравшимися за места в поездах, отходящих на север. Как только итальянцы вошли в город, они немедленно заняли железнодорожную станцию, отрезали дороги, идущие из города, и захватили массу австрийцев, которые тысячами сдавались в плен без малейшей попытки к сопротивлению.

В то же утро 7-я и 6-я армии продолжали свое наступление, и британская 48-я дивизия, довольно легко преодолев последнее сопротивление австрийцев у Веццена и Бассон, захватила в плен 14 батальонов вместе со штабами 1 корпуса и 3 дивизий и начала продвигаться дальше на Кальдонаццо между толпами теперь уже дезорганизованных австрийцев. Командир 12-го итальянского корпуса, продвигаясь вперед со своим штабом, сел на грузовик и помчался вверх по долине Вальсугана, приказывая каждой встречаемой им по пути группе противника сдаваться. К полудню он был у Кальдонаццо, где заставил целый полк противника сложить оружие.

На равнине движение конницы проходило еще быстрее; 3 ноября в 13 часов 30 минут кавалерийский полк Аквиля был у Латизана на реке Тальяменто, а Савойский кавалерийский полк был в тот же день у Удине.

В течение этих дней продолжались сложные мирные переговоры, которые были закончены 3 ноября; боевые действия должны были прекратиться в 15 часов 4 ноября.

К часу начала перемирия 7-я армия захватила 75 000 пленных и 650 орудий; 1-я армия, дошедшая до Меццакорона, Сан Микеле и Чембра, взяла 100 000 пленных и 1 000 орудий; 6-я армия— 115 000 пленных; 4-я армия у Фьера ди Примьеро—30 000 пленных; 12-я армия

в верхней части долины Кордеволе—7 000 пленных и 422 орудия; 8-я армия — 20 000 пленных и несколько сот орудий; 10-я армия, успевшая перейти через Тальяменто и дошедшая до Бассальяпента, Меретто ди То́мба, Сан Даниеле дель Фриули и Пинцано, взяла 40 000 пленных и 240 орудий.

4 ноября 4-я кавалерийская дивизия была у Понтебба (на старой австро-итальянской границе), а колонна грузовиков в 9 часов утра встретила сопротивление у Прочениккo на потоке Стелла, а позднее возле Сан Джорджо ди Ногаро.

На крайнем правом фланге 3-й армии полк морской пехоты Сан Марко закончил свое быстрое продвижение блестящей небольшой атакой. 3 ноября 2 канонерские лодки поднялись по Тальяменто, захватили австрийскую батарею и открыли ворота шлюза, чтобы можно было проходить по каналам до Градо. Отряду, состоявшему из батальона Бафиле и небольшого числа ударников под командой капитана-лейтенанта Боргезе, удалось перейти через запутанную систему каналов, пока на мосту у Муццанелла он внезапно не встретил 10 000 австрийцев; и пока австрийский командир за железной дорогой приводил в порядок своих бойцов, готовясь к атаке противника, лейтенант Инсом во главе небольшого ударного отряда перерезал сообщение по дороге Муццана—Сан Джорджо ди Ногаро; будучи атакован превосходными силами противника, он со своими бойцами продержался всю ночь в одном доме. К рассвету 4 ноября бойцы израсходовали все свои патроны, дом был изрешетен пулями, и в 8 часов утра оставшимся в живых пришлось сдаться. Но их длительное сопротивление дало 54-й дивизии время достичь дороги Муццана—Сан Джорджо и захватить в плен всю дивизию противника, освободив при этом самого Инсома и его небольшой отважный отряд.

1-я кавалерийская дивизия, после марша в течение всей ночи, к 14 часам, почти без продовольствия и фуража, достигла Тольмеццо и Стационе пер ла Карния, захватив 6 000 пленных. Ее правая колонна атаковала и рассеяла охранение большой обозной колонны на дороге Озоппо—Венцон, а ее отряд бронеавтомобилей в 15 часов достиг Понтебба. К тому же времени ее передовые разъезды были уже в печальной памяти Капоретто. 4-я кавалерийская дивизия после ряда стычек достигла линии Люминьякко—Тиссано. 2-я дивизия также имела в различных пунктах бои с арьергардами противника и вышла на линию Фауглис—Градо.

В 16 часов генерал Диац выпустил свое сообщение о перемирии:

«На основе соглашения о перемирии, достигнутого между верховным командованием итальянской армии от имени всех союзных держав и Соединенных штатов Америки—с одной стороны, и полномочными представителями австро-венгерского главного командования—с другой стороны, сегодня в 15 часов прекращены все военные действия на суше, на море и в воздухе, на всех фронтах Австро-Венгрии».

3 ноября, почти в тот же час, когда был занят Триент, итальянский экспедиционный отряд, состоявший из 2-го и 11-го берсальерских полков и других частей, погрузившийся в Венеции на самые различные, оказавшиеся под рукой пловучие средства, включая малые лагунные

пароходики, под общей командой генерала Петитти ди Popepo высадился в Триесте.

Таким образом, австро-венгерская армия была полностью уничтожена.

Не успело еще закончиться сражение у Витторио Венето, как по поводу него уже началась полемика; с тех пор она не прекращается.

Немало военных писателей, в особенности во Франции, старается преуменьшить значение этого сражения и доказать, что его результаты никоим образом не были решающими, в то время как другие авторы почти отрицают его влияние на общий ход войны. Даже маршал Фош в своих мемуарах говорит о развале австро-венгерцев так, как будто он произошел сам собой, без особых причин. Генерал Манжен в своем прекрасном в других отношениях труде «Как закончилась война» подводит итог поражению Австрии следующей фразой: «После Болгарии и Турции в свою очередь развалилась и Австрия». Профессор Collége de France Луи Леже в своей «Истории Австро-Венгрии» пишет, что «24 октября союзники начали наступление, австрийская армия разложилась, и итальянцы без единого выстрела заняли Триент и Триест!». Клемансо в своих мемуарах утверждает, что «к окончанию войны привели события в Германии». Уикгем Стид утверждает, что сражение явилось просто следствием первоначального успеха, достигнутого англичанами, после чего «итальянский генеральный штаб немедленно отдал приказ о переходе в общее наступление, которое привело к быстрому продвижению вперед и закончилось 29 октября полным разложением австро-венгерской армии у Витторио Венето». Изложенные в настоящей главе факты показывают, насколько все эти утверждения искажают истину.

Другие авторы, включая и некоторых сотрудников издания «Архивы великой войны», издаваемого под редакцией Раймонда Пуанкаре, утверждают, что Италия, чтобы извлечь пользу из общей победы, решила бросить свои войска против австро-венгерской армии, «находившейся уже в состоянии разложения». Выше мы видели, что австрийская армия была разбита лишь после многодневных ожесточенных боев. Были отдельные случаи восстаний на участке Граппа, но именно там бои носили самый ожесточенный характер, о чем свидетельствуют данные о потерях.

Австрийцы, подобно германцам, уже больше не надеялись на достижение победы, но как те, так и другие предполагали, что им удастся в порядке отойти на вторую оборонительную линию, задержать на ней наступающих противников и таким образом обеспечить себе более благоприятные условия мира. Именно наступление итальянцев и помешало австрийцам сделать это.

Итальянское верховное командование никогда не теряло из виду весьма важной возможности, которая могла представиться благодаря наступающей победе, и еще 30 октября генерал Диац, телеграфируя в Париж, настаивал на том, чтобы в договор о перемирии, который будет составляться верховным военным советом, был включен пункт, предусматривающий право использования австрийских железных и грунтовых дорог и свободного прохода войск через австрийскую тер-

риторию. Такой пункт и был действительно включен, а 2 и 3 ноября Верховный военный совет уже изучал план перегруппировки союзных войск на австрийской территории для действий против Германии. 4 ноября Диац телеграфировал бывшему тогда в Париже итальянскому премьер-министру Орландо следующее: «Оперативные планы, предусматривающие продолжение военных операций против Германии, путем массового наступления с итальянского театра в северном направлении, уже несколько времени тому назад были самостоятельно подготовлены по инициативе этого командования... Если Германия не примет условий перемирия, которые будут продиктованы ей союзниками, итальянская армия выступит и заставит ее сдаться».

Однако, для Германии сопротивление было уже невозможно.

Что сражение у Витторио Венето было серьезным и действительно отчаянным, особенно на Граппе, я думаю, мне это удалось доказать на предыдущих страницах. Число павших в этих боях подтверждает это. За 10 дней борьбы было всего убито 37 819 человек; большинство из них приходится на 4-ю, или Граппскую, армию (24 507), а остальные распределяются между всеми другими армиями.

Как только австро-венгерское правительство увидело, что для центральных держав победа уже невозможна, оно начало обсуждать необходимость перемирия и лучшие способы для его достижения.

Почти до полудня 28 октября (начало общего отхода от Пьяве) главное командование полагало, что войска смогут продержаться несколько дней и что последовательная эвакуация Венецианской области будет достаточной для достижения перемирия. Но внутреннее положение все ухудшалось, и даже в армии все чаще стали появляться признаки разложения, и вечером 28 октября главное командование решило немедленно начать переговоры.

Итальянское верховное командование уже изучило вопрос о будущих границах Италии, но окончательная выработка соглашения о перемирии была предоставлена межсоюзному совету в Париже, и условия перемирия были получены оттуда 1 ноября.

Главные условия перемирия были следующие: австро-венгерские войска должны оставить всю территорию, предназначенную Италии союзниками при вступлении ее в войну; большая часть артиллерии и морской флот передаются Италии; все военнопленные, захваченные австрийцами, освобождаются без всякого взаимного обмена; Антанта получает право полностью использовать для военных целей все пути сообщения Австро-Венгрии и, в случае необходимости, оккупировать другие части территории для военных целей и поддержания порядка.

Австрийской делегации для принятия условий дан был кратчайший срок — до 24 часов 3 ноября. После тщетных попыток затянуть переговоры австрийцы в 18 часов 3 ноября подписали перемирие.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Размах военных усилий Италии может быть иллюстрирован несколькими цифрами. Италия, имевшая в момент вступления в войну 36 120 000 населения, мобилизовала всего 5 230 000 чел., что составляет 14,48%. Из союзных держав только Франция мобилизовала больший процент своего населения — 7 935 000 чел. из общего числа 39 500 000 жителей, т. е. 20,08%. Великобритания мобилизовала 5 704 000 из 46 300 000 жителей, или 12,31%. Кроме того, следует помнить, что война на итальянском фронте длилась на 10 месяцев меньше, чем на французском и британском фронтах. Если же принять в расчет еще и население колониальных владений и доминьонов различных государств Антанты, то процент мобилизованного населения в Италии будет значительно выше, чем во Франции и в Британской империи. Соединенные Штаты Америки, которые вступили в войну лишь в апреле 1917 г., мобилизовали только 3 500 000 чел., при населении в 105 000 000 чел., что составляет 3,34%.

Число убитых в бою бойцов итальянской армии составляет 680 000 чел., или 14% от числа всех мобилизованных, в то время как во французской армии было убито 16,15%, а британской — 11,05%. Само собой разумеется, что замечание относительно продолжительности войны относится полностью и к этим цифрам.

Расходы на войну были пропорционально гораздо больше в Италии, чем у других союзников. Из общей суммы национальных богатств, оценивавшихся в 400 миллиардов золотых франков, Италия израсходовала не меньше 110—120 миллиардов, в то время как Франция израсходовала 180 миллиардов из общего национального богатства в 1 350 миллиардов.

Потери Италии в торговом флоте были также пропорционально более высокими, чем у ее союзников. Имея на 1 августа 1914 г. общий тоннаж в 1 534 738 *т*, она потеряла 905 383 *т*, или 58,93%, в то время как Великобритания потеряла 42,63%, а Франция 39,44%. Неприятельский тоннаж, переданный союзным державам после войны, выражается в следующих цифрах: Италии передано 51 047 *т*, Англии — 1 971 741, Франции — 490 912, Бельгии — 110 056 и Греции — 48 252.

Колониальные владения, переданные различным державам в порядке компенсации, были распределены следующим образом:

Великобритания получила 2 620 000 *кв. км* с населением в 9 335 000 чел.;

Франция — 922 000 *кв. км* с населением в 4 325 000 чел.;

Бельгия — 54 000 *кв. км* с населением в 3 000 000 чел.;

Италия — 100 000 *кв. км* с населением в 90 000 чел.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

1. Речь идет о включении в состав Итальянского королевства ряда пограничных областей, в частности на северо-востоке Италии, населенных итальянскими народностями, но оставшимися после объединения Италии в XIX в. в составе Австро-Венгрии. Стремление к воссоединению этих областей с Италией (ирредентизм) и служило одной из главных причин взаимной вражды и ненависти Австрии и Италии.

2. Реннель Род — видный английский дипломат, почти 13 лет, с 1908 по 1921 г., был английским послом в Италии.

3. Уикгем Стид — известный консервативный публицист по вопросам внешней политики. Был одно время редактором газеты «Таймс». Во время мировой войны был руководителем английской пропагандистской миссии в Италии.

4. Книга Кемпбелла Стюарта «Тайны дома Крю» издана в русском переводе (ГИЗ, Отдел военной литературы, 1928).

5. Тройственным союзом назывался союз центральных держав: Германии, Австро-Венгрии и Италии. К этому союзу тяготела перед мировой войной и Румыния.

6. Венеция Джулия (Venezia Giulia) — так называется восточная часть Венецианской области (район Юлийских Альп).

7. В оригинале «to provoke Armageddon», т. е. вызвать ту всемирную битву народов, о которой говорится в библии.

8. Барон Фриц Гольштейн — видный германский дипломат, в период 1880—1906 гг. выполнял ряд важных дипломатических поручений и обязанностей.

9. Ландскнехт — это наемный профессиональный солдат. Впервые название ландскнехтов дал наемникам германский император Максимилиан, который, ведя борьбу с бургундскими князьями (1482—1486) и желая подчеркнуть, что он якобы ведет войну не для завоеваний, а для усмирения, назвал своих наемных солдат «ландскнехтами», что означает как бы жандарм или судебный пристав.

10. Готлиб фон-Ягов — крупный германский дипломат, в 1909—1912 гг. был германским послом в Италии, а в 1913—1915 гг., т. е. как раз во время возникновения и в первые 2 года мировой войны, — был германским министром иностранных дел.

11. Граф Леопольд Берхтольд — видный дипломат и крупный государственный деятель Австро-Венгрии, в 1912—1915 гг. был министром двора и министром иностранных дел Австро-Венгрии.

12. Граф Стефан Тисса — крупный государственный деятель Австро-Венгрии, в 1903—1905 и 1913—1917 гг. был одним из руководителей внешней по-

литики Австро-Венгрии, занимая пост венгерского премьер-министра. Тисса был большим сторонником целостности Австро-Венгрии и вел решительную борьбу против ее раздробления.

Задолго до начала мировой войны он уже ясно видел приближение распада Австро-Венгрии и до самой смерти боролся за сохранение целостности этой лоскутной империи.

13. Мерей фон-Капосмер, по другим источникам Мерей Каэтан или просто Мерей, — австро-венгерский дипломатический деятель. С 1910 по 1915 г. был австро-венгерским послом в Италии. Его деятельность и поведение отражали настроения начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада фон-Гетцендорф (превентивная война) и всей династии Габсбургов в отношении Италии. Когда нужно было держать Италию под угрозой, Мерей был на месте, но когда понадобилось заискивать перед Италией, его спешно заменил более италофильски настроенный барон Маккио, который имел в Италии крупные личные и родственные связи.

14. «Несправедливыми границами» Италия считала свою границу с Австро-Венгрией на северо-востоке Италии. Эти границы были установлены в результате австро-итальянской войны 1866 г., когда Италия выступила против Австрии на стороне Пруссии. Итальянские войска, посланные для окупации Венецианской области, успели достичь только реки Изонцо и ручья Юдрио, когда между Пруссией и Австрией был заключен мир. Впоследствии здесь была установлена граница, дававшая Австро-Венгрии удобство вторжения в Италию. Эту границу Италия считала все время «несправедливой» и требовала ее пересмотра.

15. Конец XIX в. характеризуется чрезвычайной активностью европейских капиталистических держав в области колониальных завоеваний; в частности, объектом этой империалистической экспансии являлась Африка. Воспользовавшись тем, что соперница Франции, Англия—была занята войной с бурами (1899—1902), французы в 1899—1901 гг., после ряда жестоких сражений с туземными племенами, прочно внедрились в Марокко. Италия, устремившись также в Африку, в 1900 г. заключила с Францией договор, согласно которому Франции предоставлялась полная свобода действий в Марокко, а французы взамен этого обязались не препятствовать итальянцам распространить свое влияние на непокоренные еще области северной Африки. Этот договор, нанес значительный удар Тройственному союзу. Италия имела притязания на Ливию, хорошо связанную морскими путями с Аппенинским полуостровом. В 1911 г. Италия, после короткой войны с Турцией, приобрела значительную часть Ливии, или иначе — Триполитании, с крупным портом на Средиземном море — Триполи. Египетские племена еще долго восставали против итальянского владычества в Ливии, что вынуждало Италию иметь в Африке крупные гарнизоны и экспедиционные части.

16. В конце 1915 г. генерал фон-Рор командовал австр. армией в Каринтии.

17. Евгений Богарне—вице-король Италии, пасынок и соратник Наполеона I. В 1813—1814 гг. Богарне вел бои с австрийцами именно в тех районах, где в 1915—1918 гг. итальянцам снова пришлось сражаться с австрийцами.

18. Монте-Санто—Святая гора, Сан Габриеле—Святой Габриель и Сан-Даниеле — Святой Даниель.

19. К началу мировой войны итальянская армия имела на вооружении несколько типов орудий.

В полевой артиллерии были 75-*мм* пушки системы Круппа образца 1906 г., которыми Италия сменила свои прежние 70-*мм* бронзовые и 75-*мм* полускорострельные пушки с упругим сошником. Новые орудия, изготовленные из никкелевой стали системы Круппа, имели независимые прицельные линии, — 10° и + 16°. Дальность стрельбы гранатой—6 800 *м*, шрапнелью—6 000 *м*. Скорострельность — до 30 выстрелов в минуту. В батарее было 4 орудия и 12 зарядных ящиков. Боевой комплект — 300 выстрелов на орудие. В 1911 г. Италия имела 24 полка и 1 конный полк, вооружённые такими орудиями. Кроме этих пушек, в полевой артиллерии были ещё 105-*мм* легкие гаубицы, также системы Круппа, стрелявшие гранатами на 6 400 *м* имевшие боевой комплект — 264 выстрела на орудие.

Альпийские части были вооружены горными 70-*мм* пушками устарелого типа с откатывающимся лафетом и раздельным зарядом. Дальность стрельбы шрапнелью — 5 *км*, гранатой — 6,5 *км*. Лафет разбирался на две части для перевозки на вьюке. Такими орудиями были вооружены только один полк из 4 дивизионов (всего 12 батарей) и 1 отдельный Венецианский дивизион из 3 батарей. В каждой батарее было по 6 орудий.

До 1906 г. задачи тяжелой артиллерии в итальянской армии выполняли 149-*мм* осадные стальные пушки и 210-*мм* мортиры. Они были весьма неудобны, так как требовали сложных приспособлений для установок. 149-*мм* пушки стреляли всего на 6,5 *км* и были весьма несовершенны. Они были сделаны из никкелевой стали, и непонятно, почему автор называет их чугунными. Известно, что в 1906 г. Италия заказала у Круппа 112 гаубиц калибром 149 *мм* более совершенной конструкции. Нужно полагать, что к началу мировой войны эти гаубицы уже были итальянской армии поставлены.

В 1911—1912 гг. в итальянской армии было еще 380 орудий калибра от 90 до 240 *мм* и около 600 крепостных орудий тех же калибров.

20. Ландштурмистами называли особую категорию военнообязанных, призываемых в военное время, когда возникает чрезвычайная надобность в численном увеличении вооруженных сил. В Австро-Венгрии к ландштурмистам относились все граждане в возрасте от 19 до 40 лет (24 призывных возраста), способных носить оружие, но не состоящих на службе в армии. Ландштурм делился на 2 призыва: первый от 19 до 27 лет и второй — от 28 до 42 лет. Из обученных ландштурмистов первого призыва формировались ландштурменные батальоны (996 чел.), а из остальных — создавались местные и рабочие части. В составе австро-венгерской армии, сражавшейся против Италии, было всего несколько ландштурменных батальонов, в остальном это были более отборные, регулярные части.

21. Ландвером назывались резервные части в Германии и Австро-Венгрии, предназначенные для различной вспомогательной и тыловой службы вне поля боя. В ландверные части отбирались запасные старших возрастов. Однако, с началом мировой войны в Германии и Австро-Венгрии ландвер был преобразован, и из ландверистов начали формировать части первой линии, совершенно не отличающиеся от прочих кадровых частей армии.

22. Берсальеры—особый тип итальянской пехоты, отличительной чертой которого является искусство марша в трудных условиях, а следовательно, быстрота передвижения, и большое искусство в стрельбе (отсюда и название, происходящее от слова bersaglio — мишень). Перед войной в итальянской армии было всего 12 берсальерских полков из 4 батальонов, по 3 роты в каждом, причем в каждом полку один батальон был на самокатах. В берсальер-

ские части обычно направлялись красивые, физически здоровые и хорошо сложенные солдаты и офицеры. Поэтому берсальерские части в составе итальянской армии были наиболее боеспособными. В снаряжении, вооружении, обмундировании и несении службы между берсальерскими и прочими пехотными частями никакой разницы не было.

23. Калабрия расположена в самой южной части Аппенинского полуострова, между 40° и 38° южной широты, т. е. южнее нашего Закавказья, а остров Сицилия находится южнее 38° и примерно на одной широте с северным побережьем Африки — Алжиром и Тунисом.

24. Морские операции итальянского и австрийского флотов в Адриатике более подробно изложены в книге Х. Вильсона «Морские операции в мировой войне в 1914—1918 гг.», перевод с английского (Воениз 1935 г.).

25. В момент вступления в войну Италия имела всего 143 боевых самолета. К концу войны у нее на фронте и в тылу было всего 2 600 боевых и учебных самолетов. Таким образом, за время войны Италия увеличила свой воздушный флот в 20 раз.

26. Как здесь, так и в ряде других мест автор преуменьшает потери итальянских войск или, сохраняя примерную общую цифру потерь, сильно уменьшает количество убитых. Так, например, по другим источникам («Мировая война в цифрах», Институт мирового хозяйства и мировой политики, изд. Военгиза, 1934 г.), в мае—июне 1916 г. во время австрийского наступления и итальянского контрнаступления итальянцы потеряли 35 тысяч (а не 15 тысяч) убитыми, 75 тысяч ранеными и 58 тысяч пленными, всего 168 тысяч, у автора же все цифры совершенно другие, а общее количество потерь 147 тысяч.

27. Мы сознательно оставили в переводе это место, которое может показаться легендой. Здесь, видимо, имела место добровольная сдача в плен одной из национальных частей австро-венгерской армии, не желавшей сражаться против итальянцев. Многонациональная армия Австро-Венгрии имела немало таких частей на русском и на сербском фронтах.

28. Габриэль д'Аннунцио—известный итальянский поэт и писатель. Воспевал и поэтизировал экспансию Италии в Африку. Когда Италия вступила в мировую войну, д'Аннунцио вступил в армию, был летчиком, служил в пехоте, участвовал в очень рискованных воздушных и морских предприятиях и неустанно вел в армии пропаганду за войну. Сейчас д'Аннунцио, являясь личным другом Муссолини, воспевает фашизм и реакцию и является трубадуром итальянского империализма.

29. В книге Вл. Меликова «Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войн» (изд. Военной академии им. Фрунзе, 1935) имеется указание на то, что в 1917 г. Россия получила из Франции, Англии и Италии 1 800 тысяч винтовок (стр. 307). Несомненно, Италия отправляла в Россию, а также в Сербию и другие предметы вооружения, хотя в 1917 г. военная промышленность Италии была еще не такой, какая ей нужна для большой войны и какой она сделалась к 1918 г.

30. Здесь автор намекает на Октябрьскую революцию в России и на последовавшую вслед за ней демобилизацию русской армии. Эти события помогли австрийцам несколько оправиться и даже принять участие, совместно с германцами, в оккупации Украины. Автор, конечно, прав, что если бы

к концу 1917 г. русская армия была еще в таком состоянии, в каком она была в 1915—1916 гг., то возможно, что Австрия продолжать войну на два фронта была бы уже не в состоянии.

31. Одна итальянская лира в 1914 г. была равна 25 копейкам в довоенном исчислении.

32. По заслуживающим доверия источникам Италия наладила у себя производство орудий, снарядов полным ходом лишь к началу 1918 г. За 1917 г. вообще отсутствуют сведения о количестве производственного военного имущества. Но что его для ведения крупных операций было недостаточно, это не подлежит сомнению. Экспорт же в союзные страны был вызван не избытком оружия в Италии, а катастрофическим его недостатком в этих странах.

33. Об этой конференции можно подробно прочитать в «Военных мемуарах» Ллойд-Джорджа (Соцэкгиз, 1935 г.), том. III, гл. 37.

34. В русском переводе имеется книга этого автора под названием «Плутарх солгал» (изд. «Воен. вестник», 1926). В этой книге автор высмеивает военных историков, извращающих исторические факты и освещающих отдельные этапы мировой войны в неправильном свете.

Книга эта, «независимо от правильности того или другого частичного суждения, имеет научную ценность» (из предисловия Карла Радека). Такой же характер носит и не переведенная на русский язык книга того же автора «В главной квартире французской армии». Поэтому в отношении требований Кадорны на Римской конференции мы склонны больше верить Жану де-Пьерфе, чем Луиджи Виллари. Ллойд-Джордж тоже говорит, что Кадорна после Римской конференции требовал подкрепления итальянской армии 20-ю англо-французскими дивизиями.

35. Автор преувеличивает значение поражения русских под Горлицей 2 мая 1915 г., хотя это поражение и было достаточно сильным, однако, вывести Россию из строя германцам не удалось. После поражения Россия еще сражалась в течение 2 лет.

36. Речь идет об атаке 9 апреля 1917 г. 1-й и 3-й английских армий между Суше и Круази, 4-й английской армии 12 апреля к северу от Сен-Кантена, группы резервных французских армий между Реймсом и каналом Эн. Атаки англичан и французов продолжались до 20 мая. Был достигнут частичный тактический успех, но решительного поражения германцам нанесено не было. Пассивность Италии тут, конечно, ни при чем.

Причины неудач союзников в этих атаках заключаются в продолжительности подготовки операции, ставшей вследствие этого известной немцам, в политических трениях между правительствами и командующими в плохой погоде и в усилении обороноспособности германской армии к этому моменту.

37. Неудача французов в этих операциях, в связи с розовыми надеждами, которые французский народ и армия возлагали на весну 1917 г., вызвала упадок дисциплины в армии и падение общего духа в стране. Генерал Нивель был немедленно сменен Петеном. В 16 корпусах французской армии были открытые взрывы возмущения против войны. Но сравнивать состояние французской армии с Капоретто просто смешно. У французов было неудачное наступление, а у итальянцев при Капоретто было бегство с фронта при наступлении противника. Приняв суровые меры, Петен в течение лета восстановил в войсках дисциплину и боеспособность.

38. Мониторы—суда, вооруженные пушками, защищенные броней и предназначенные для борьбы с береговыми укреплениями и морскими крепостями. Мониторы имеют небольшую осадку и поэтому могут близко подходить к берегу. Скорость хода у мониторов небольшая.

По сведениям Х. Вильсона, еще в мае 1917 г. в верхнюю Адриатику было послано два британских монитора, вооруженных двумя 305-*мм* орудиями каждый, для поддержки правого фланга итальянских армий во время операций на Карсо. Эти мониторы, вместе с находившимися здесь итальянскими плавающими батареями, обстреливали с 18 по 24 августа прибрежные укрепления у Гермады.

39. Принц Сикст был братом австрийской императрицы, супруги нового австрийского императора Карла, и служил в бельгийской армии. Его-то Карл и выбрал своим посредником для переговоров с державами Антанты о сепаратном мире. 13 февраля 1917 г. Сикст приехал в Швейцарию, где встретился с представителем Карла.

Условия, предложенные Австрией, были таковы, что, по мнению принца Сикста, их не могли принять ни Италия, ни Германия; он согласился только передать французскому правительству письменный документ короля, который был ему передан 21 февраля министром иностранных дел Австро-Венгрии графом Черниным.

40. О положении с продовольствием в Германии в этот период—см. Е. Хмельницкая, «Военная экономика Германии (1914—1918)», ГИЗ, 1929, а также предисловие к книге Бозе «Катастрофа 8 августа 1918 г.» (Воениз, 1934).

41. Энцикликой называется обращение папы римского ко всем подчиненным ему церквам.

42. «Живут на Олимпе»—фигуральное выражение. Олимп—гора в Греции, высотой около 3 км над уровнем моря. По представлению древних греков на вечно окутанной облаками вершине Олимпа жили боги.

43. Лишнее доказательство того, как вредно задерживать долго в штабах офицерский состав, не пропуская его периодически через строевую службу. Периодическое чередование штабной и строевой службы перед мировой войной твердо выдерживалось лишь в Германии, зато германцы не могли жаловаться на плохую подготовку своих офицеров.

44. Это совершенно верно. Наступление это было предпринято германцами не с целью разгрома Италии, а «ради предупреждения паралича Австро-Венгрии». В то время Австро-Венгрия была в таком состоянии, что «ответственные военные и политические деятели Австро-Венгрии были убеждены, что ей не удастся вывести продолжение войны и 12-ю атаку на Изонцо» (Людендорф). Частный успех против Италии должен был влить хоть небольшую живительную струю в разваливающуюся Австро-Венгрию. Но результат удара превзошел все ожидания.

45. К концу войны туман сделался сильнейшим помощником наступающего, ибо на участок удара сосредоточивалась огромная масса артиллерии, что давало наступающему возможность вести артиллерийскую подготовку не обстрелом цели, а обстрелом площадей или применением огневого вала, в то время, как оборона из-за тумана оказывалась почти бессильною.

46. Австрийцы пытались было помешать помощи, которую оказывал итальянский флот правому флангу отходившей армии. Для этого к итальянским берегам были посланы австрийские корабли береговой обороны «Вена» и

«Будапешт» с легкими крейсерами, эскадренными миноносцами и самолетами. Однако, эти корабли не были подпущены к итальянским берегам и были отогнаны огнем береговой артиллерии и смелыми атаками итальянских моторных катеров.

47. Ллойд-Джордж рассказывает, что, когда он вместе с Пенлеве 4 ноября прибыл в Рапалло на совещание с представителями итальянского правительства, они встретили здесь Орландо и Соннино. Оба они несмотря на тяжесть катастрофы, выразили твердую решимость бороться до конца, а Орландо даже заявил, что Италия будет обороняться, если ей даже придется отступить в Сицилию.

48. Ллойд-Джордж заявляет, что он и Пенлеве категорически потребовали смены главного командования (том IV, стр. 381).

49. Потери в людях здесь явно преуменьшены.

50. Дож—высший сановник бывшей Венецианской республики. Дож являлся почти неограниченным правителем своей республики, был окружен блеском и богатством и жил в роскошном дворце.

51. Это произошло не 9 декабря, а в 1 ч. 50 м. ночи на 10-е декабря. Австрийские крейсера стояли на якоре. Проходы к месту якорной стоянки были прикрыты тросами. Риццо перерезал эти тросы, незаметно приблизился к якорной стоянке и выпустил 4 мины одновременно в «Вену» и в «Будапешт». «Вена» получила пробоину в середине судна и сразу же затонула. «Будапешт» не пострадал. Моторные катера благополучно возвратились в свой порт.

52. 24 июля 1866 г. во время австро-итальянской войны под Кустоццей Италия потерпела поражение, хотя разгрома не получилось и итальянским войскам удалось отойти к реке Минчио.

Во время той же войны 18—20 июля у острова Лисса в Адриатическом море, в 30 *км* от берега Далмации, произошло сражение между итальянским и австрийским флотами. Итальянцы понесли поражение, потеряли несколько кораблей и в беспорядке бежали в Анкону.

Адуа — это известное сражение во время абиссино-итальянской войны 1895—96 гг., в котором Италия понесла тяжелое поражение. Одних убитых в этом бою было до 10 тысяч человек.

53. Германцы отходили далеко не «в полном порядке»; было бегство с фронта без сопротивления. Лишь подвод свежих резервов дал германцам возможность оттянуть агонию фронта до ноября, т. е. до перемирия. Стремясь показать роль Италии в общем разгроме, автор всячески хочет подчеркнуть, что до самого Витторио Венето германцы были еще сильны.

54. В Австро-Венгрии продовольствия не было, и продовольственный кризис давно уже привел к сильному ограничению потребления в стране и снабжении армии. Но как раз в этот период австро-венгерскими частями была оккупирована часть Украины, и оттуда выкачивали много продовольствия для снабжения австро-венгерской армии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Схема 1. Общее географическое положение европейских государств, участвовавших в войне.

Схема 2. Общая схема австро-итальянского театра военных действий.

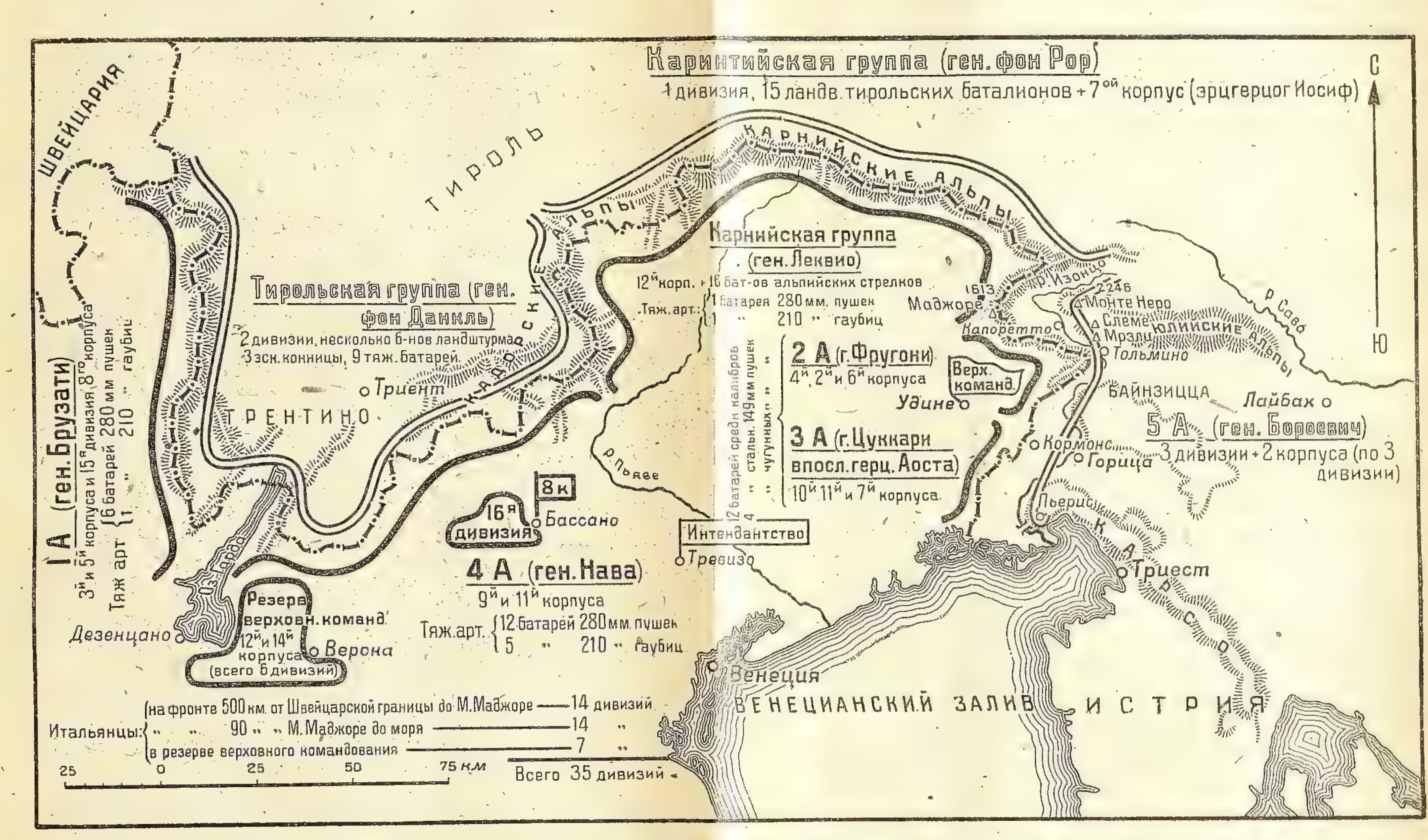


Схема 3. Общая схема развертывания итальянской и австрийской армий к началу операций на итальянском фронте.

Схема 4. Боевые действия на фронте 1-й и 4-й итальянских армий в конце мая 1915 г.

Схема 5. Первое сражение на Изонцо.

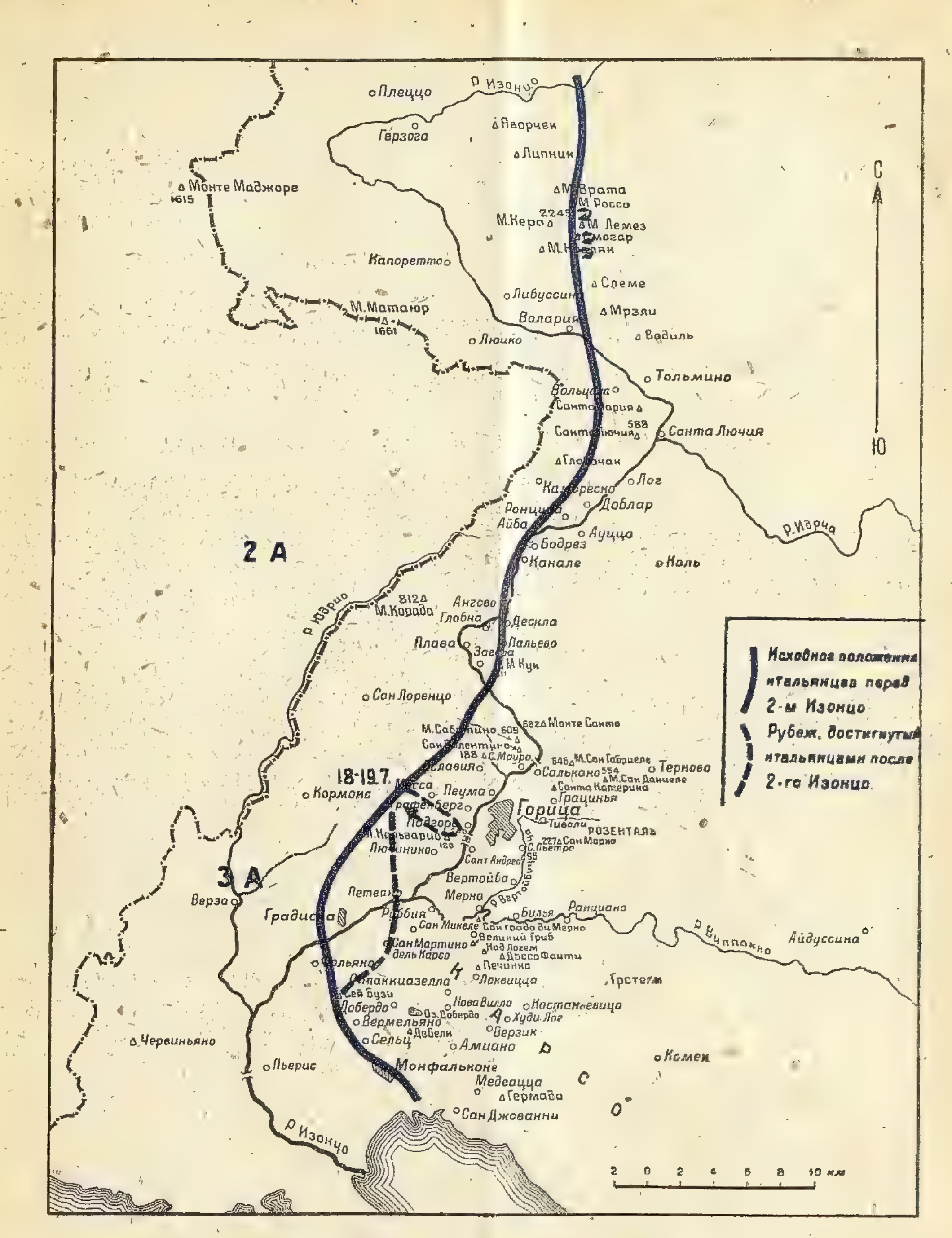


Схема 6. Второе сражение на Изонцо.

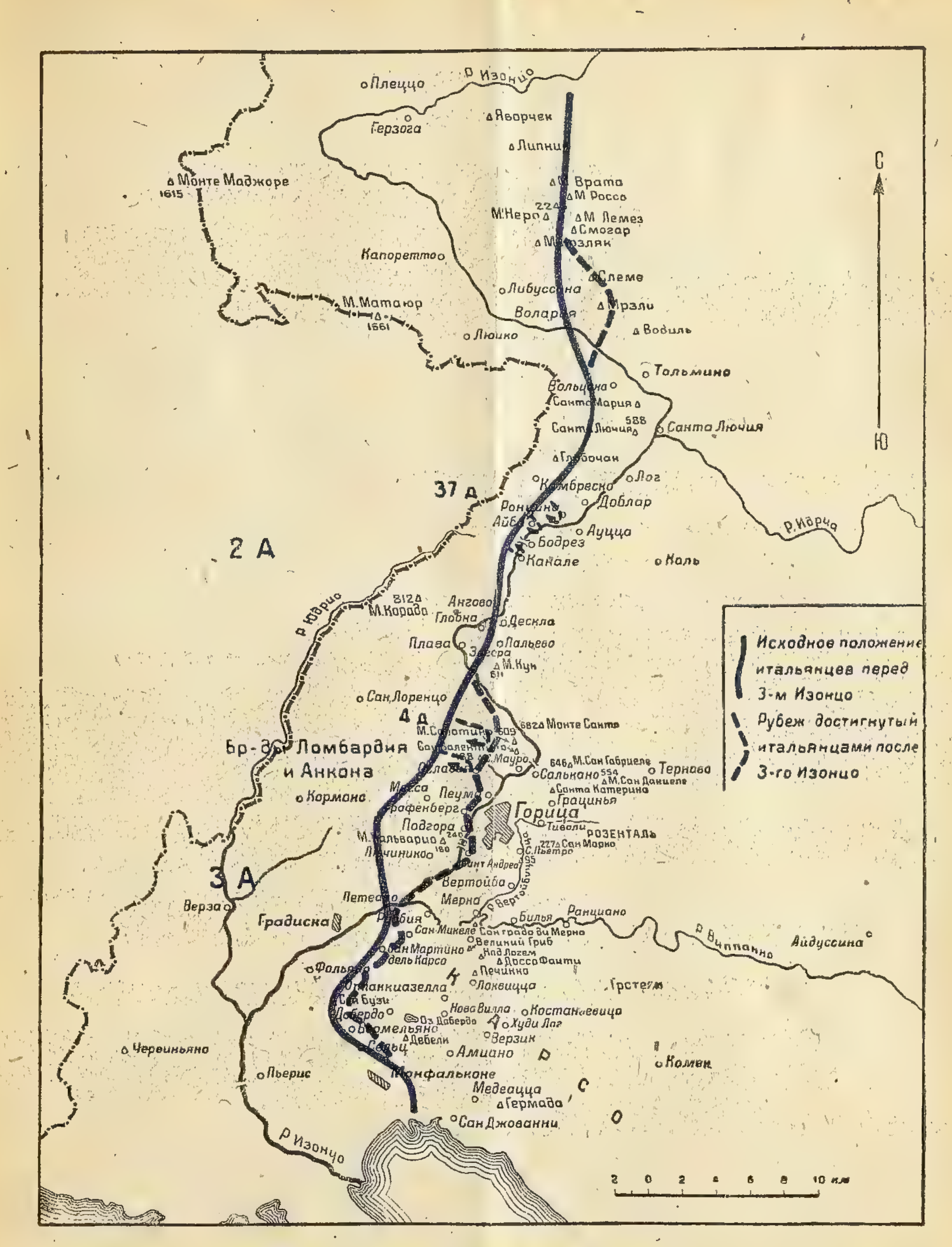


Схема 7. Третье сражение на Изонцо.

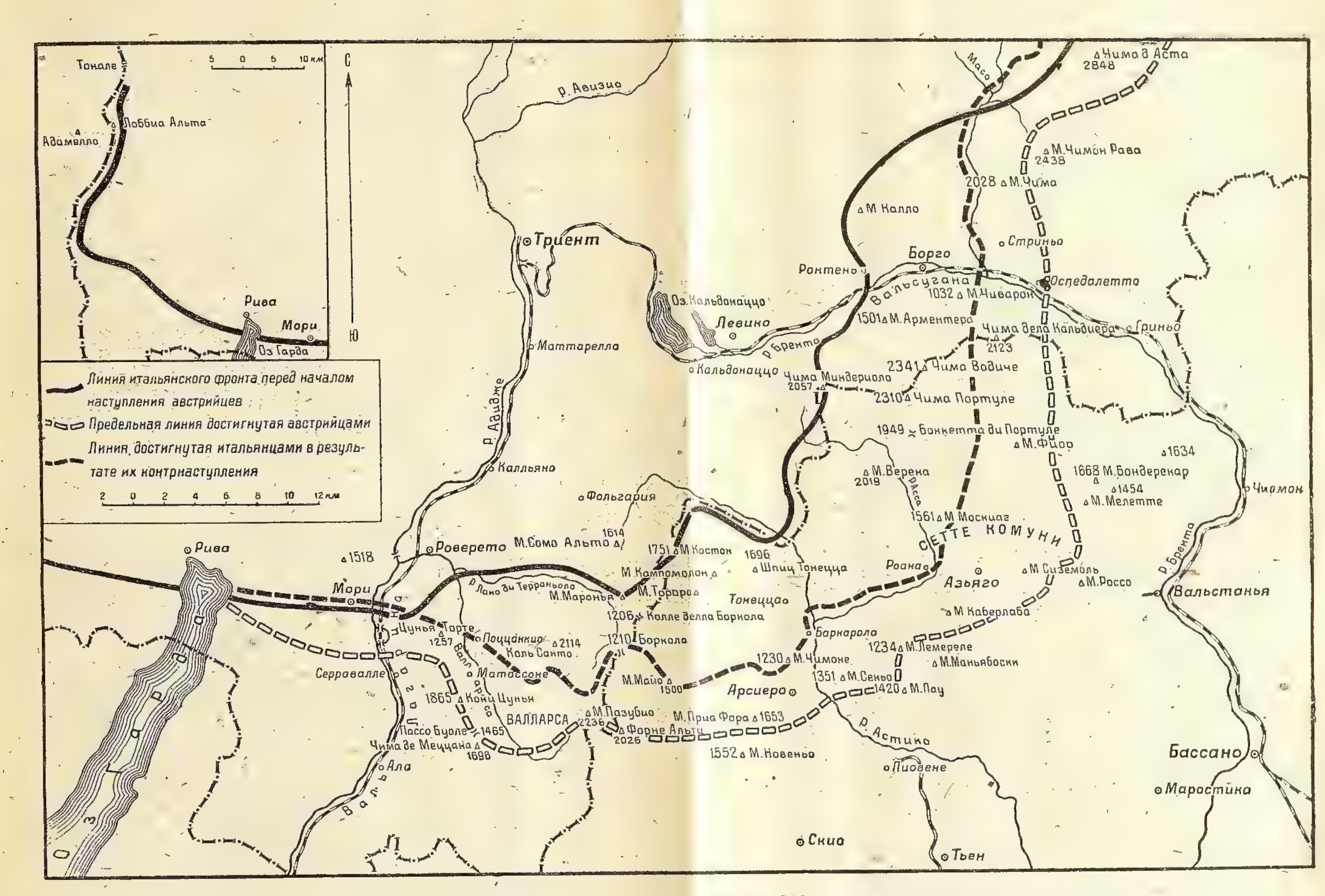


Схема 9. Наступление австрийцев в Трентино в мае—июне 1916 г. и контрнаступление итальянцев.

Схема 10. Общий вид местности в районе Горицы, где было проведено шестое сражение на Изонцо.

Схема 11. Наступление итальянцев на Горицу (шестое сражение на Изонцо).

ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
Н. К. П.

Схема 12. Седьмое, восьмое и девятое сражения на Изонцо.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

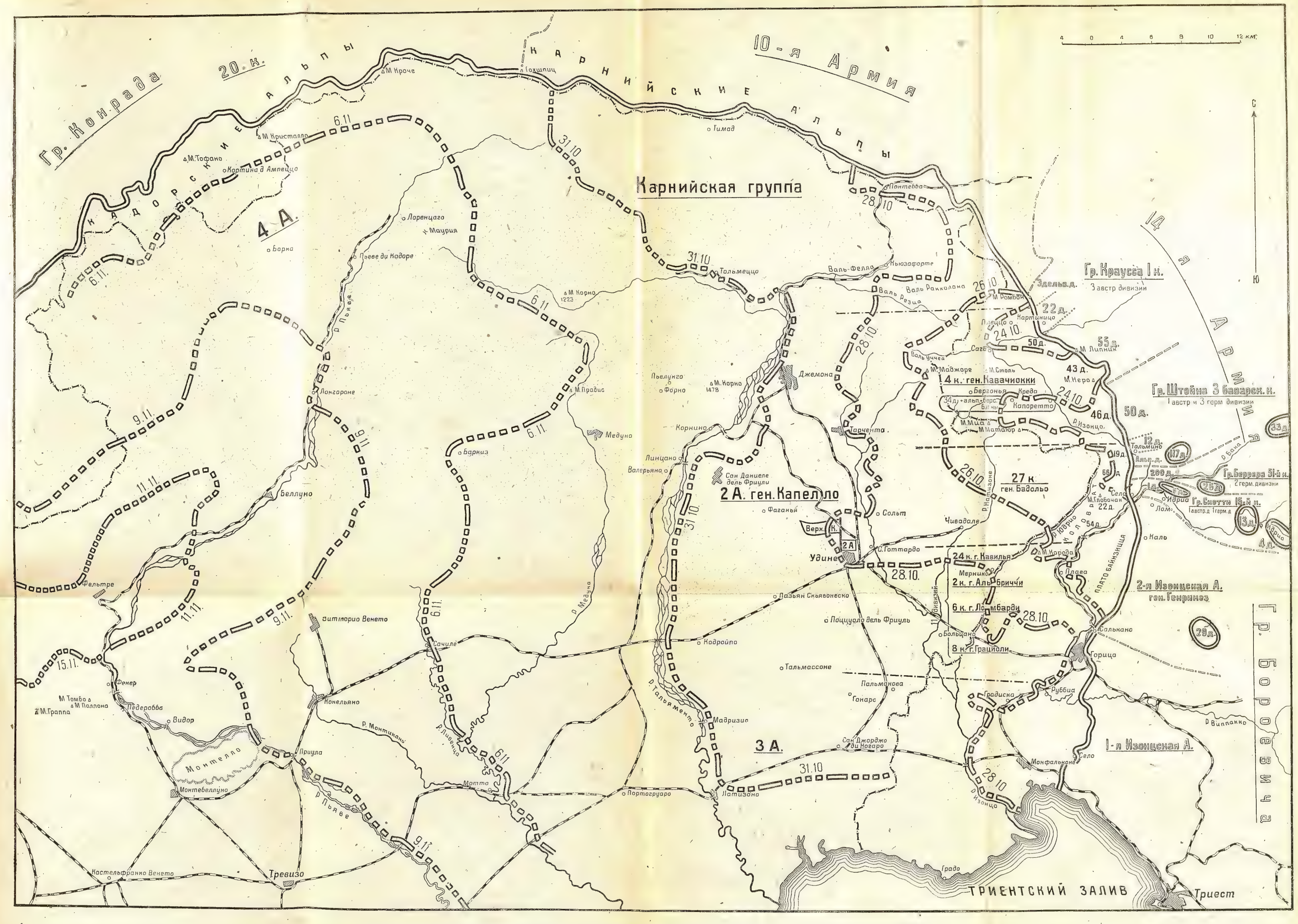
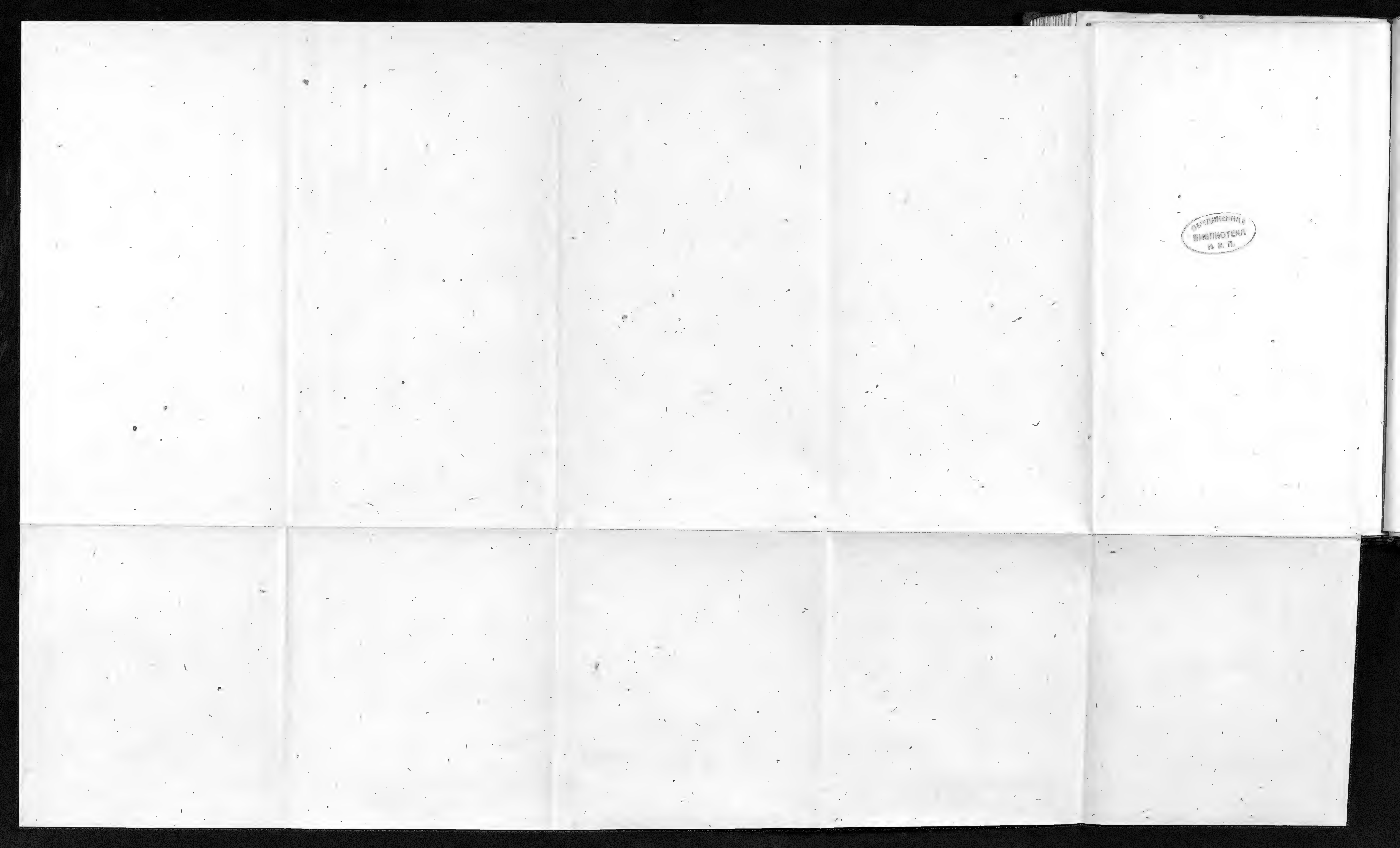


Схема 15. Последовательность наступления австро-германцев в сражении при Капоретто (в двенадцатом сражении на Изонцо).



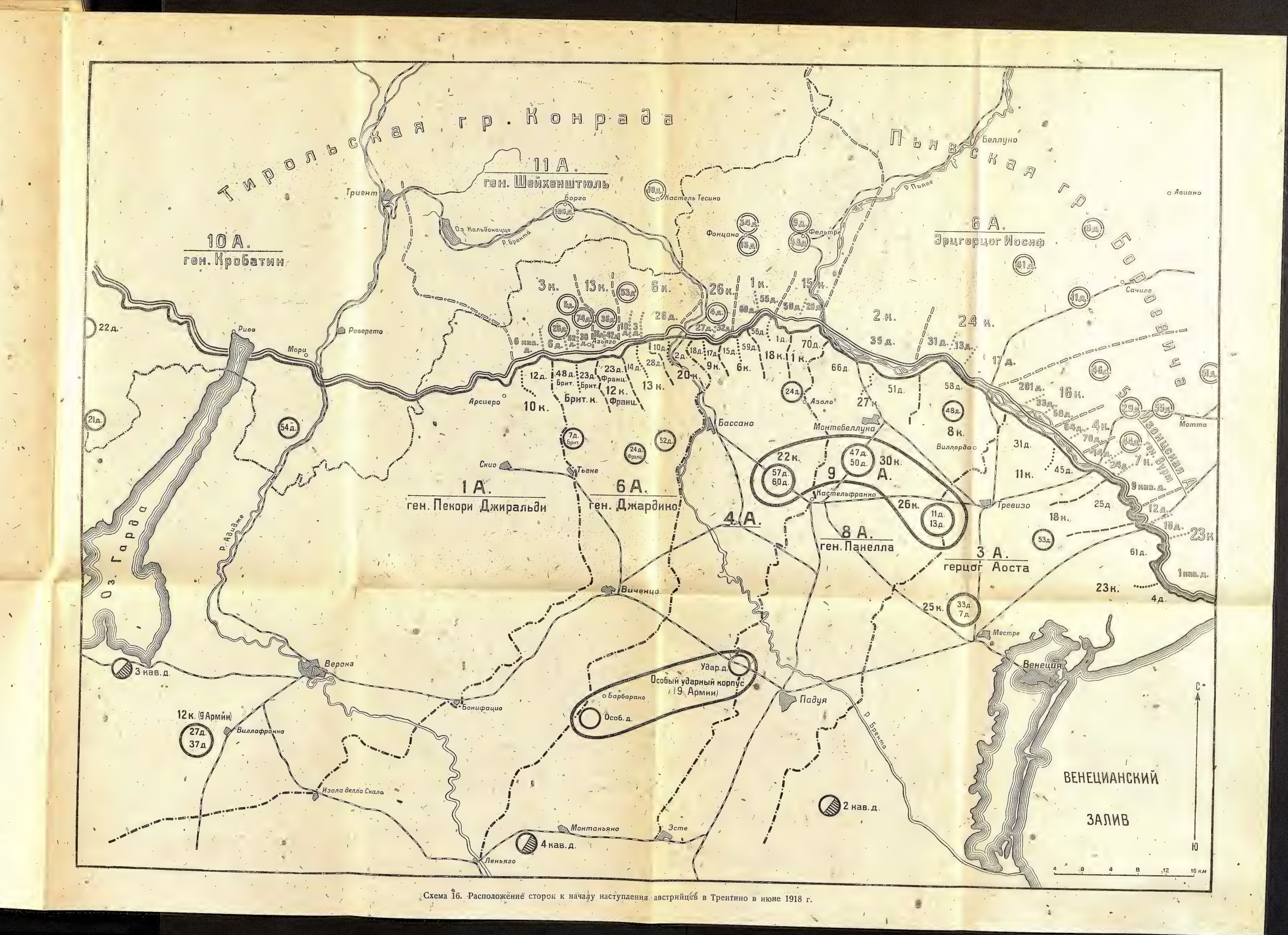


Схема 16. Расположение сторон к началу наступления австрийцев в Трентино в июне 1918 г.

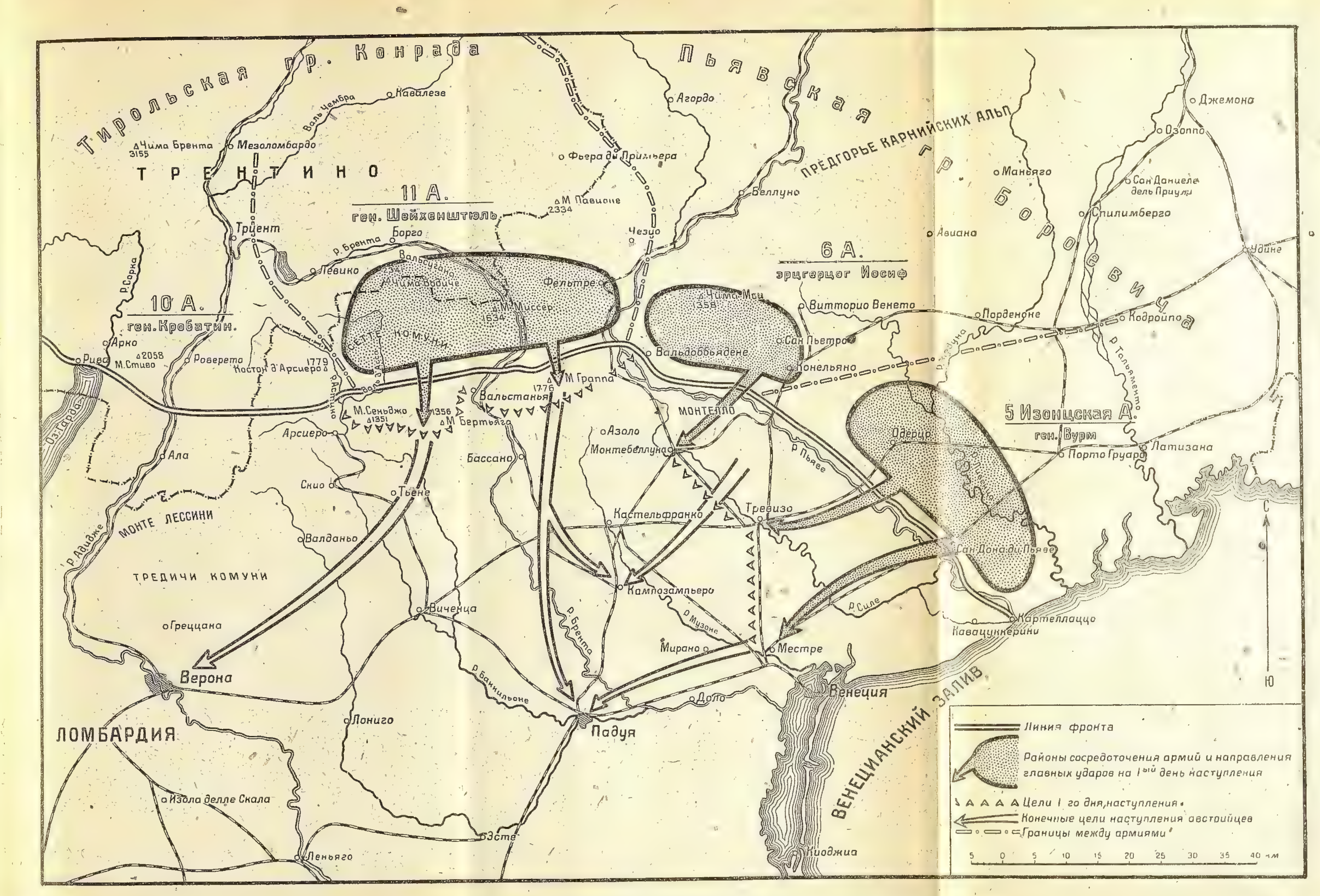


Схема 17. Наступление австрийцев в Трентино в июне 1918 г.

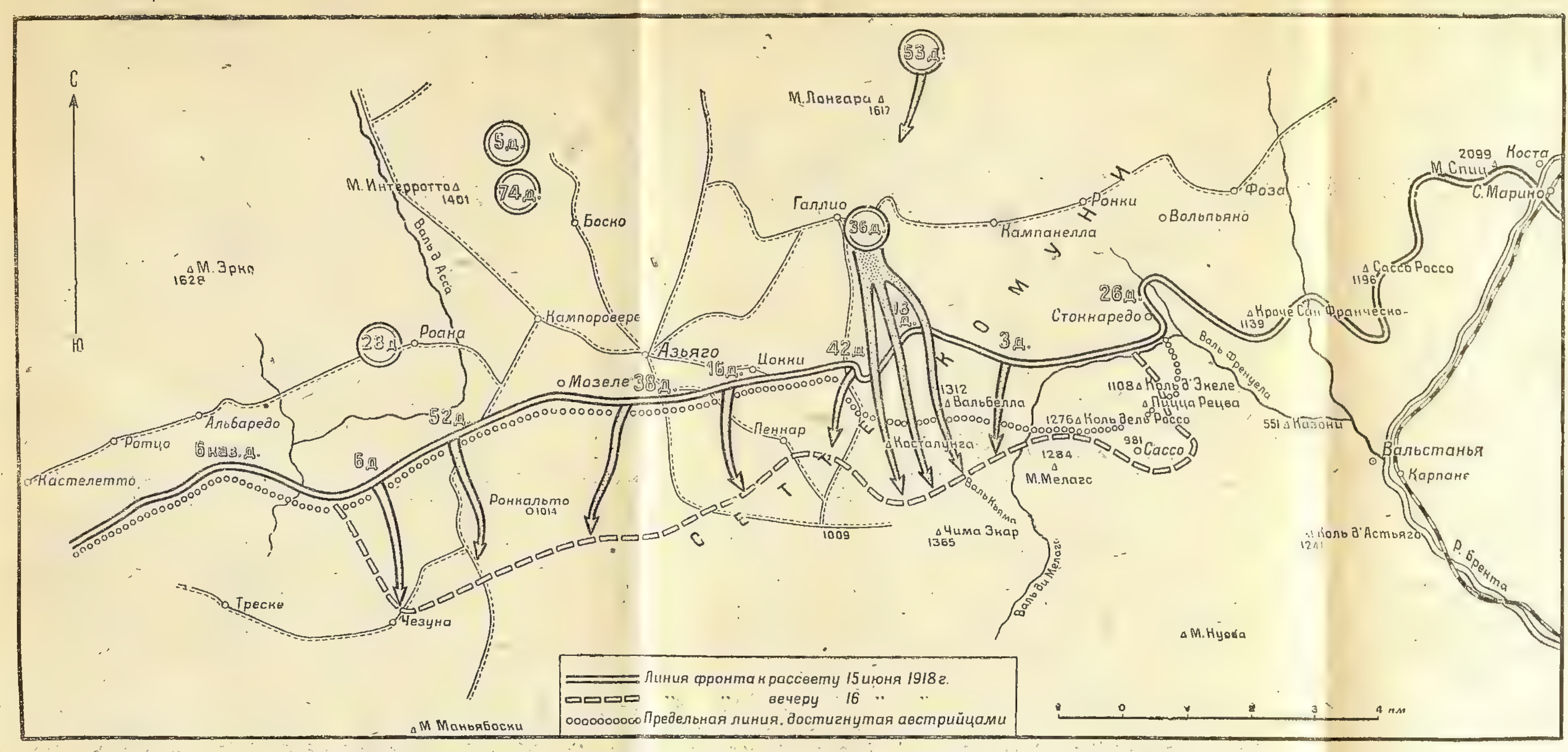


Схема 18. Бои в горном районе Сетте Комуни во время австрийского наступления в июне 1918 г.

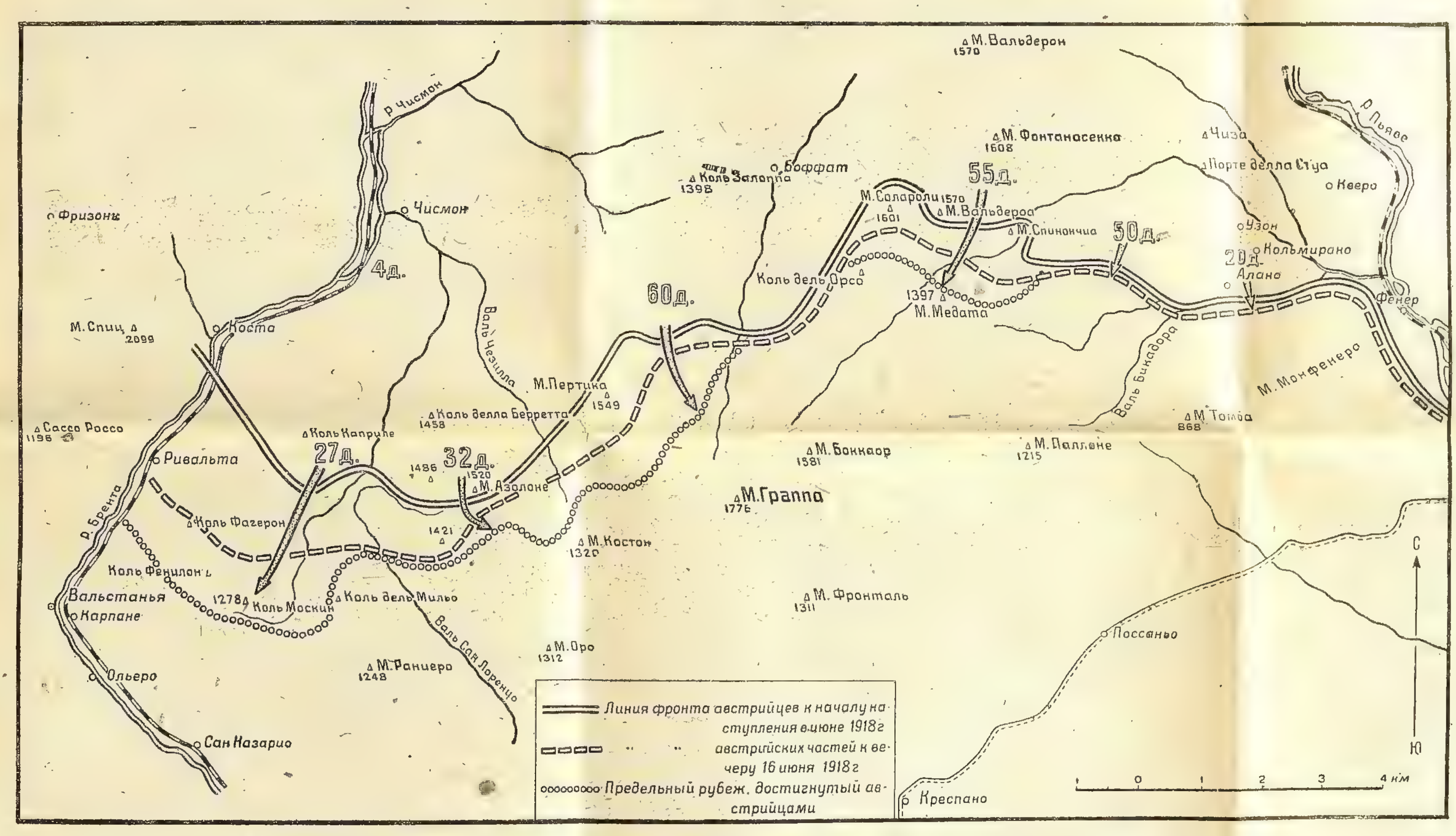


Схема 19. Бои в районе горного массива Граппа во время австрийского наступления в июне 1918 г.

Схема 21. Бои на нижнем течении реки Пьяве во время австрийского наступления в июне 1918 г.

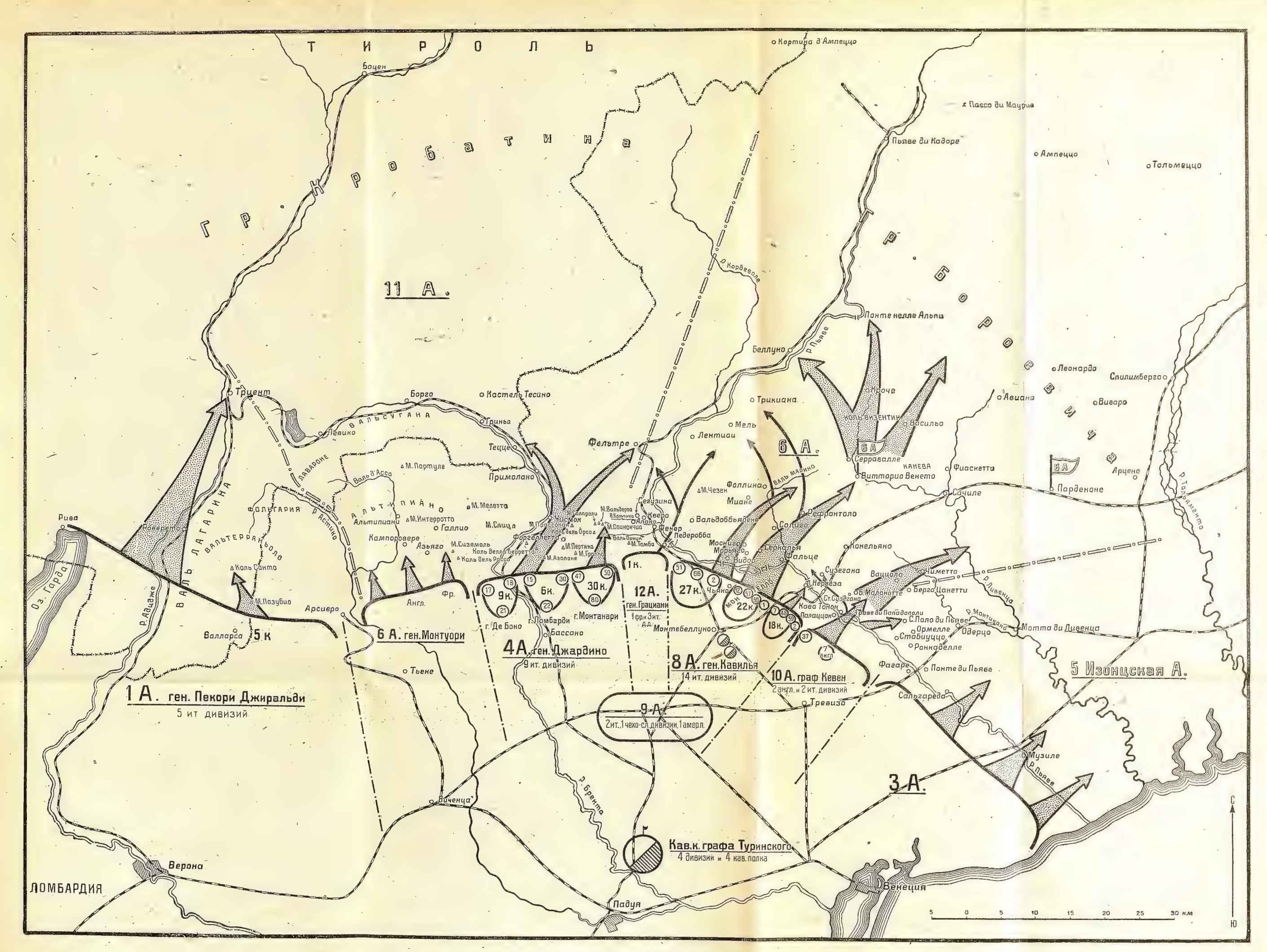


Схема 22. Сражение „Витторио Венето".